

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

57

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

57

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1955

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибиков, М. П. Грязнов, Л. А. Евтюлова,
А. Ф. Медведев (отв. секретарь), Г. Б. Федоров

для скотоводства. На территории Западного Закамья осела наибольшая группа. Там впоследствии и были основаны города, служившие очагами болгарской культуры. Кроме того, как показывают археологические исследования, часть болгарских городищ расположена и на правобережье Волги. Болгарские памятники встречаются и в районе Самарской луки, около Ульяновска и в Куйбышевской области¹. До появления болгарских племен в Среднем Поволжье этот край заселяли местные племена, основным занятием которых было земледелие и скотоводство. Кочевники не привнесли ничего нового в земледелие; наоборот, в чуждых для них географических и климатических условиях они восприняли от местного населения их многовековой земледельческой опыт, навыки и многие стороны материальной культуры. Это устанавливается по раскопкам многочисленных болгарских городищ, на материале которых прослеживается их связь с более ранними городищами края. По утверждению А. П. Смирнова, «... все это заставляет видеть в культуре болгарских городищ продолжение культуры предшествующих эпох»². К сожалению, в нашем распоряжении нет археологических материалов по земледелию для начального периода болгарской культуры, характеризующих состав возделываемых культур, технику обработки земель и другие вопросы. Развитие производительных сил болгар шло по линии расширения площадей под посев культурных растений, главным образом за счет освоения девственных степных пространств и расчисток лесов.

В этот период существовало еще примитивное земледелие, повидимому переложное, в разных вариантах, а возможно, и поздняя стадия мотыжного, которое в разнообразных формах было широко распространено в начале I тысячелетия н. э. у племен, населявших Среднее Поволжье и Прикамье. Дальнейшее развитие производительных сил вызвало улучшение земледельческой техники, о чем свидетельствует находка в одном из курганов VIII—IX вв.³ железного наконечника почвообрабатывающего орудия.

Появление в Волжской Болгарии орудий с железным ральником явилось большим прогрессом в земледельческой технике, оказавшим большое влияние на характер использования пахотных земель: значительно улучшилась обработка почвы и повысилась производительность пахотных площадей. По утверждению А. П. Смирнова, переход болгар к плужному земледелию совпадает по времени со вторым великим разделением труда, коснувшимся исключительно металлургии; другие отрасли обрабатывающей промышленности остались еще в стадии домашнего ремесла⁴. Основой экономики Болгарии становится земледелие, в связи с чем изменяется расположение поселений, которые ранее строились укрепленными на возвышенных малодоступных местах. С переходом к плужной обработке (с эпохи Болгарского княжества) города и деревни располагаются на плодородных равнинах, удобных для хлебопашества⁵. Ко времени расцвета Болгарского государства (X в.) его земледелие достигло довольно высокого уровня, расширился состав возделываемых культур при высокой земледельческой технике. По свидетельству современников — арабских путешественников, Волжская Болгария этой эпохи — страна развитой земледельческой культуры с обилием хлеба и других продуктов сельского хозяйства. «Болгаре народ земледельческий и возделывает всякого рода зерновой хлеб, как-то: пшеницу, ячмень, просо и другие», — свидетельствует Ибн-Русте⁶. Таковую же оценку земледелия дает и Ибн-Фадлан, посетивший страну болгар в 922 г. с посольством арабского халифа Муктадира.

¹ А. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 5.

² Там же, стр. 12.

³ Коллекции Государственного музея ТАССР в Казани.

⁴ А. П. Смирнов. Волжские болгары. Тр. ГИМ, вып. XIX, 1951, стр. 30.

⁵ Там же, стр. 30.

⁶ Д. А. Хвольсон. Ибн-Даста. СПб., 1868, стр. 23.

Эти письменные свидетельства современников далеко не достаточны для всесторонней характеристики земледелия волжских болгар. Дальнейшее его развитие в домонгольское и в золотоордынское время достаточно хорошо прослеживается на археологическом материале, собранном Куйбышевской экспедицией¹.

При раскопках болгарских городищ обнаружены зерна различных хлебных растений, части почвообрабатывающих орудий и др. Находки датируются в массе XII—XIV вв. и лишь очень незначительное их количество относится к XI в. Обилие материалов с достаточной долей достоверности может характеризовать состояние болгарского земледелия в домонгольское и золотоордынское время. Кроме того, материалы позволяют дать и ретроспективные дополнения к характеристике земледелия для более раннего времени.

Зерновой материал собран из зерновых ям при раскопках Болгарского городища, причем часть зерна извлечена в обугленном состоянии. Не вызывает сомнения, что найденное при раскопках зерно принадлежит к местной земледельческой культуре, которая стояла на более высоком уровне, чем у других народов Поволжья. Трудно поэтому предположить, что Болгария ввозила зерно из других местностей. Принадлежность зерна к местной культуре подтверждается также и видовым составом семян сорных растений, отделенных от зерна при его изучении, о чем будет сказано ниже².

За четыре года раскопок по количеству находок первое место занимает пшеница, которая, видимо, была главнейшей ведущей культурой (рис. 1—1). У пшеничных зерен очень отчетливо прослеживается бороздка, зародыш. Морфологическое изучение показало, что болгарская пшеница принадлежит к группе мягких пшениц. Размеры зерен равны по длине 5 мм и ширине 3,3 мм, занимая срединное положение между современными сортами озимых и яровых пшениц³.

Просо занимало видное место в составе возделываемых культур. Оно найдено при раскопках в обугленном состоянии, спекшимся в комочки различной величины, что совершенно исключает возможность морфологического изучения. Большое значение культуры проса находит объяснение в характере использования пахотных земель. Просо в лесостепных областях издавна возделывается на вновь вспаханных целинных и залежных землях, где оно, благодаря благоприятным условиям произрастания, давало высокий урожай.

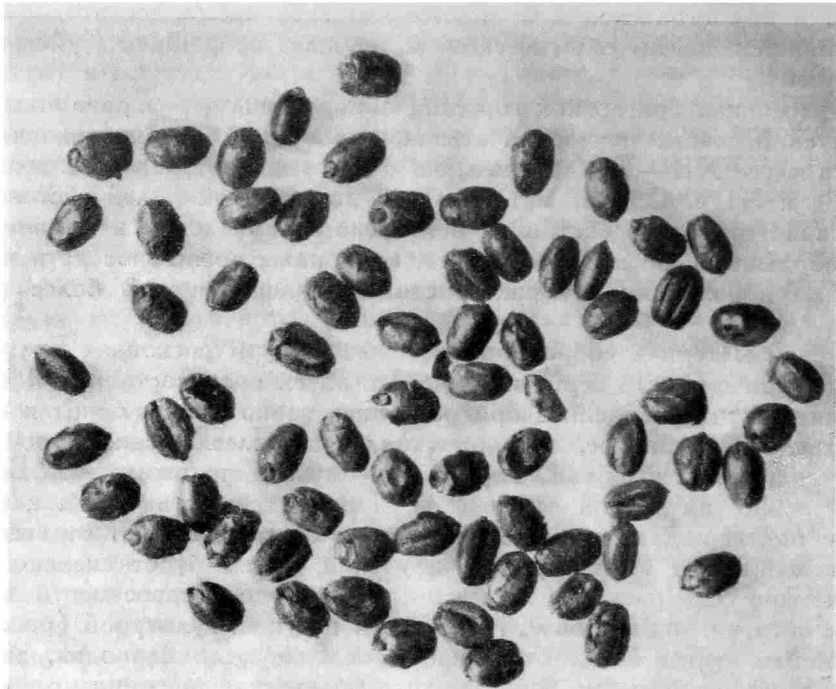
Не последнюю роль в земледелии волжских болгар в домонгольское и золотоордынское время играли овес и ячмень. При раскопках зерна этих культур найдены смешанными с большим преобладанием овса, но это чисто случайное явление — несомненно, каждое из этих хлебных растений имело самостоятельное значение. Зерна овса хорошо сохранили пленки, но встречаются зерна и без пленок.

Среди находок совершенно нет зерен полбы, являвшейся одной из древних и распространенных культур в Волжской Болгарии. Надо заметить, что все литературные, ботанические, исторические источники характеризуют полбу как главнейшую возделываемую волжскими болгарскими культурами, сохранявшую значение на территории бывшего болгарского государства в течение многих столетий. Она удержалась в составе возделываемых культур в Среднем Поволжье почти до наших дней. Посевы полбы были распространены в древности не только у народов Среднего Поволжья, но и в смежных с ним землях, о чем свидетельствует находка зерен полбы и

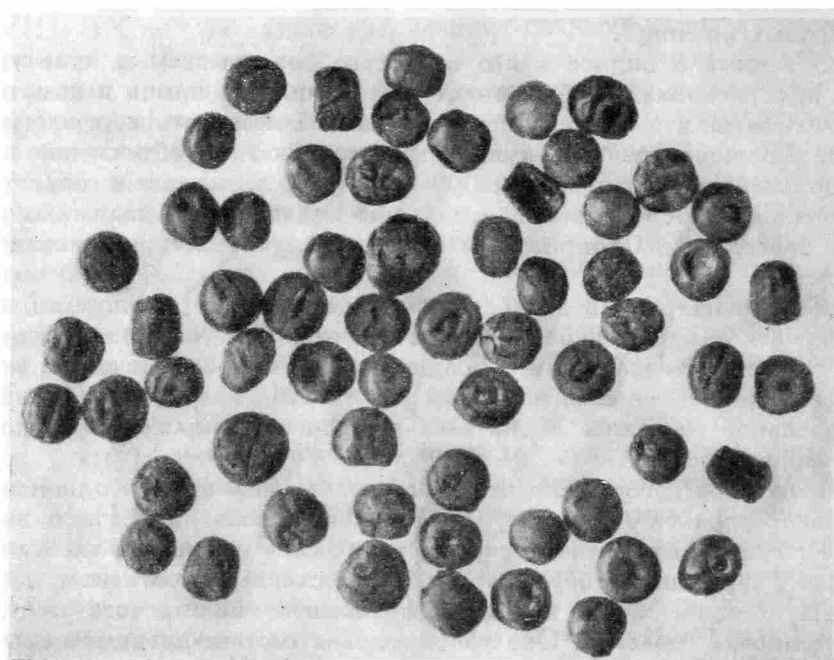
¹ Настоящая статья составлена на основании изучения материалов по земледелию из раскопок 1947—1950 гг.

² Исследование зерна проводилось в лаборатории ИИМК АН СССР.

³ Н. П. Козмина. Зерновое. М., 1947, стр. 214.

1

2

0 1 2 3 см

Рис. 1. Зерна из раскопок в Волжской Болгарии:
1 — пшеница; 2 — горох.

других культур при раскопках Дондыкарского городища¹. Судя по материалам раскопок городища Ош-Пандо², у древней мордвы в VI—IX вв. н. э. полба занимала значительное место в составе возделываемых культур. Отсутствие находок зерен полбы при археологических раскопках — явление чисто случайное. Она, несомненно, занимала важнейшее место в земледелии волжских болгар. Случайностью можно объяснить также и незначительное количество зерен ржи, обнаруженное при раскопках Болгарского городища.

Рожь, особенно озимая, в домонгольское время была одной из ведущих культур у народов лесной полосы Восточной Европы. И в сельском хозяйстве Волжской Болгарии рожь, несомненно, занимала видное место.

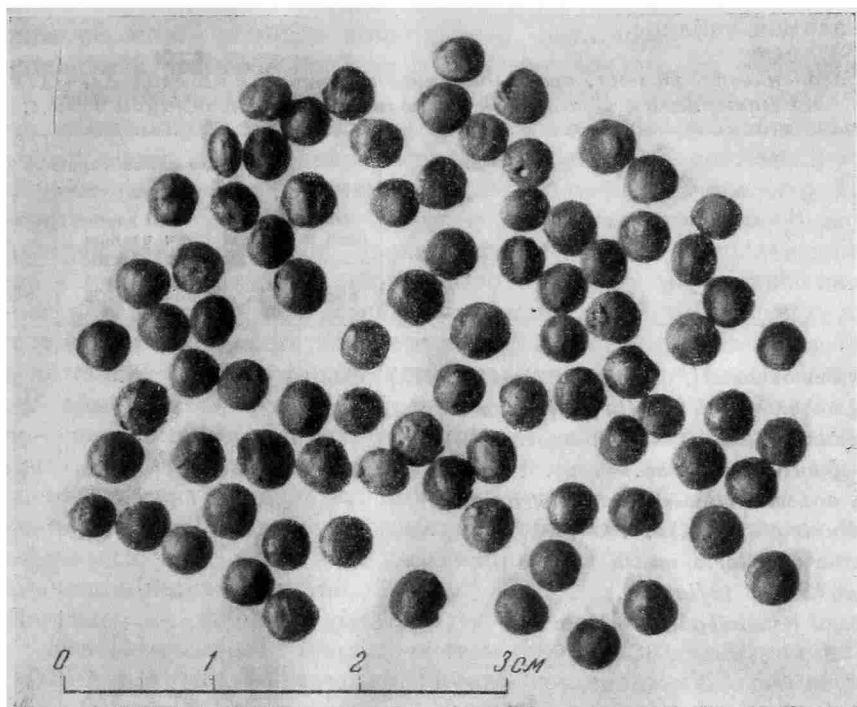

Рис. 2. Чечевица из раскопок в Волжской Болгарии.

Из зернобобовых культур в значительном количестве найдены зерна чечевицы и гороха. Зерна гороха мелкие, с хорошо сохранившейся кожистой оболочкой (рис. 1—2). Встречаются также и половинки его. Чечевица довольно мелкая, формы ее разнообразны (рис. 2), по размерам она приближается к современным мелкосемянным сортам.

Из прядильных растений обнаружены семена конопли, размеры зерен которой меньше, чем у современных сортов.

Таким образом, на основании изучения археологических материалов можно сделать вывод, что в домонгольское время в Волжской Болгарии широко использовались зерновые и зернобобовые культуры, а также прядильные растения, т. е. почти все культуры современного земледелия. Мы имеем все основания утверждать, что для создания высокой земледельческой культуры с широким составом возделываемых растений, какая была,

¹ А. П. Смирнов. Социально-экономический строй восточных финнов IX—XIII вв. н. э. Труды секции РАНИОН, т. II, М., 1928, стр. 74.

² П. Д. Степанов. К вопросу о земледелии древней мордвы. СЭ, № 3, 1950, стр. 163.

судя по археологическим материалам XI—XIV вв., в Волжской Болгарии, необходимо длительное время, исчисляемое веками. Весьма вероятно, что уже в VIII—IX вв. н. э., в период формирования болгарского земледелия, возделывалось много культурных растений, однако время освоения отдельных их видов по археологическим материалам не прослеживается.

При изучении находок древних болгарских зерен было отделено много семян сорных растений, попавших при обмолае снопов и полностью не удаленных при провеивании, повидимому производившемся в древности у всех земледельческих народов при ветреной погоде вскидыванием засоренного зерна. При таком способе очистки часть семян сорных растений попадает в кучу с зерном и сохраняется в ямах и иных хранилищах¹.

Видовой и количественный состав семян сорных растений представлен в приводимой таблице.

Засоренность ячменя, овса, пшеницы и чечевицы из слоя XII—XIV вв. по материалам Болгарской археологической экспедиции 1949 г.

Название сорняков	Число семян сорняков на					
	3200 зерен овса и ячменя		1200 зерен чечевицы		600 зерен пшеницы	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Гречишка вьюнковая (<i>Polygonum convolvulus</i> L.)	302	60	—	—	4	8
Круглец метельчатый (<i>Neslia paniculata</i> Desv.)	105	21	—	—	20	42
Подмаренник цепкий (<i>Galium aparine</i> L.) . . .	35	7	—	—	10	21
Сорные вики (<i>Vicia</i> s. sp.)	—	—	50	62	13	27
Горчица полевая (<i>Brassica sinapistrum</i> L.) . . .	—	—	1	1	—	—
Просо (<i>Panicum</i> s. sp.)	—	—	28	34	—	—
Звездчатка (<i>Stellaria media</i> L.)	—	—	2	3	—	—
Смолевка (<i>Silene inflata</i> L.)	—	—	—	—	1	2
Марь белая (<i>Chenopodium album</i> L.)	60	12	—	—	—	—
Всего	502	100	81	100	48	100

Видовой состав семян сорняков, отделенных от зерна, далеко не исчерпывает всего состава растений, засорявших в древности поля Волжской Болгарии. Возможно, что часть семян погибла или утеряна при извлечении из зерновых ям. Характерно присутствие семян кругльца² — сорного растения лесостепных и степных областей, что служит достаточно убедительным доказательством принадлежности обнаруженного зерна к местной культуре. Любопытно отметить, что количественное соотношение зерна и семян сорных растений является показателем степени обработки почв, на которых возделывалась данная культура.

В нашем случае на 1000 зерен овса и ячменя приходится 160 семян сорняков, на 1000 зерен чечевицы 68 сорняков и на 1000 зерен пшеницы

¹ С возникновением земледелия появились и сорные растения, приспособившиеся в течение длительного времени к условиям произрастания культурных. Многие сорные растения созревают одновременно с хлебом. При уборке их стебли срезаются, а при обмолае снопов вымолачиваются и семена, примешиваясь к зерну. Семена некоторых сорняков по созреванию осыпаются и засоряют почву; создается громадный потенциальный запас их в пахотном слое, причем засоренность увеличивается при благоприятных условиях из года в год.

² Очень редкого в лесной зоне

80 сорняков¹, что характеризует очень большую засоренность, которая для болгарского зерна (овес, чечевица и пшеница) не является случайной.

Надо заметить, что при освоении новых целинных земель, разновозрастных залежей, расчисток из-под леса в высеянных хлебах в первые годы почти не бывает сорных растений. При дальнейших распахках под посевы количество сорняков из года в год возрастает за счет заноса семян сорных растений с посевным материалом, птицами, животными, а главным образом за счет осыпания при созревании, причем создается громаднейший запас их в пахотном слое. При большой засоренности древнего болгарского зерна имеются основания утверждать, что чечевица, пшеница и овес возделывались не на вновь осваиваемых землях, а на старопахотных почвах, где уже наметилося определенное чередование культур при посевах.

Таким образом, наличие почв давней окультуренности дает возможность подойти к решению вопроса о системах земледелия в Волжской Болгарии в домонгольское время. При широком составе возделываемых культур, включающих многие виды зерновых хлебов, зернобобовых и прядильных растений, преобладание типичной переложной системы земледелия, распространенной в более раннее время, едва ли было возможно. Сущность этой системы заключается в забрасывании выпаханых и засоренных полевых участков в перелог после нескольких лет использования. Это делалось в целях восстановления плодородия почвы и уничтожения жизнеспособности семян сорных растений, скопившихся в пахотном слое. Такая система требовала больших земельных пространств и была жизненна лишь на определенном этапе исторического развития земледелия Волжской Болгарии. В домонгольское время, в связи с большими политическими и социально-экономическими преобразованиями, коренным образом изменившимися весь организационный строй болгарского земледелия, переложная система, как преобладающая, не могла иметь места.

Всякая система земледелия имеет исторически преходящий характер; она изменяется под влиянием слагающихся и уже сложившихся общественно-экономических условий.

Домонгольский период характеризуется бурным подъемом производительных сил Волжской Болгарии, ростом городов и развитием различных ремесел. Как показывают археологические исследования, в X в. возникли и сложились города Болгар, Сувар, Биляр, возможно, Жукотин и Керменчук². Близ городов развивались пригороды ремесленного характера. В X в., в период расцвета государства, широко развились внешние торговые связи, далеко простирающиеся за пределы страны. Город Великие Болгары был в это время крупным торговым центром, куда съезжались купцы из разных стран³.

Земледелие шло по пути освоения больших земельных массивов и главным образом сложения более прогрессивных форм их использования. Но главной причиной, оказавшей исключительное влияние на характер сельского хозяйства, была феодализация болгарской деревни. Сложение феодальных отношений здесь можно отнести к IX и первой половине X в. Уже со второй половины X в. феодальные отношения в Болгарском государстве стали господствующими⁴, когда большая часть земельных пространств сосредоточилась в руках правящей верхушки.

Прикрепление к земле зависимого от феодала земледельца утверждало постоянство пахотных участков, что оказало влияние на изменение характера использования этих участков и в конечном счете всей системы

¹ Для древнего новгородского зерна эти показатели немного меньше: на 1000 зерен ржи приходится 10 сорняков, на 1000 зерен пшеницы 40—50 сорняков.

² А. П. Смирнов. Волжские булгары. Тр. ГИМ, вып. XIX, 1951, стр. 30.

³ Там же, стр. 43.

⁴ Там же, стр. 39.

земледелия. В связи с ростом земледельческого населения и прогрессом в земледельческой технике, появилась необходимость применения иных, чем перелог, способов восстановления утраченного плодородия почвы. Это было очень характерно для областей Волжской Болгарии, примыкающих к Волге, где располагались главнейшие города и, надо полагать, было сосредоточено и более плотное земледельческое население. Использование пахотных площадей в этих областях носило более прогрессивный характер. Можно предполагать, что в X в. здесь уже сложилась паровая зерновая система, основные элементы которой формировались в значительно более раннее время, вероятнее всего в VIII—IX вв., в связи с великим переломом в земледелии, выразившемся в применении почвообрабатывающих орудий с железными сошниками. Формирование элементов паровой системы при переложной связано с удлинением срока пользования вновь освоенных целинных и залежных участков. При этом они не забрасывались в перелог, а оставлялись для паровой обработки в целях уничтожения сорной растительности и частичного восстановления плодородия почвы. Время от времени выпаханые участки выделялись под одногодичный пар; кроме того, применялась, вероятно, и залежно-паровая система, заключающаяся в забрасывании участков на короткое время в перелог, который после вспашки снова использовался под посев.

Усовершенствование обработки парового поля находилось в тесной взаимосвязи с развитием земледельческой техники, и весьма вероятно, что применение улучшенных орудий успешно разрешало задачу борьбы с засоренностью почвы.

Таким образом, из первоначальных форм обработки парового поля, эпизодически применявшихся в условиях переложной системы, в дальнейшем развитии сложилась паровая зерновая система. Под влиянием изменившихся общественно-экономических отношений она получила окончательное завершение в форме трехполья и иных форм в X в. и, повидимому, в это время в местах с плотным земледельческим населением заняла господствующее положение.

Однако при господстве паровой системы удержались еще формы переложной (в виде разновозрастных залежей) и залежно-паровой, сохранявшей свое значение в продолжение многих веков. Надо полагать, что в периферийных областях Волжской Болгарии с менее плотным земледельческим населением, в условиях значительных земельных массивов, сохранила свое значение и переложная система в различных формах — от первоначальных до переходных к паровой системе форм.

С повышением производительности пахотных площадей возросло производство хлеба, количество которого стало превышать потребность в нем местного населения. Волжская Болгария в этот период снабжала хлебом и другими продуктами сельского хозяйства не только городское население, но и соседние земли. Об обилии хлеба свидетельствуют русские летописи под 1024 г.: «Бе мятежь велик, а голод по всей той стране, идоша по Волзе вси людье в Болгары и привезоша жито и тако ожиша»¹.

Таким образом, в домонгольский период Волжская Болгария была типичным феодальным государством, основой экономики которого было земледелие, достигшее в X—XI вв. высокого уровня. Оно явилось основой интенсивного развития различных ремесел, широкой внутренней и внешней торговли, приведших государство к расцвету и могуществу.

Развитие техники земледелия Волжской Болгарии находилось в самой тесной взаимосвязи с развитием земледельческих систем. Великий перелом произошел, повидимому, в VIII—IX вв., с появлением почвообрабатываю-

¹ ПСРЛ, т. I, 1926, стр. 147.

щих орудий с железными наконечниками. Рост производительных сил вызвал дальнейшее развитие земледельческой техники и усовершенствование орудий, удовлетворяющих запросы развивающегося земледелия.

Надо полагать, что в X в., в период сложения паровой зерновой системы, земледельческая техника была представлена всеми типами почвообрабатывающих орудий. По свидетельству А. П. Смирнова, к X в. относится ряд находок сошников различного типа, легких и тяжелых; последние изготовлялись даже с резаками для подрезки дернового слоя¹.

При археологических раскопках болгарских городищ собрано много лемехов и сошников различных типов и размеров; вместе со случайными находками число их очень значительно. Однако вопрос об их точной датировке еще не разрешен. Это особенно относится к материалам, опубликованным Штукенбергом в 1896 г.² Все же они представляют известную ценность для определения типов почвообрабатывающих орудий.

Много сошников различного типа хранится в музее ТАССР, а также в фондах Государственного Исторического музея в Москве.

Древние болгарские лемехи и сошники по форме и размерам отчетливо разделяются на три вида, среди которых надо выделить тяжелые лемехи длиной до 40 см при наибольшей ширине до 28 см (рис. 3 — 1, 2)³. Такого типа лемехи встречаются и меньших размеров. Лемехи имеют рабочую часть — лопасть, обычно выпуклую, которая у большинства болгарских сошников симметричной формы. Толщина лемехов до 1 см. Кроме того, для повышения прочности на обратной стороне, по краям рабочей части, нередко наваривается узкая, довольно толстая железная полоска. Такое усиление прочности лопасти предохраняет лемех от сгибания при обработке тяжелых целинных и задерненных почв. В верхней части лемеха имеются небольшие загибы, образующие подобие втулки для закрепления его на деревянном полозе плуга. Лемехи этого типа очень часто находят при раскопках памятников лесостепной полосы русской равнины. Особенно богато представлены они в материалах Райковецкого городища⁴, с исключительной полнотой характеризующего состояние земледельческой техники Киевской Руси в домонгольский период.

При раскопках болгарских городищ находят плужные ножи-чересла, являющиеся одной из составных частей древнего болгарского плуга. Чересла по внешнему виду представляют большой нож с тупой тыльной стороной и с железной, чаще всего четырехгранной рукояткой. Длина болгарских чересел достигает 60 см (рис. 3 — 3, 4)⁵, но встречаются они и меньших размеров и иной формы, в соответствии с размерами плуга. Назначение чересла состоит в отрезании пласта почвы в вертикальном направлении после поднятия его лемехом, идущим в почве горизонтально, с последующим переворачиванием при помощи отвальной доски — необходимой принадлежности такого плуга. Чересло, кроме того, дает плугу устойчивость. При раскопках не найдено деревянных частей болгарского плуга, и восстановить его облик, а также возможное расположение рабочих частей трудно. Однако литературные и этнографические материалы дают близкое к действительности представление о конструкции древнего болгарского плуга. Академик И. И. Лепехин во время своего путешествия в 1768 г. встретил в мордовской деревне Бесовке, расположенной при реке Черемшан, плуг-сабан, железные части которого имеют поразительное сходство

¹ А. П. Смирнов. Волжские булгары. Тр. ГИМ, вып. XIX, 1951, стр. 35.

² А. Штукенберг. Земледельческие орудия древних булгар. Уч. зап. Казанского ун-та, т. VI, 1896, стр. 211.

³ Чертежи с этик лемехов сняты с подлинников, хранящихся в фондах ГИМ в Москве.

⁴ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950.

⁵ Чертежи сняты с подлинников, хранящихся в фондах ГИМ в Москве.

с частями плугов, находимых при раскопках болгарских городищ (рис. 4)¹. По описанию Лепехина, мордовский плуг внешне довольно примитивен. «Собственно состоит он из двух частей: первая называется *припряг*, а другая *сабан*. Припряг составляет ось с двумя обыкновенными колесами, а сабан сложен из разных частей: первая называется *стрелка*, которая не иное что есть, как излучистое долгое бревно. К переднему концу прикреп-

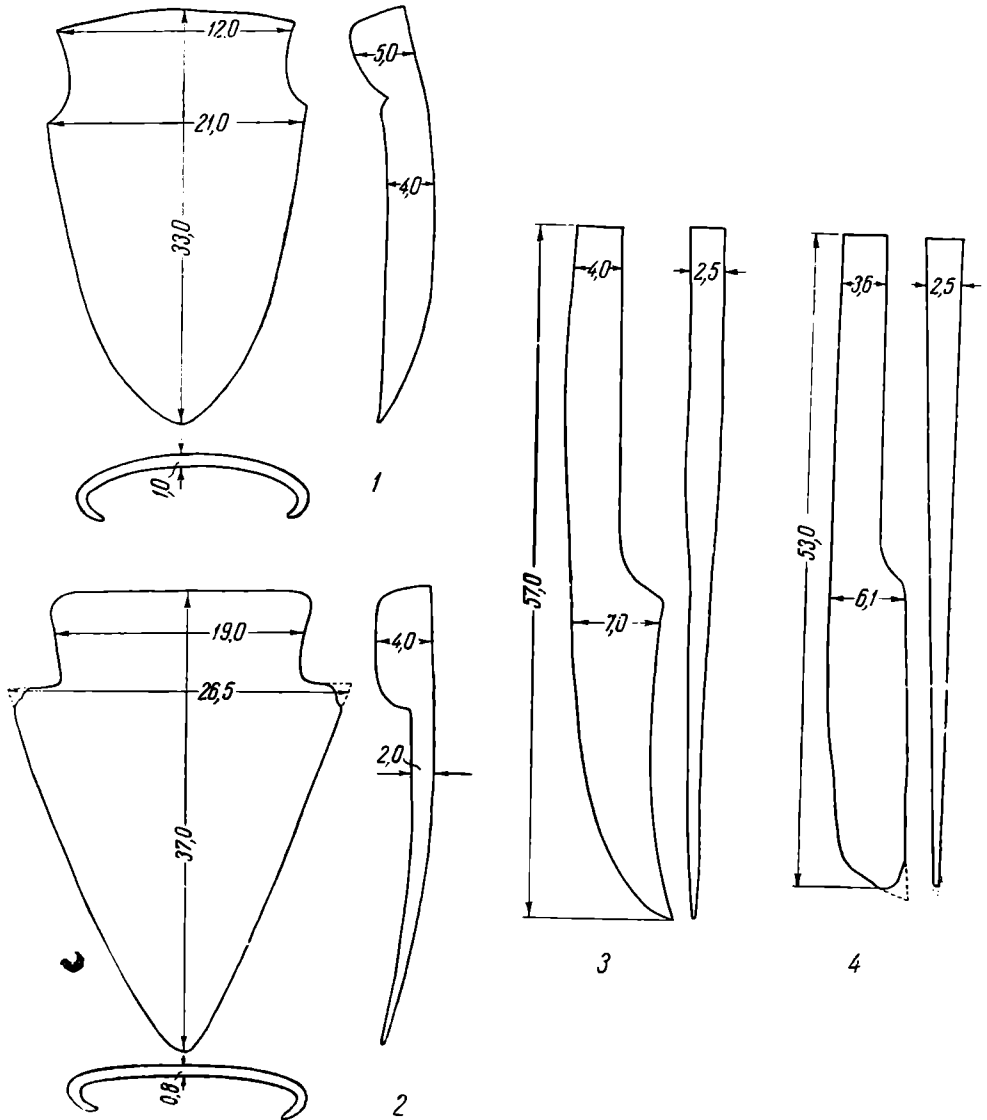

Рис. 3. Типы болгарских железных лемехов (1, 2) и чересла (3, 4).

ляется деревянный гвоздь, на который надевается веревочная петля, привязанная концами к припрягу. Стрелка влаживается в ноги, которые делаются из двух кокорин. Горизонтальная часть ног называется *лемег* и сводится лопаткой, а развилстую часть кокорин именуют ногами. . . На конец лемеха надевают *ладонь* или железный плоской, острой треугольник. Резец закрепляется на стрелке; его острие оборачивается к припрягу». Далее И. И. Лепехин замечает, что «с правой стороны к ногам и стрелке прибивается доска,

¹ Фотография плуга изготовлена с рисунка, помещенного в работе А. Штукенберга. Уч. зап. Казанского ун-та, т. VI, 1896, стр. 211.

паница называемая, которая подрезанные резцом и поднятые ладонью глыбы отворачивает на сторону. Для сего орудия употребляются по крайней мере 4 лошади»¹.

Таким образом, плуг-сабан представляет собой тяжелое орудие, предназначенное главным образом для вспашки целинных земель и разновозрастных залежей.

Надо полагать, что описанный мордовский плуг-сабан очень близок древнему болгарскому плугу. Были, вероятно, некоторые конструктивные отклонения, но общие его черты сохранились в мордовском сабане. Такого типа плуги были широко распространены в древности у земледельческих народов лесостепной и степной полосы, о чем свидетельствуют находки сошников, чересел и других частей при раскопках памятников на всей территории лесостепной полосы — Молдавии, Райковецком городище и других местах. Вполне вероятно, что в древности орудия такого типа возникли совершенно самостоятельно, в различных местах, при одинаковых условиях

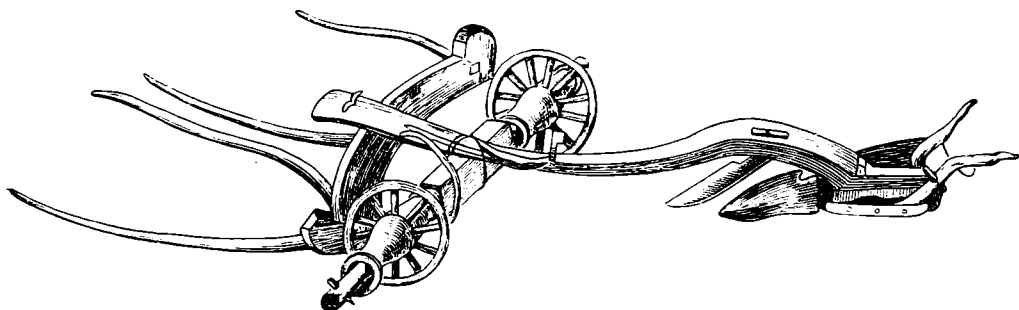

Рис. 4. Болгарский плуг (фотоснимок с рисунка из работы Штукенберга о болгарских земледельческих орудиях).

земледелия, под влиянием которых они приняли сходные формы с небольшими лишь отклонениями в конструктивных деталях. Такие плуги очень долго держались в русском земледелии в лесостепных и степных областях, о чем свидетельствуют многочисленные литературные источники и этнографические материалы².

Появление подобных плугов в Волжской Болгарии связано с улучшением металлургической техники как одного из проявлений развития производительных сил страны. Можно с большой долей достоверности считать, что в VII—IX вв., когда в болгарском земледелии нашли применение почвообрабатывающие орудия с железными ральниками, повидимому рыхлящего типа, происходило формирование основных конструктивных элементов более совершенного орудия — с лемехом, резцом и отвальной доской.

В X в. такие орудия уже применялись в земледелии Волжской Болгарии.

Появление орудий плужного типа, работа которых сводилась к вспашке почвы с переворачиванием пласта, знаменовала большой технический прогресс в земледельческой технике, позволивший в широких размерах осваивать степные пространства черноземных почв высокого исходного плодородия. Преобразования в земледелии вызвали еще большее развитие металлургической техники. Это было необходимо для удовлетворения растущих запросов. Плуги подобного типа, но меньших размеров получили применение при паровой обработке почв в целях борьбы с сорной растительностью. При достигнутом уровне земледельческой техники пар мог стать

¹ Полное собрание ученых путешествий по России. Т. III. Записки путешествия академика Лепехина. СПб., 1821, стр. 134—135.

² Рисунок архаического плуга, сохранившегося в Полтавщине, дан в «Сборнике Полтавского державного музея им. В. Г. Короленко», т. I. Полтава, 1928, стр. 75.

основным и достаточно эффективным способом поддержания плодородия почвы в течение длительного времени. Проведение таких мероприятий возможно в условиях окультуренных старопахотных почв, наличие которых в домонгольский период в земледелии Волжской Болгарии достаточно убедительно подтверждается анализом видового состава семян сорных растений.

Кроме лемехов, при раскопках болгарских городищ находят железные части орудий совершенно иной формы. Одно из них можно назвать сошником (рис. 5 — 1)¹. Длина его 28 см; в верхней части имеется несомкнутая, длиной 10 см, втулка, в поперечном разрезе продолговато-овальной

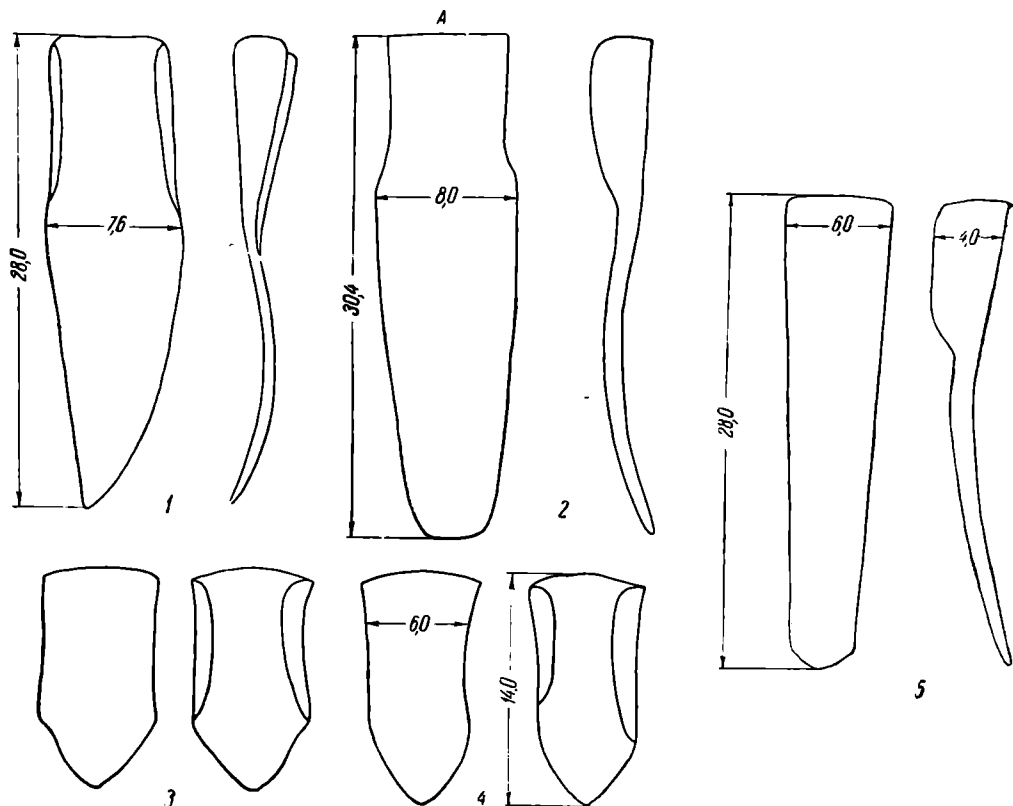

Рис. 5. Типы болгарских сошников (1—4) и древнерусский сошник из Новгорода (5).

формы. Рабочая часть сошника, незначительно суживающаяся к концу, длиной 18—20 см; ее тупые края имеют форму полуокружности; конец сошника немного заострен и довольно сильно изогнут. Встречаются также сошники явно несимметричной формы, напоминающие сошники древнерусских двурогих безотвальных сох². Почвообрабатывающие орудия с сошниками такого типа, у которых ширина втулки равна, а порою и шире рабочей части при сильной ее изогнутости, могут быть только рыхлящими орудиями, работа которых сводится почти исключительно к рыхлению пахотного горизонта на незначительную глубину. Болгарские сошники этого типа имеют очень большое конструктивное сходство с древнерусскими из Новгорода (рис. 5 — 5)³ с незначительными лишь отклонениями в размерах.

¹ Сошник, приведенный на рис. 5—1, хранится в фондах ГИМ.

² Чертеж сошника взят из статьи А. Штукенберга «Земледельческие орудия древних болгар». Уч. зап. Казанского ун-та, т. VI, 1896, стр. 211.

³ Сошник, с которого снят чертеж, найден при раскопках в Новгороде в 1951 г. в слое XIII в.

Это единообразие формы древних болгарских и новгородских сошников может до известной степени определять тип орудия, его облик и даже некоторые конструктивные черты.

Надо заметить, что в древнем новгородском земледелии, повидимому уже в X в. (время сложения паровой системы земледелия), применялись многозубые сохи и чаще всего трехзубые, очень распространенные в домонгольское время в Новгородской земле и в других княжествах древней Руси, но с сошниками различных типов, сложившихся под влиянием местных почвенных и климатических условий. Многозубые сохи древней Руси были упряжными орудиями, работа которых сводилась к рыхлению почвы. Надо полагать, что по облику, упряжное рыхлящее орудие, применявшееся в болгарском земледелии в домонгольское время, в общих чертах было сходно с многозубыми древнерусскими сохами. Сошники подобного типа встречаются при раскопках памятников лесостепной и степной полосы. Они представлены в материалах Райковецкого городища¹, где сошники, принадлежащие орудиям рыхлящего типа, хотя и отличны от болгарских по размерам и форме, но их объединяет общий характер продельваемой работы.

В связи со сходством болгарских и древних новгородских сошников, не исключена возможность наличия русского элемента в земледельческой культуре Волжской Болгарии. Проникновение русской земледельческой техники вполне вероятно при наличии тесных торговых и культурных связей, существовавших в домонгольское время между Волжской Болгарией и русскими княжествами².

Среди многозубых орудий, применяемых в болгарском земледелии, надо отметить орудия с очень небольшими сошниками, которые находят при раскопках археологических памятников. Они гораздо меньше по размерам: длина их в среднем 12—14 см при значительной ширине (рис. 5—3, 4)³. Края на обратной стороне немного загнуты внутрь и образуют несомкнутую втулку. Конструктивная форма этих сошников определяет характер работы всего орудия: оно было пригодно исключительно к рыхлению почвы на небольшую глубину. Принимая во внимание незначительное тяговое усилие, необходимое для волочения его в почве, можно предполагать, что это было упряжное многозубое (а возможно, даже не однорядное) рыхлящее орудие.

Какое же назначение имели орудия рыхлящего типа в земледелии Волжской Болгарии? Объяснение этому необходимо искать в характере освоения целинных и залежных земель и дальнейшем использовании их. Основная вспашка целинных земель и залежей производилась при помощи больших плугов, с переворачиванием пласта, благоприятным для разложения дернины. В дальнейшем, по мере культивирования почв путем систематического использования их для посева хлебных растений, они приобретают свойства старопахотных «мягких» почв, на которых находят широкое применение многозубые орудия для рыхления по вспаханному, предпосевной обработки, «заделки» высеянных семян и пр.

Следовательно, в земледелии Волжской Болгарии в домонгольское время существовало дифференцированное применение почвообрабатывающих орудий — плугов для основной вспашки целинных и залежных земель и многозубых орудий для обработки старопахотных почв, что является прогрессом в земледельческой технике, характеризующей определенный этап исторического развития земледелия, и показателем высокого уровня земледельческой культуры.

¹ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950.

² А. П. Смирнов. Волжские булгары. 1951, стр. 164.

³ Чертежи этих сошников сняты с рисунков, опубликованных А. Штукенбергом («Земледельческие орудия древних булгар». Уч. зап. Казанского ун-та, т. VI, 1896, стр. 211).

Дифференцированное применение почвообрабатывающих орудий в болгарском земледелии восходит ко временам появления орудий плужного типа, и весьма вероятно, что уже в X в. практиковалась плужная обработка почв, которая развивается и совершенствуется в дальнейшем. Таким образом, за многовековое существование болгарской земледельческой культурой пройден большой путь — от деревянных орудий для обработки почв и сменивших их в VIII—IX вв. орудий с примитивными ральниками до мощных плугов и многозубых рыхлящих орудий.

В домонгольский период города Волжской Болгарии были ремесленными, торговыми и культурными центрами. Археологические раскопки, при которых найдены многочисленные вещественные материалы по земледелию (зерно, части почвообрабатывающих орудий и других предметов сельскохозяйственного обихода), заставляют считать, что, наряду с ремеслами, горожане занимались и сельским хозяйством: разведением скота и возделыванием небольших полевых участков¹.

В XIII в. Волжская Болгария подверглась нашествию монголов и была разгромлена; разрушены важнейшие ее города (Болгар, Жукотин, Сувар, Биляр и др.), нарушена их экономическая жизнь. Начался значительный отлив городского и земледельческого населения на север и запад. Однако, как отмечает А. П. Смирнов, вторая половина XIII в. явилась периодом экономического восстановления Болгарии². Болгарское земледелие вновь стало возрождаться, но, надо полагать, оно уже не достигло прежнего уровня. Военные неудачи конца XIV в. до основания потрясли хозяйственную и торговую жизнь страны, в связи с чем начался еще больший отлив населения на север и в Закамье. «Центр хозяйственной и культурной жизни стал все больше перемещаться на реку Казанку, к Казани — Новому Болгару»³. Территория Западного Закамья с богатыми черноземными почвами, где в течение многих веков создавалась высокая земледельческая культура, была оставлена земледельческим населением. Но болгарская земледельческая культура не погибла, традиции ее сохранились в земледелии Казанского ханства, а также у народов Среднего Поволжья (чувашей, мари) и удержались у них в течение многих последующих столетий.

¹ А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 43.

² Там же, стр. 54.

³ Там же, стр. 71.

Наличие пашенного земледелия в VII в. в Старой Ладоге предполагает довольно высокий для того времени уровень культуры.

Представляет особый интерес вопрос о составе сельскохозяйственных растений, возделываемых в древней Ладоге в VII—IX вв.

В сообщениях 1945 г. среди находок растительных остатков в Старой Ладоге упоминаются плоды лесного ореха, единичные семена дикой конопли, зерна манника, дикорастущие ягодные растения; констатировано культивирование льна (в виде остатков тканей и изделий). Из зерновых культур выявлено метельчатое просо (*Panicum miliaceum* L.), от которого сохранились зерна, чешуя и даже остатки соломы, но «никаких других культур злаков обнаружить до сих пор не удалось»¹.

В последующем научном отчете В. И. Равдоникаса об исследованиях в Старой Ладоге сообщается о единичных находках в культурном слое VII в. зерен ячменя; при этом подчеркивается, что «рожь и пшеница отсутствуют»².

То же отмечает и Г. П. Гроздилов в 1950 г.³ Не упоминаются пшеница и рожь и в более поздних статьях о Старой Ладоге, опубликованных в 1951 г.⁴ Версия о просе и ячмене как единственных хлебных культурах древних ладожан повторяется в печати и другими авторами (В. И. Довженок, Г. П. Гроздилов, А. В. Кирьянов, В. И. Мошинская и А. П. Смирнов, С. Н. Орлов и др.)⁵.

Более того, палеоботаник В. А. Петров на основании своего определения растительных остатков из Старой Ладоги сделал в 1952 г. ошибочное заключение о том, что в VIII—X вв. хлеб еще не был известен ладожанам как продукт питания⁶. Кстати, и в приведенной выше работе В. А. Петрова высказывается взгляд, что в пищевом режиме древнего населения Ладоги, как и других северных районов, основную роль в VII—IX вв. играло просо в виде каши и лепешек и лишь позднее на смену ему пришел хлеб из ржи и пшеницы⁷.

Между тем в свете установленного археологическими находками факта существования пашенного земледелия в Приволховье в VII в. трудно примириться с утверждением о незнакомстве древних ладожан с печеным хлебом. Действительно, согласно утверждению Б. Д. Грекова, «население Старой Ладоги уже в VIII в. питается хлебом»⁸. Однако неясным остался вопрос, каким хлебом оно питалось. В частности, судя по литературным данным, о культуре пшеницы в этом районе не было известно.

Автором настоящей статьи в 1953 г. тщательно исследованы зерновые остатки из раскопок Старой Ладоги в 1950 г., представленные для определения Г. П. Гроздиловым. Один из образцов обугленных колосков и зерен в количестве 200 г взят из скопления, обнаруженного в погоревшем амбар-

¹ В. А. Петров. Указ. соч. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 46.

² В. И. Равдоникас. Старая Ладога. СА, т. XII, 1950, стр. 39.

³ Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. СА, т. XIV, 1950, стр. 162.

⁴ В. И. Равдоникас. Древнейшая Ладога в свете археологических исследований 1938—1950 гг. КСИИМК, вып. XLI, 1951, стр. 35; Г. П. Гроздилов. Старая Ладога, раскопки земляного городища в 1950 г. М., 1951, стр. 73.

⁵ В. И. Довженок. Земледелие у восточных славян в I тысячелетии н. э. Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952, стр. 136; Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. СА, т. XIV, 1950, стр. 163; А. В. Кирьянов. К вопросу о земледелии в Новгородской земле в XI—XII вв. КСИИМК, вып. XLVII, стр. 155; В. И. Мошинская и А. П. Смирнов. Археологические исследования в РСФСР за 1947 г. КСИИМК, вып. XXVI, 1949, стр. 136; С. Н. Орлов. Старая Ладога, 1949, стр. 13.

⁶ Из рукописи В. А. Петрова о Старой Ладоге (хранится в Гос. Эрмитаже). С этой рукописью мы ознакомились благодаря любезности Г. П. Гроздилова.

⁷ В. А. Петров. Растительные остатки. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 46.

⁸ Б. Д. Греков. Киевская Русь, 1949, стр. 44.

ном строении и датированного VII в. Этот образец, по словам Г. П. Гроздилова, был отнесен В. А. Петровым к ячменю. Анализ показал, что около 80% содержимого представляет собою обугленные, но хорошо сохранившиеся колоски пшеницы-двузернянки, иначе полбы (*Tr. dicocum* Schübl.), напоминающие наши современные поволжские формы (типа *volgense Flaksb.*; рис. 6).

Остальные 20% составляют обугленные зерна мягкой пшеницы (*Tr. vulgare* Vill.). Что же касается ячменя, то в этом образце Ф. Х. Бактееву удалось обнаружить лишь единичные очень мелкие зерна. Все они

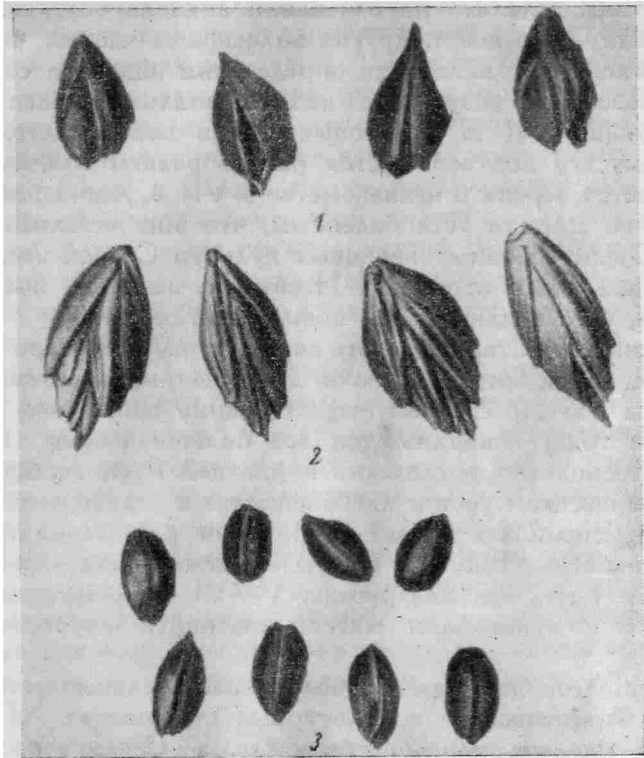

Рис. 6. Колоски и зерна полбы и пшеницы:

1 — колоски пшеницы-двузернянки из культурного слоя VII в. в Старой Ладоге; 2 — колоски современной полбы из Ульяновской области; 3 — обугленные зерна мягкой пшеницы из культурного слоя VII в. в Старой Ладоге.

относятся к пленчатым формам вида *Hordeum sativum*. Кроме того, А. И. Мордвинкиной выявлено в этом же образце три зерна овса (*Avena sativa*), а В. Ф. Антроповой — два зерна ржи (*Secale cereale* L.).

В образце, взятом из культурного слоя IX в., нами выявлены лишь единичные зерна мягкой пшеницы.

Приводим краткое описание колосков полбы и зерен мягкой пшеницы из раскопок в отложениях VII в. У обугленных колосков полбы колосковые чешуи овальные, сравнительно широкие, с ясно очерченным килем. Длина чешуи 7—8 мм, ширина 2—2,5 мм. Киль чешуи кверху переходит в короткий (до 1 мм) притупленный зубец. Зерна, освобожденные от чешуи, длиной в среднем 6—7 мм.

Как видно из рис. 6—1, 2, по форме чешуй и колосков древнеладожская полба весьма сходна с современной поволжской, однако уступает ей по размерам: длина чешуи у поволжской полбы 10—12 мм.

Обугленные зерна мягкой пшеницы — овалы и яйцевидные, длиной 5,5—7 мм, шириной 2,5—3,5 мм; и по форме и по размерам они весьма близки к современным сортам мягкой пшеницы из европейской части СССР. Они несколько крупнее обугленных зерен из раскопок в Новгороде слоя XI—XII вв.

Обращают на себя внимание прекрасная сохранность колосков старолadoжской полбы, четкое обозначение чешуй колосковых и цветочных чешуй, как и члеников стержня, что является следствием своеобразного характера залегания погребенной почвы (избыточная влажность, недостаток свободного кислорода)¹. Следует отметить, что диагнозы о полбе при раскопках во многих случаях делались на основании анализа обугленных зерен при отсутствии чешуй, колосков и других колосковых частей, что, естественно, ставит под сомнение правильность определения видового состава².

Таким образом, в результате нашего анализа пашенное земледелие у древних ладожан VII в. вырисовывается в новом свете. Сравнительно высокий уровень его подтверждается разнообразием возделываемых культур. Опровергается версия о незнакомстве в VII в. ладожских земледельцев с хлебом. Можно считать установленным, что они питались даже пшеничным хлебом. Среди основных зерновых культур Старой Ладogi не только просо, но и два вида пшеницы. Некоторое значение имели и другие хлеба — ячмень, овес и даже рожь, повидимому яровая.

В обнаруженных в Старой Ладoge сорняках имеется марь белая³. Это — сорное растение, характерное для почв, длительно используемых, что служит дополнительным подтверждением существования пашенного земледелия.

В последние годы накапливается все больше фактов, не только подтверждающих господство земледелия в древней Руси вообще, но и свидетельствующих о высоком уровне хлебопашества в первом тысячелетии нашей эры даже на подзолистых почвах территории расселения северных групп восточного славянства. Так, на Псковской земле, как показали раскопки 1948, 1949 и 1951 гг., еще для рубежа V—VI вв. отмечены следы пашенного земледелия с культурами мягкой пшеницы, двурядного ячменя и гороха⁴.

В соседнем Новгороде, судя по анализу растительных остатков из числа находок А. В. Арциховского в культурных отложениях XI в., уже существовало тогда паровое пашенное земледелие. Сеялись яровые (пшеница мягкая, ячмень, горох) и озимые (рожь), применялось и навозное удобрение⁵.

Находки в Старой Ладoge — свидетельство пашенного земледелия VII в. в самой северной части территории восточного славянства. Они служат доказательством, что уже в то время мягкая пшеница продвинулась до 60° с. ш. Стоит напомнить, что еще не так давно граница археологических находок пшеницы в нашей стране не выходила севернее 59° с. ш. (Эстония, IX—XIII вв., Новгород, слой XI—XII вв.)⁶. Для более раннего периода (V—VI вв.) она располагалась еще южнее, не достигая 58° с. ш. (Псков)⁷.

¹ В. А. Петров. Растительные остатки из культурного слоя Старой Ладogi (IX—X вв.). КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 42.

² Сюда относятся диагнозы о полбе в Фанагории (III—I вв. до н. э.), в Мордовии (Ош-Пандо, VI—IX вв.) и др.

³ В. И. Равдоникас. Старая Ладoga. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 43.

⁴ С. А. Тараканова. Древности Псковской земли. Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 201.

⁵ А. В. Кирьянов. К вопросу о земледелии в Новгородской земле в XI—XII вв. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 147, 156.

⁶ А. В. Кирьянов. Указ. соч., стр. 147; Н. Моора. Eestlaste kultur muistsel iseslisvus-ajal. Tartu, 1926, стр. 10.

⁷ С. А. Тараканова. Указ. соч., стр. 201.

Что касается пшеницы-двузернянки (полбы), то нахождение ее в культурном слое Старой Ладogi VII в. представляет особый интерес. В сущности это наиболее достоверное и четкое свидетельство наличия культуры полбы на Руси в древности¹. Оно опровергает прежде всего сложившееся в нашей литературе представление о сравнительно позднем (не ранее XV в.) появлении посевов полбы на Руси². Выявление нами культуры полбы на Волхове в VII в. наносит новый удар «норманнской» теории. Действительно, культура полбы ни в древний период, ни в настоящее время не известна ни в Финляндии, ни в соседних с ней скандинавских странах. Сходство же древнеладожской полбы с поволжской (резко отличной от западноевропейской) исключает также версию о заимствовании этой культуры из Германии. Кстати, при раскопках в Старой Ладoge не было обнаружено ни одного памятника культуры германского происхождения. По всей вероятности, в Старую Ладogu, которая была тогда важнейшим торговым центром, связанным со многими территориями нашей страны, полба в VII в. привезена из района Камы и Волги, точнее из Волжской Болгарии, которая считается очагом распространения этой культуры на территории нашей страны³. Это не противоречит предположению В. И. Равдоникаса о связи поселения Старой Ладogi с Верхним Поднепровьем⁴.

Заслуживает внимания вопрос о следах культуры ржи в Старой Ладoge. Это — очень редкая находка.

Надо сказать, что в Великолукской области, как и в соседней Псковской, судя по растительным остаткам на урочище Подгай, в V—VI вв. рожь в посевах отсутствовала⁵. Не встречена она и на городищах Белоруссии VI—VIII вв.⁶, Смоленской области XI—XII вв.⁷ В Литве и Новгороде рожь обнаружена лишь в слоях, датируемых XI—XII вв.⁸, причем в Литовской ССР вероятна яровая ее культура, в Новгороде, судя по составу сорняков, озимая⁹. В Латвии отмечены единичные зерна ржи (V, X—XIII вв.) как примесь среди яровых культур¹⁰. Зафиксирована рожь и в Эстонии (VIII—XIII вв.)¹¹. Единичные ржаные зерна из раскопок в Старой Ладoge не дают основания рассматривать их как следы культуры озимой ржи. Вероятно, что в тот период древние ладожане возделывали лишь яровую рожь.

¹ В Калининградской области следы культуры полбы отмечены для III тысячелетия до н. э. и I в. н. э. по литературным данным и на основании отпечатков. На Таманском полуострове засвидетельствована полба в культурном слое Фанагории III—I вв. до н. э., но колоски двузернянки не сохранились. То же относится к культуре полбы в Мордовии VI—IX вв. Наличие полбы на территории Хмельницкой области IV—II тысячелетий до н. э. зафиксировано на основании единичных, слабо очерченных остатков.

² Д. Любомиров. О культуре полбы в России до середины XVIII в. Труды по прикл. ботанике, генетике и селекции, XVIII, № 1, Л., 1928, стр. 71; Е. А. Столетов. Полба-эммер. Там же, XIV, № 1, Л., 1925, стр. 38.

³ Е. А. Столетова. Указ. соч., стр. 38.

⁴ В. И. Равдоникас. Древнейшая Ладoga в свете археологических исследований 1938—1950 гг. КСИИМК, вып. XLI, 1951, стр. 36.

⁵ Я. В. Станкевич. Итоги археологических работ 1950 г. в Великолукской области. КСИИМК, вып. XLVII, 1952, стр. 90.

⁶ К. А. Фляксбергер. Зерны з Банцараускаго гарадзшча под Менском. Працы сэкцыі археалогіі АН БССР, III. Менск, 1932, стр. 163—166.

⁷ К. А. Фляксбергер. Хлебные зерна из Ковшаровского городища Гриневской волости Смоленского уезда. Научн. изв. Смоленск. гос. ун-та, т. III, 1926, стр. 250—251.

⁸ В. Голубович и Е. Голубович. Хлебные злаки из раскопок на горе Бекеше. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 125—126; А. В. Кирьянов. Указ. соч., стр. 148.

⁹ А. В. Кирьянов. Указ. соч., стр. 150.

¹⁰ К. А. Фляксбергер. Зерновые хлеба в V, X—XIII вв. н. э. на территории Латвийской ССР. Рига, 1941, стр. 13—15; Э. Бривкалне. Древние поселения у городищ на территории Латвийской ССР. М., 1951, стр. 34.

¹¹ Н. Моога. Eestlaste kultur muistsel isesislvus-ajal. Tartu, 1926, стр. 9.

Сравнительный состав зерновых культур по археологическим исследованиям в Старой Ладогe и на сопредельных территориях СССР¹

Культуры	Старая Ладoga VII—IX вв.	Новгород XI—XII вв.	Псков V—VI вв.	Придвинье, Подгай, VI в.	Латвия V, X—XIII вв.	Эстония XIII в.	Литва XI—XII вв.	Белоруссия VI—VIII вв.	Смоленская область XI—XII вв.
Пшеница мягкая (<i>Tr. vulgare</i> Vill.)	++	++	++	++	+	++	+	+	+
Пшеница-двузерянка, полба (<i>Tr. dicocum</i> Schübl.)	++	—	—	—	—	—	+	—	—
Пшеница спельта (<i>Tr. spelta</i> L.)	—	—	—	—	—	—	+	—	—
Ячмень (<i>Hordeum sativum</i> Sess.)	+	++	++	++	++	++	+	—	+
Овес (<i>Avena sativa</i> L.)	+	+	—	—	++	++	+	—	+
Рожь (<i>Secale cereale</i> L.)	+	++	—	—	+	++	+	—	—
Просо (<i>Panicum miliaescum</i> L.)	++	—	—	—	—	—	+	—	—
Горох (<i>Pisum sativum</i> L.)	—	++	++	—	+	—	+	+	—
Пелюшка (<i>Pisum arvense</i> L.)	—	—	—	—	+	—	—	—	—
Вика (<i>vicia Faba</i> L.)	—	—	—	—	+	—	—	+	—

¹ Знак ++ обозначает нахождение зерен этой культуры в массе или как значительной примеси; знак + единичные зерна; знак — отсутствие зерен данной культуры.

Врублевцевкой, и установить таким образом, какая из двух предложенных точек зрения правильная.

Многослойное поселение в Луке-Врублевцевкой расположено на левом берегу Днестра. Топография поселения отчасти известна по публикациям¹. Поселение первых веков нашей эры, вытянутое узкой полосой, простиралось с запада на восток вдоль обрыва берега реки. Западная его часть, повидимому, более древняя. В нижележащей восточной части, где проводились основные исследования, вскрыты наиболее поздние полуземляночные жилища. В них были найдены фибулы с высоким держателем, о которых пишет М. Ю. Смишко.

Отступая от берега, метрах в 80—100, судя по данным шурфовки, располагалось в позднейшее время поселение эпохи Киевской Руси (шурфы 3, 4, 5, 13). Отдельные, повидимому сезонные, сооружения этой эпохи, как, например, остатки сводчатой печи и землянки, обнаружены в обрыве в прибрежной части. При проходке первых штыков наряду с керамикой начала нашей эры встречаются культурные остатки XI—XIII вв.

Число поздних находок в прибрежной полосе убывает по мере углубления. В полосе же, отстоящей от берега на 80—100 м, находки первых веков нашей эры почти не встречаются.

Учитывая интерес к средневековым памятникам в связи с обнаружением на Среднем Днестре славянских городищ тиверцев (Екимауцы и др.)², приведем некоторые образцы характерных или датирующих находок. При этом обратим внимание на находки обломков керамики из упомянутой печи (рис. 7—7, 9, 10) и на материалы наиболее удаленного от реки шурфа № 13 (рис. 7—1-6, 11-18). Типичны для XI—XIII вв. остатки замка, ключ, наконечники стрел, витые стеклянные браслеты³, которых, кстати, нет на Среднем Днестре, на Екимауцком городище, относящемся к более раннему времени.

Наиболее распространенные формы средневековой посуды Луки-Врублевцевкой — горшки разных типов. Это изготовленные на круге тонкостенные сосуды коричневатого-красного цвета с крутыми плечиками, иногда украшенными прямыми или волнистыми врезанными линиями. Как исключение отметим нарисованные желтой краской линии (рис. 7—3), ряд наколов (рис. 7—1, 2), пунктирный орнамент, выполненный зубчатым колесиком, и косые врезы (рис. 7—8).

Кроме горшков, отличающихся друг от друга характером орнамента, отогнутостью венчика и оформлением его края, встречаются в единичных экземплярах другие виды сосудов. Так, в шурфе № 13 найдены обломки мелкой конической расширяющейся миски с горизонтально срезанным краем (рис. 7—4) и сосуда с вертикально поставленным краем, опоясанным широким «воротничком» (рис. 7—6). В Колодяжине, погибшем при монгольском завоевании, обнаружен подобный сосуд, сохранившийся целиком⁴.

Таким образом, посуда и прочие средневековые вещи датируются XI—XIII вв. и заметно отличаются от находок слоя культуры полей погребений. Следовательно, ни территориально, ни стратиграфически, ни в культурном отношении нет возможности смешать оба слоя.

¹ С. Н. Бибииков. Поселение Лука-Врублевцевкая и его значение для истории раннеземледельческих племен юга СССР. СА, т. XI, 1949, стр. 128; Э. А. Симонович. Про культуру полів поховань на Поділлі. Археологія, V, 1951, стр. 106.

² Г. Б. Федоров. Работа Славяно-Днестровской экспедиции: КСИИМК. вып. XLIV, 1952, стр. 83—92; его же. Славяне Поднестровья. Вест. АН СССР, № 2, 1952, стр. 93 сл.

³ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, 1948, стр. 397.

⁴ В. К. Гончаров. Работы Волинської експедиції 1948 р. Археологічні пам'ятки УРСР, III, 1952, стр. 179—180, табл. II, 4.

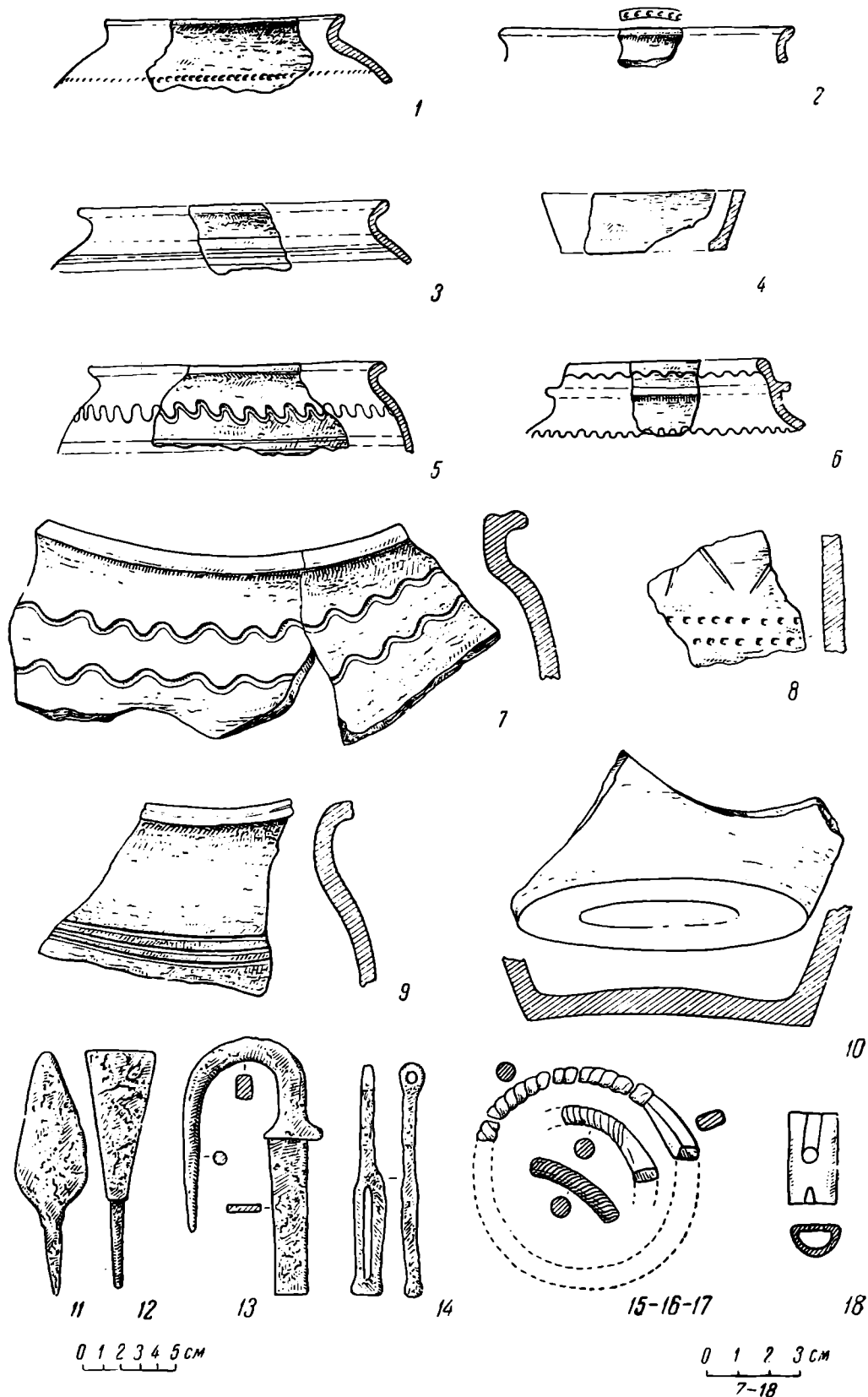

Рис. 7. Материалы с поселения XI—XIII вв. в Луке-Врублевской:

1-10 — керамика; 11-12 — наконечники стрел; 13 — деталь замка; 14 — ключ; 15-17 — витые стеклянные браслеты; 18 — костяная подкладка.

Для датировки поселения первых веков нашей эры большое значение имеет импорт. Вопрос о нем очень важен в связи с тем, что, как устанавливается, подавляющая часть монетных кладов на Украине относится главным образом к I—III вв. н. э.¹ Вполне вероятно ожидать, что и импортные вещи в подавляющем количестве поступали в это же время и более редкими являются позднейшие материалы. Таким образом, предположительно импорт может дать прежде всего сведения о нижней дате существования поселения.

Импорт в Луке-Врублевцевкой представлен в основном обломками амфор, которые составляют ничтожный процент всего керамического материала.

Предполагать более раннюю дату западной части поселения на холме позволяет единственный обломок двустольной ручки амфоры из подъемного материала и своеобразный тип печи-каменки, обнаруженной в шурфе № 7. О возникновении поселения во II в. свидетельствуют также отдельные образцы местной посуды, перекликающиеся с находками, относящимися к липицкой культуре (сероглиняные миски с высоким цилиндрическим краем, кувшины с пологими, начинающимися почти от самого края плечиками, своеобразный тип лепных конических мисок с одной ручкой).

О существовании поселения в III—IV вв. свидетельств больше. Об этом можно судить по находкам обломков узкогорлых амфор с рифлеными стенками, реберчатыми ручками и полыми цилиндрическими ножками с выступом внутри (рис. 8—4-6). Местный массовый керамический материал, среди которого довольно часты находки больших пифосообразных корчаг (рис. 8—10) и биконические миски с косым рифлением по грани перегиба тулова (рис. 8—1), датируется временем не ранее III в. н. э.

Основные типы и соотношения групп посуды нами уже приводились в печати². Довольно большой процент лепной посуды (10—15%) и сравнительное обилие лощеной (40—50%) подтверждают не поздний характер поселения.

Кроме того, в слое довольно многочисленны бронзовые (15 фрагментов и целых экземпляров) и железные (два экземпляра) арбалетные фибулы подвязного типа (рис. 8—12-15). Наибольшую группу составляют бронзовые фибулы со спинкой и ножкой равной ширины, с треугольной или полукруглой в сечении спинкой, иногда украшенной фасетками (рис. 8—14). Наряду с ними имеется одна бронзовая арбалетная фибула с ромбической ножкой (рис. 8—12) и одна с подобной же ножкой и полукруглым щитком, закрывающим пружину³. Многочисленные аналогии этим фибулам, в том числе происходящие из Черняховского могильника, показывают, что время их существования соответствует дате обломков импортных сосудов.

О существовании поселения в это время говорят и другие индивидуальные находки, например костяной многозубый гребень (рис. 8—11), бусы округло-уплощенные и шаровидные, покрытые косым рифлением, типичные железные ножички, пинцет, ключ в виде буквы «Г», биконические пряслица и прочий инвентарь.

Только что перечисленные находки связываются прежде всего с материалом из культурного слоя или с сооружениями типа подковообразных печей-каменок и открытыми очагами из камней, обмазанных сверху глиной. Стратиграфия их залегания (на глубине, как правило, 60—80 см) и

¹ М. Ю. Браичевський. Час обігу римської монети в антському суспільстві. Археологія, VI, 1952, стр. 74; О. В. Фенин. Знахідки римських монет у Прикарпатті. Археологія, V, 1951, стр. 101.

Как отмечала М. А. Тиханова в своем докладе в ЛОИИМК 27 XII 1948 г., для областей Днестра наблюдается прекращение притока монет в III в. н. э.

² Э. А. Симонович. Про культуру полів поховань на Поділлі. Археологія, V, 1951, стр. 109 сл.

³ За ознакомление с этой находкой приношу благодарность И. Г. Шовкоплясу.

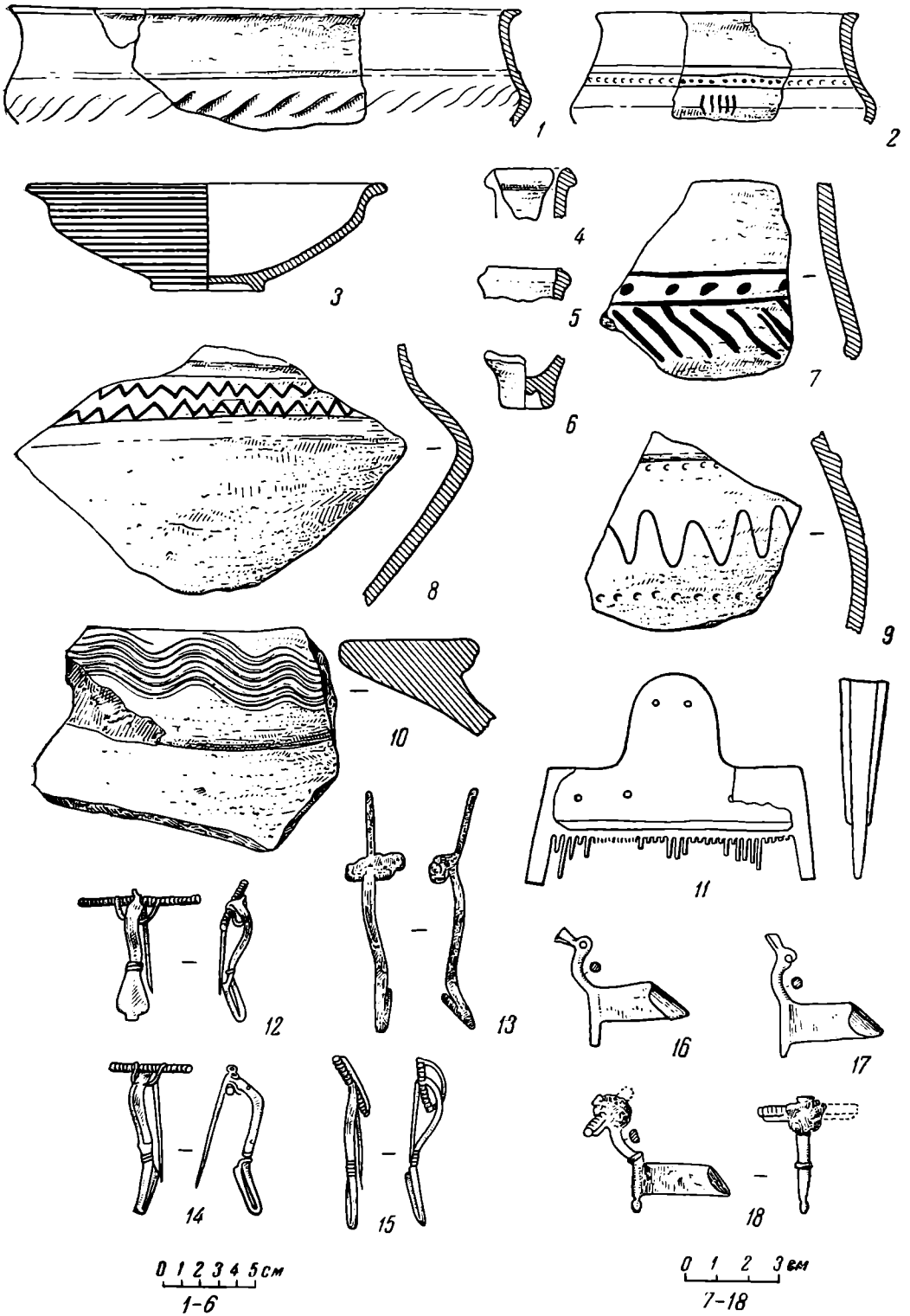

Рис. 8. Материалы с поселения культуры полей погребений:

1-10 — керамика; 11 — гребень; 12-18 — фибулы.

16 - n/3 1

17-18 - n/3 2

2,5 x 1,4 cm

находки небольших развалов обмазки с отпечатками плах и прутьев допускают предположение о связи материала с наземными жилищами.

Однако ограничить датировку поселения только III или отчасти даже началом IV в. нельзя, и вот почему. Некоторые своеобразные находки из заполнения двух полуземляночных жилищ, вскрытых в Луке-Врублевцевкой, свидетельствуют об их более поздней дате.

В полуземлянках Луки-Врублевцевкой встречается керамика, сходная с материалом из культурного слоя первых веков нашей эры. Примером тому — стоявшая на полу в полуземлянке № 1 открытая черная лощеная миска, изготовленная на гончарном круге (рис. 8—3), или обломок миски закрытого типа, украшенной двумя зигзагообразными линиями (рис. 8—8).

Кроме того, в полуземлянках найдены обломки своеобразных сосудов, отличающихся главным образом орнаментом. Например, только в полуземлянке № 1 на стенке сосуда, изготовленного на круге, встречена орнаментация волнистой (большой амплитуды), углубленно-лощенной линией, обрамленной сверху, и снизу рядами округлых углублений (рис. 8—9). Другая лепная миска украшена по грани перегиба тулова косо проведенными углубленно-лощенными линиями (рис. 8—7). Еще один обломок лепного сосуда орнаментирован бахромой из вертикально проведенных линий (рис. 8—2). В обоих случаях указанный рисунок сочетается с округлыми углублениями, заключенными между горизонтальными лощеными линиями.

Отличается заполнение полуземлянок от массового материала из слоя и процентными соотношениями групп керамики.

№ полуземлянок	Лепная посуда		Посуда, сделанная на круге				Импортная керамика		Всего обломков
			нелощеная		лощенная				
	число обломков	%	число обломков	%	число обломков	%	число обломков	%	
ЭмЛ-1	171	41,5	86	21,0	156	37,0	2	0,5	415
ЭмЛ-2	222	70,5	21	6,7	71	22,5	1	0,3	315

Как видно из приведенной таблицы, сравнительно высок процент находок обломков лепной посуды, которая в полуземлянке № 2 даже преобладает над керамикой, сделанной на круге. Одновременно наблюдается уменьшение процента лощеной (22,5—37%), что вообще типично для позднего времени.

Среди находок из полуземлянки № 1 заслуживает внимания маленький обломок стенки стеклянного сосуда с напаянной змеевидной нитью — способ орнаментации, встречающийся с III в. н. э.

Особый интерес вызывают три фибулы с высоким держателем, найденные на полу в полуземлянках. Они заслуживают индивидуального описания.

1. Бронзовая фибула (полуземлянка № 1) изображает какую-то водоплавающую птицу в полете (рис. 8—16). Изогнутая, круглая в сечении спинка фибулы воспроизводит шею, а вынесенный далеко от нее держатель иглы — раскрытое крыло. Широкий трапециевидной формы выступ на головке изображает клюв. В отверстие в головке был продет стержень пружины, соединенной с иглой. Пружина и игла не найдены. Длина предмета 4 см.

2. Бронзовая фибула (полуземлянка № 2), совершенно сходная с предыдущей (рис. 8—17). Иглы и пружины также нет. На головке выломан кусочек металла, что не позволяло вновь закрепить стержень пружины. Длина фибулы 4 см.

3. Бронзовая фибула (полуземлянка № 2), близкая по форме предыдущим, но лучшей сохранности (рис. 8—18). Она снабжена пружиной, укрепленной на головке с наружной тетивой. Головка закрыта окислами коричневатого цвета от железной оси пружины. Спинка сужается книзу; в сечении она полукруглой формы и плоской стороной обращена внутрь. На перегибе, в месте, где спинка переходит в ножку, имеется валик; выступающий ниже держателя конец ножки отделен желобком. Длина предмета 4 см.

Можно сделать общее замечание, что известные в настоящее время фибулы с высоким держателем происходят или с севера и северо-запада (они встречаются вплоть до Дании), или с юга и юго-запада. На восток они, повидимому, не распространяются.

М. Ю. Смишко для определения даты фибул из полуземлянок Луки-Врублевцевкой и находок из Городницы, Псар и Жабинцев, которые он приводит, предлагает обратиться к северным аналогиям. В частности, решающее доказательство поздней даты этих фибул он усматривает в находке Фрауэнбургского клада в Восточной Пруссии.

Монета Феодосия II, вычеканенная в 448 г. н. э., является точно датированной позднейшей находкой среди вещей клада и позволяет, по мнению М. Ю. Смишко, относить его ко времени не ранее VI в. н. э.¹

Не говоря уже о том, что определение времени вещей по одной исключительной находке является недостаточно обоснованным, против отнесения фибул с высоким держателем к указанному времени можно сказать следующее:

1) Этот клад, как установлено, принадлежал литейщику, который, повидимому, собрал для переплавки разнохарактерные и разновременные, вышедшие из употребления вещи, как, например, бронзовые пряжки с овальным кольцом, с заходящим за край его изогнутым язычком и квадратным основанием, арбалетные фибулы подвязного типа, которые невозможно датировать столь поздним временем, и пр.²

2) Клад происходит с северной территории, где, как правило, фибулы южного происхождения появляются с запозданием. В частности, следовало бы пользующимся для датировки фибул монографическим трудом О. Альмгрена³, обратить внимание, что он дает датировки не всех фибул, а северноевропейской группы. Так, например, доказано, что родиной арбалетных фибул подвязного типа является Северное Причерноморье и что распространение их на север происходило постепенно. Примерно так же, повидимому, распространяются фибулы с высоким держателем, имеющие прототипом провинциально-римские фибулы рубежа нашей эры.

3) Фибулы с высоким держателем из Фрауэнбургского клада типологически отличны от тех, с которыми их сопоставляет М. Ю. Смишко, т. е. от найденных в Луке-Врублевцевкой, Городнице, Псарах и Жабинцах⁴. Фибулы Фрауэнбургского клада имеют более короткий держатель иглы и длинную, выступающую ниже него ножку. Однако в этих фибулах не усматривается, как у фибул из Луки-Врублевцевкой, зооморфных черт.

¹ М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 79.

² W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1928, стр. 298, 309, рис. 249.

³ O. Almgren. Studien über nordeuropäische Fibelformen. Mannus-Bibliothek, № 32, Leipzig, 1923.

⁴ М. Ю. Смишко. Указ. соч., стр. 78, рис. 24.

Для обоснования высказанных только что утверждений о провинциально-римском происхождении фибул с высоким держателем сошлемся на ольвийские находки.

Следует при этом заметить, что националистически настроенные исследователи прогерманской ориентации склонны считать фибулы с высоким держателем (VII группы — по классификации О. Альмгрена) принадле-

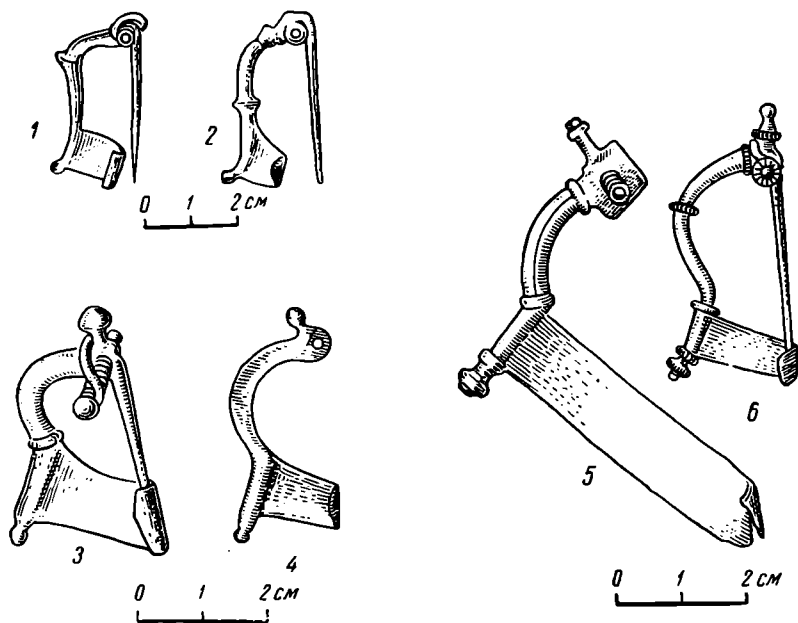

Рис. 9. Фибулы.

1 — Ольвия, раскопки 1902 г., погребение 12 (II—III вв.); 2 — Ольвия, раскопки 1902 г., погребение 65 (III—III вв. н. э.); 3 — Ксонград Хатарут, погребение 14 (I в. н. э.); 4 — Туркевск (III—IV в. н. э.); 5 — Псары (ковец III в. н. э.); 6 — Силезия (6. Ульбертсдорф, ковец III в. н. э.)

жащими исключительно германцам и разделять их на две группы — восточногерманскую и западногерманскую¹.

Для опровержения этих построений также следует обратить внимание на провинциально-римские фибулы. Среди материалов раскопок в Ольвии в 1902—1903 гг. Б. В. Фармаковским² воспроизведено несколько образцов таких фибул из погребений в земляных склепах. Наиболее сходны с позднейшими типами, найденные в погребениях № 12, 65, 70. Они однотипны, обладают довольно массивной изогнутой спинкой, расчлененной утолщениями и чуть выступающей за приемник иглы ножкой, заканчивающейся шариком (рис. 9 — 1, 2). Комплексы хорошо датируются монетами, краснолаковой посудой и другими находками первыми веками нашей эры.

Близкого типа фибулы известны и севернее, в группе Пшеворских и особенно Липицких памятников³. Связь с провинциально-римскими фибулами — определяющий фактор для характеристики позднейшей группы фибул с высоким держателем, причем последние не отстоят на слишком далеком хронологическом расстоянии от своих предшественниц; они появляются вследствие закономерного развития древнего типа и ни в какой мере не принадлежат одному этническому массиву. Эти положения под-

¹ J. Hoops. Realexicon der germanischen Altertumskunde. Strassburg, 1913—1915. См. слово Fibel, стр. 36.

² Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг. ИАК, вып. 13, 1906, рис. 63, 70, 72; А. И. Фурманская. Археология, VIII, 1953.

³ M. Smiszko. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce wschodniej. Lwów, 1932, стр. 83, рис. 1; стр. 159, табл. XIV, 5; стр. 153, рис. 2—3.

тверждают венгерские находки, изданные М. Пардучем и происходящие из сарматских погребений, содержавших разные типы фибул. Могильники типа Хатарут (Hátárút) автор датирует III в. н. э. Наиболее поздние могильники этого типа (Szentes Nagynyomás и Derekegyháza-Disnójárás) относятся к концу III в. н. э. Указанную хронологию могил М. Пардуч убедительно устанавливает по находкам местной и привозной краснолаковой керамики, по типам бус и металлических изделий. Одним из признаков более ранней даты фибул с высоким держателем сарматских погребений в Венгрии М. Пардуч считает тетиву, проходящую над спинкой (рис. 9—3, 4)¹. Своеобразие этих фибул с высоким держателем по сравнению с находками из Луки-Врублевецкой заключается в том, что, наряду с круглой в сечении спинкой, встречается спинка из полоски, согнутой под углом, в отдельных случаях покрытой врезанным орнаментом и в округлой шишечке-выступе на головке, отнюдь не воспроизводящей клюв птицы.

У другого варианта фибул этой группы конца III в. н. э. усложняется конструкция и орнаментация. Появляются далеко вынесенный держатель, двойной пружинный аппарат, расчленение спинки и ножки многочисленными ободками, иногда украшенными насечками. Головку и концы от пружины также украшают округлые утолщения. Такого типа серебряная фибула (из Городницы) с двойным пружинным аппаратом, приведенная в работе М. Ю. Смишко и отнесенная им к концу III в. н. э.², мало чем отличается от одной из находок, сделанной в Псарах³, где найдена примерно такая же фибула, но с единственной пружиной (рис. 9—5), или от силезских находок того же времени (рис. 9—6)⁴.

Более поздними, по нашему мнению, являются фибулы из Луки-Врублевецкой. Решающий аргумент — их зооморфный облик. Форма фибулы, как уже отмечалось, воспроизводит какую-то водяную птицу в полете. Это одна из наиболее ранних попыток, если так можно выразиться, «зооморфизации», характерных для позднего времени.

Б. А. Рыбаков, изучая лучевые фибулы, отмечал, что уже в V в. н. э. бытуют экземпляры фибул с лучами, оформленными в виде птичьих головок⁵. Вероятнее всего, что и в Поднестровье, на славянских землях, тот же процесс «зооморфизации» происходил с фибулами другого типа, начавшись не ранее IV в. н. э. Тем не менее опять-таки сходство фибул из Луки-Врублевецкой со своими прототипами III в. н. э. (например, с венгерскими находками; рис. 9—3, 4) не позволяет отнести такие фибулы ко второй половине I тыс. н. э.

Предлагаемый типологический ряд дает основания утверждать, что фибулы с высоким держателем восходят к провинциально-римским фибулам, которые встречаются в Причерноморье и в ранних памятниках культуры полей погребений западных областей юга СССР (липицкая, пшеворская культуры). Но, повидимому, именно в славянской среде Поднестровья был выработан своеобразный тип найденных в Луке-Врублевецкой фибул, воспроизводящих птицу в полете.

Итак, датой наиболее поздних жилых комплексов, относящихся к культуре полей погребений в Луке-Врублевецкой, основываясь на соотношении

¹ M. Párducz. A szarmatakor emlékei Magyarországon, II. Archaeologia Hungarica, XXVIII, 1944, стр. 70 и 84. Такого же типа фибулы известны и на территории Нижней Вислы. Их также датируют III в. н. э. См. В. Kostrzewski. Smentarzynsko z okresu rzymskiego w Koninie (woj. Poznańskie). Przegląd archeologiczny, VII, 1947, стр. 283.

² М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 77, 78, рис. 24—5.

³ K. Hadaczek. Kultura dorzecz Dniestru. Materiały antropologiczno archeologiczne XII, 1912, стр. 29—30, табл. X.

⁴ Altschlesien, I, Breslau, 1926, рис. 7.

⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, 1948, стр. 67.

групп и типов керамики, и особенно на рассмотрении фибул с высоким держателем, следует считать IV в., может быть, даже конец IV и начало V в. н. э. При этом непрерывное существование поселения можно проследить с III в. н. э., хотя и не исключено, что на наиболее древней западной возвышенной части поселения жизнь возникла еще раньше¹.

Таким образом, установленные хронологические границы, хотя и не противоречат заключениям М. Ю. Смишко о существовании в Среднем Поднестровье поздних памятников культуры полей погребений, принадлежащих одному из вариантов черняховской культуры, но и не соответствуют завышенной дате Луки-Врублевцевкой, предложенной М. Ю. Смишко, Е. В. Махно и М. Ю. Браичевским.

Только при нахождении материалов, дающих возможность установить прочную хронологическую основу, удастся убедительно доказать даты ранних и поздних групп памятников культуры полей погребений, которые обнаруживаются в Среднем Поднестровье и в других областях Украины и Белоруссии.

¹ О существовании в районе Луки-Врублевцевкой ранних памятников культуры полей погребений липицкого типа дали основания говорить материалы разведок Трипольской экспедиции, руководимой Т. С. Пассек. В частности, в нескольких километрах от Луки-Врублевцевкой, на правом берегу у с. Ленковцы, в уроч. Гамария, А. И. Мелюкова раскопала поселение и могильник липицкого типа.

треугольных запятовидных углублений и параллельных бороздок», круглыми ямочками по основанию венчика или же налепным валиком с кольцевыми вдавлениями по нему. В курганах с труположением встречались точно такие же сосуды, но преобладали гончарные, правда довольно примитивной выделки. На лепных сосудах (в отличие от сосудов из курганов с трупосожжением) встречается уже линейно-волнистый орнамент, гончарные же по всей поверхности были покрыты неправильными горизонтальными бороздками.

Сосуды, найденные на городище у Ново-Мирополя, в общем одинаковы с сосудами из курганов.

В последующие годы С. С. Гамченко продолжал исследование подобных памятников в районе Житомира, но материалы, к сожалению, не опубликованы. В сохранившейся рукописи С. С. Гамченко «Пятилетие археологических исследований на Волыни» есть сведения о наличии интересующих нас могильников, главным образом бескурганных, возле сел Корчак, Катериновка, Перловка, Турчинка, Генриховка, Петриевцы, Торжик и др.¹ Некоторые из них, например курганы и бескурганные погребения возле сел Корчак и Катериновка, подверглись раскопкам.

Возле Корчака С. С. Гамченко раскопал 8 курганов и 11 бескурганных погребений, в Катериновке — 10 погребений на «некрополе полей урн»². Большая часть курганов совершенно одинакова с курганами, раскопанными на р. Случи, и только в двух отмечены значительные отличия: урны с прахом покойников стояли в каменных ящиках типа кист. Ящики находились в небольших погребальных ямах ниже горизонта. Точно в таких же ящиках находились урны и во всех бескурганных погребениях. Погребений с труположением не было.

Вещи, найденные в курганных и бескурганных погребениях, однотипны: лепные урны того же вида, что и на р. Случи (рис. 10 — 4, 5-9), горшки, крышки, бесформенные отщепы кремня. Кроме того, в двух случаях — курган в Корчаке и бескурганное погребение в Катериновке — найдены гончарные сосуды, характерные для полей погребений черняховского типа (рис. 10 — 6)³.

Как уже отмечалось, исследованием интересующих нас памятников занимался и И. Ф. Левицкий. В 1925 г. возле Селец Народицкого района Житомирской области он раскопал несколько курганов. Материалы раскопок не опубликованы, они хранятся в фондах Житомирского музея⁴. По внешнему виду курганы эти одинаковы с курганами, раскопанными в Корчаке и на р. Случи. Очень близки они и по деталям погребального обряда. Разница лишь в том, что в двух курганах под кострищами с трупосожжением в урнах, находившихся на горизонте, были обнаружены прямоугольные ямы с коллективными захоронениями несожженных трупов.

¹ Архив ИА АН УССР, ф. 3, 0—1, д. 24.

² Нет твердой уверенности в том, что бескурганные погребения, вскрытые С. С. Гамченко, были бескурганными в буквальном смысле слова. Часть из них, корчакские во всяком случае, представляли собою, повидимому, распаханые курганы. Об этом, как пишет сам С. С. Гамченко, ему говорили местные жители. По сведениям же А. А. Спицына, С. С. Гамченко в Корчаке раскапывал именно поля погребальных урн (см. А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, т. X, 1950, стр. 64).

³ Находки этих сосудов, правда, были сделаны в отсутствие С. С. Гамченко его постоянным сотрудником Д. Собоновичем. Сам С. С. Гамченко не сомневался в их достоверности. Один из сосудов сохранился и в настоящее время находится в фондах Житомирского музея. Вдова Д. Собоновича, М. М. Собонович, довольно точно описала формы найденных тогда сосудов, в том числе и черняховских. Она безошибочно отобрала из фотоснимков разных сосудов, предложенных ей после беседы, те, которые, по данным музея, были найдены в Корчаке и Катериновке.

⁴ И. Левицкий. Археологічні дослідження в районі Народиці — Ст. Шарно — Уманці — Булев — Селець — Болотниця Коростенської округи року 1925. Рук., Арх. № 58. В этом же музее хранятся и вещевые находки.

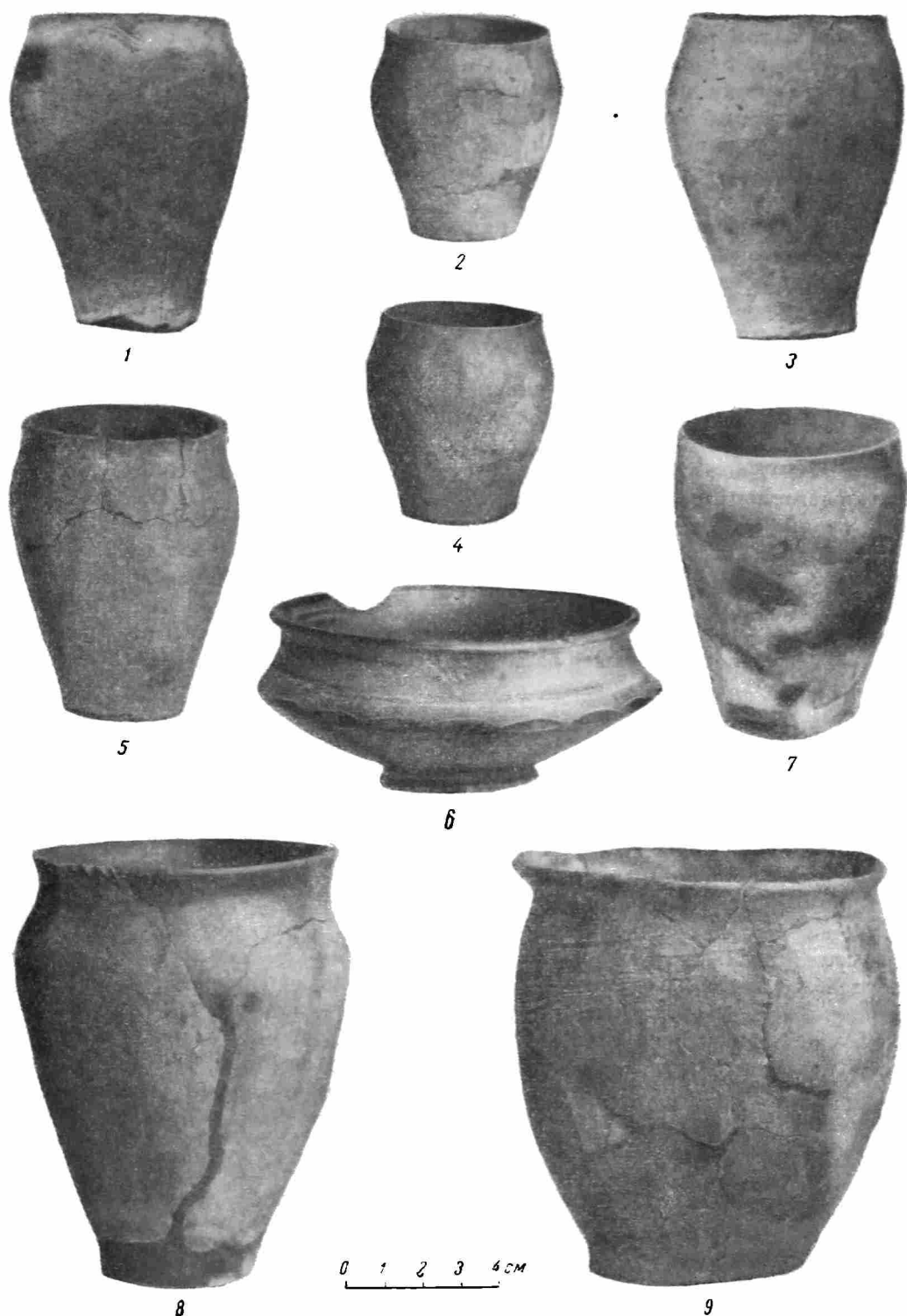

Рис. 10. Глиняные сосуды из разных могильников:

1, 3 — из Ново-Мирополя; 2 — из Редчищей; 4, 5, 9 — из Корчака; 6 — из Катериновки; 7 — из Виртои;
8 — из Тетеревки.

По вещевым находкам курганы, исследованные И. Ф. Левицким, также одинаковы с раскопанными С. С. Гамченко. Помимо характерных лепных урн (типа рис. 10—5), встречаются и гончарные сосуды довольно примитивной выделки. Последние резко преобладают. И те и другие попадались в одном и том же кургане.

В 1953 г. рядом с курганами, вскрытыми И. Ф. Левицким, автор настоящей заметки раскопал четыре небольших кургана. В насыпях трех из них обнаружены остатки трупосожжения, сопровождавшиеся фрагментированными сосудами, сделанными на примитивном гончарном круге; в четвертом под насыпью обнаружена прямоугольная яма без всяких следов захоронения.

Кроме перечисленных выше пунктов раскопок, интересующие нас сосуды, которые условно можно назвать сосудами житомирского типа, известны и из других мест. Так, в 1942 г. крестьянин села Тетеревки (окрестности г. Житомира) П. Н. Котюк выпалал наполненную пережженными человеческими костями урну, которая передана в Житомирский музей, где хранится и теперь (рис. 10—8). В 1953 г. нами было обследовано место находки. Это небольшое всхолмление в километре к северу от с. Тетеревки. В 1942 г. оно, по словам П. Н. Котюка, распаивалось впервые и с тех пор не распаивается. Никаких насыпей или иных внешних отличий на месте находки урны, как и вообще на всей возвышенности, нет. В заложенном нами на предполагаемом месте находки раскопе, площадью 120 м², никаких следов погребений, к сожалению, не обнаружено.

В фондах Житомирского музея имеются сосуды этого же типа из Редчищей (рис. 10—2), Чортовой Гребли и других мест. Обследованию эти места нами не подвергались. Внешнее же обследование района Корчак — Катериновка — Перловка, если не считать находок на месте раскопок С. С. Гамченко отдельных фрагментов глиняных сосудов, не дало положительных результатов.

Весьма примечательно, что и в фондах Пинского музея хранится урна житомирского типа (рис. 10—7), заполненная пережженными человеческими костями. Найдена она на хуторе Виртки Ленинского района Брестской области крестьянином Д. Морозом в 1937 г. Обстоятельства находки неизвестны. Подобный же сосуд из Белоруссии публикует и И. Костшевский¹.

В последние годы В. К. Гончаров на берегах р. Роставицы обнаружил несколько неукрепленных поселений (Лука-Райковецкая, Коробчиев, Паволочь, Швайковка, Траянов), на которых найдены фрагментированные сосуды интересующего нас типа. На поселении в Луке-Райковецкой было вскрыто несколько жилищ-землянок с печками-каменками². В большей части землянок керамический материал представлен сосудами, сделанными на примитивном гончарном круге; в некоторых, помимо гончарной керамики, были и обломки лепной посуды, очень близкой к сосудам житомирского типа; наконец, в одной землянке, расположенной, кстати сказать, несколько в стороне от остальных, найдены только лепные сосуды, совершенно аналогичные сосудам из погребений в Корчаке, Перловке, Катериновке, Сельце и других указанных пунктах.

В принципе, как видим, перед нами та же картина, какую наблюдали С. С. Гамченко и И. Ф. Левицкий во время раскопок курганов: вначале только одни лепные сосуды, затем вместе с примитивными гончарными и, наконец, одни гончарные сосуды.

¹ J. Kostrzewski. Od mezolitu do okresu wędrowek ludów. Prehistoria ziem Polskich. Krakow, 1939—1948, табл. 90, рис. 4.

² В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 10—13; его же. Работы Волинської експедиції 1948 г., АН УРСР, т. III, 1952, стр. 169—170. С любезного разрешения В. К. Гончарова я имел возможность ознакомиться и с неопубликованной частью материалов его раскопок.

В. К. Гончаров поселение в Луке-Райковецкой датирует VIII—IX вв. С этим нельзя согласиться, так как некоторые жилые комплексы, например землянки с сосудами типа Корчак, относятся к явно более раннему времени.

К какому же именно времени относятся все эти сосуды и вообще памятники житомирского типа? Кому они принадлежали?

Первый исследователь этих памятников С. С. Гамченко датировал их с V—VIII вв. н. э. и считал древлянскими¹. Правда, С. С. Гамченко недостаточно обосновал свою датировку, и может быть именно поэтому открытие этих памятников, несмотря на всю значимость, прошло как-то незаметно и о них вскоре забыли. Только теперь, почти шестьдесят лет спустя, когда аналогичные памятники стали известны и на территории западных славян, где они, кстати сказать, датируются тем же временем, вспомнили о работах С. С. Гамченко.

В Чехословакии, например, сосуды, подобные сосудам житомирского типа (там эта керамика — так называемого пражского типа, по определению И. Борковского), были найдены на обширных могильниках с трупосожжением и трупоположением, курганных и бескурганных². Более ранние бескурганные — конец IV—V в. н. э. Датировка эта основывается на находках в урнах металлических и иных предметов, имеющих многочисленные аналогии в хорошо датированных неславянских погребениях с трупоположением эпохи переселения народов. Находки в Корчаке и Катериновке вместе с сосудами житомирского типа гончарных сосудов, характерных для черняховских полей погребений, подтверждают эту датировку. В более поздних бескурганных погребениях, а также в курганных погребениях с трупосожжением в Чехословакии уже встречаются сосуды, сделанные на примитивном гончарном круге. Они также похожи на сосуды из курганов на р. Случи и возле с. Селец.

Чехословацкими археологами (И. Борковский, Я. Эйсер, И. Поулик) убедительно доказана генетическая связь и непрерывность развития керамических форм, начиная с лепных сосудов V в. и до хорошо известных форм славянских гончарных сосудов IX—XII вв. Сосуды, речь о которых идет в настоящей заметке, — лепные и гончарные; применительно к чехословацкой схеме развития славянской керамики они могут быть датированы периодом V—IX вв. н. э.

Подведем некоторые итоги.

На территории Припятского Полесья последующими за зарубинецкими полями погребений являются памятники житомирского типа, а не поля погребений типа черняховских, как это имело место в области лесостепи. Никакого хронологического или иного разрыва между ними нет.

Памятники житомирского типа представлены могильниками и поселениями. И на тех и на других встречаются довольно своеобразные глиняные сосуды, типологически, повидимому, связанные с сосудами зарубинецкого типа.

Памятники эти бесспорно славянские. Все они относятся к периоду с конца IV по IX в. н. э., причем те из них, где встречаются только лепные сосуды типов, публикуемых в настоящей заметке, датируются началом этого времени. Период этот переходный от бескурганных могильников к могильникам курганным, в которых обряд трупосожжения постепенно вытесняется трупоположением, а керамика лепная — гончарной.

¹ С. С. Гамченко. Раскопки в бассейне р. Случи. Тр. XI АС, т. I, 1902, стр. 397.

² Сводку, а также основную литературу по памятникам пражского типа см. в приложениях к книге J. Poulik. Staroslovanská Morava. Praha, 1948. В этой же книге для сравнения с сосудами житомирского типа имеется большое количество фотоснимков аналогичных сосудов пражского типа. Много аналогий и в другой книге того же автора «Jižní Morava země dávných Slovanů». Brno, 1948—1950.

Памятники житомирского типа представляют собой локальный, полесский вариант своеобразной археологической культуры, общей для всех славянских племен, населявших в то время земли между Эльбой и Днестром. В районе Припятского Полесья именно они являются тем недостающим звеном, которое связывает культуру славянских племен рубежа и начала нашей эры с культурой племен времени «Повести временных лет». Более того, можно предполагать, что эти же памятники легли в основу культуры и более северных славянских племен, оставивших нам так называемые длинные курганы.

Конечно, все это еще нужно доказать. Но и тех материалов, которыми мы уже располагаем, достаточно для постановки указанной проблемы именно в этом плане.

Своеобразие новой печати не позволяет привлечь для ее датировки какие-либо сфрагистические параллели, однако сама печать содержит ряд датирующих данных, которые хорошо объясняют ее необычность. Основной датировки находки служит изображенный на ней княжеский знак, настоящая разновидность которого встречена впервые.

Знаки рюриковичей в так называемом «парадном» варианте присущи крайне немногочисленной, но очень компактной в хронологическом отношении группе древнерусских памятников. В эту группу входят все золотники и сребреники Владимира Святославича (ум. в 1015 г.), Святополка Ярополковича (ум. в 1019 г.) и Ярослава Владимировича (до 1019 г.)¹, два кирпича из развалин Десятинной церкви в Киеве, несущие знаки Владимира Святославича², налучье из Тамани с изображением знака, приписываемого Мстиславу Владими-
 ровичу (ум. в 1036 г.)³, и несколько анонимных подвесок со знаками, аналогичными знаку Ярослава Владимировича или очень близкими ему⁴. Перечисленные памятники определяют время употребления княжеских знаков в «парадном» варианте концом X — первой половиной XI в.

Отнесение вновь найденной печати к тому же хронологическому периоду вполне подтверждается близким сходством ее лицевой стороны с соответствующими сторонами серебряных монет Владимира Святославича, так называемых сребреников 2, 3 и 4-го типов (по И. И. Толстому), и Святополка Ярополковича, несущими изображение княжеского знака и круговую надпись (рис. 12). Эти сопоставления позволяют ограничить круг возможных владельцев печати князьями, жившими во второй половине X — первой половине XI в.

Конструкция княжеского знака в соответствии с основным принципом образования знаков собственности — простейшим их изменением от знака отца к знаку сына и от знака старшего брата к знаку младшего брата — позволяет рассмотреть вновь обнаруженный знак в эволюционной связи с уже известными.

Анализ генеалогической таблицы старейших княжеских знаков (рис. 13) дает возможность утверждать, что новый знак на печати из Новгорода является простейшим усложнением хорошо известного знака Владимира Святославича. От последнего он отличается только тем, что средний зубец в верхней части снабжен небольшой перекладиной, делающей его крестообразным. Однако этот знак по своему устройству проще, чем при-

¹ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882.
² ОАК, за 1908, СПб., 1912, стр. 138; Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 171.
³ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси (X—XII вв.). СА, т. VI, 1940, стр. 241 сл.
⁴ Там же, стр. 239.

писываемый Мстиславу Владимировичу знак, снабженный, помимо такой же дополнительной перекладины, перекладиной на нижнем отроге. Очень близок к публикуемому знак Ярослава Владимировича, имеющий на верху среднего зубца не перекладину, а круг; в остальных деталях совпадение полное. Таким образом, по своему положению в эволюционном ряду знаков публикуемый нами мог быть знаком одного из старших сыновей Владимира Святославича.

Точное определение и знака и самой печати дает только такое прочтение ее круговой надписи: «Изас/ла/озо», где последнее «о» заменяет «ъ», а «и» в начале слова помещено в зеркальном изображении — ошибка, вообще свойственная древним чеканеным или литым нумизматическим и сфрагистическим памятникам.

Само по себе написание не противоречит предложенной выше датировке печати, так как палеографические параллели ей содержатся в памятниках X—XI вв. Редкое для древних памятников «и» с косой поперечной чертой отмечено на некоторых сребрениках Владимира¹, а на одном златнике того же князя оно, кроме того, помещено в зеркальном изображении², увеличивая сходство написаний до полного совпадения. Написание «з» на печати является древнейшим вариантом этой буквы, наиболее близким «з» надписи Самуила (993 г.)³, Супрасльской рукописи (XI в.)⁴, Саввиной книги (XI в.)⁵ и особенно жития Кондрата (XI в.)⁶; написание «А», нижняя часть правой черты которого снабжена отогнутым вправо хвостиком, встречается в Супрасльской рукописи и Изборнике Святослава (1073)⁷, хотя отмеченная особенность выражена там слабее. Узкое «с» вообще характерно для ранних памятников, а широкое «о», повидимому, преобладает в самых древних. Оно отмечено в гнездовской надписи (середина X в.)⁸ и в подавляющем большинстве случаев на древнейших русских монетах конца X—начала XI в.⁹

Рис. 12. Сребреники Владимира Святославича, Святополка Ярополковича и Ярослава Мудрого.

¹ И. И. Толстой. О древнейших русских монетах X—XI вв. ЗРАО, т. VI (нов. сер.), 1893, стр. 351.

² Там же, стр. 349.

³ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 107.

⁴ Там же, стр. 367.

⁵ Там же, стр. 368.

⁶ Там же, стр. 372.

⁷ Там же, стр. 375.

⁸ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. Вестн. АН СССР, № 4, 1950, стр. 74.

⁹ И. И. Толстой. О древнейших русских монетах X—XI вв., стр. 368.

Что касается остатков неразборчивой надписи оборотной стороны, то «г» там подобно «г» гнездовской надписи, а это — древнейший способ изображения «г», как отмечает М. Н. Тихомиров¹. «Р» с низко опущенной и изогнутой главной линией находит очень много аналогий в памятниках XI в.²

Написание языческого имени в греческой транскрипции на русских печатях XI в. отмечено несколько раз. В качестве примера можно указать печать Мстислава — Константина, где имя князя передано в форме ΜΣΤΙΣΘΛΛΑΥ(ΟC)³, печать Вячеслава — Меркурия, имя которого передано в форме ΒΛΝΤΣCΘΛΛΑΥ(ΟC)⁴, печать Всеволода с надписью CΒΛΛΑ(ΟC)⁵. В надписи вновь найденной печати нет знаков чисто русских, поэтому она могла бы быть и славянской и греческой, однако замена конечного «ъ» на «о», возможная только в славянских памятниках, позволяет заключить, что на печати греческое звучание имени Изяслав (Изяславъ) передано русскими буквами.

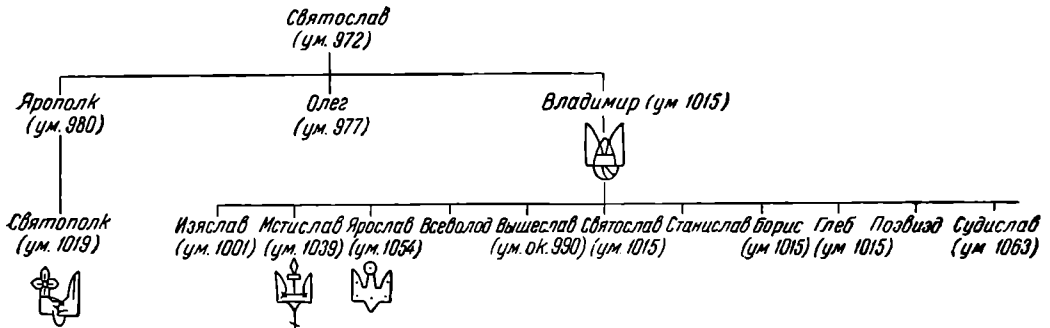

Рис. 13. Древнейшие русские княжеские знаки.

Единственный Изяслав, с которым можно связывать публикуемую печать, это старший сын Владимира Святославича, родоначальник ветви полоцких князей — Изяслав Владимирович. Летописные данные о нем сравнительно органиченны. Сведений о дате рождения Изяслава нет. Однако известно, что он был старшим сыном Владимира и Рогнеды. Женитьбу Владимира и Рогнеды летопись относит к 980 г., но А. А. Шахматовым вскрыт ряд противоречий в летописных рассказах о Владимире и Рогнеде. Это позволило выяснить, что в сообщении летописи под 980 г. спутаны события 970 и 980 гг.⁶ Поэтому время рождения Изяслава возможно отнести не к 80, а к 70-м годам X в. Около 987 г. Изяслав вместе с матерью был отправлен Владимиром в специально для них построенный Изяславль⁷. В 988 г. он принял христианство и получил в удел Полоцк⁸. В 1001 г. Изяслав умер⁹, оставив после себя двух детей: Брячислава и Всеслава.

¹ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 75.

² Фрагментированность надписи оборотной стороны печати делает ее нечитаемой. Возможно, она сохраняет остатки слова «грамма», однако это чтение может быть только гипотетическим.

³ Д. И. Бліфельд. Висла печатка з Білгородки. Археологія, III, 1950, стр. 104.

⁴ В. Л. Янин. Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича (1054—1057). КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 150—152.

⁵ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, Л., 1928, стр. 152.

⁶ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 247—251.

⁷ ПСРЛ, I, 131; VII, 28.

⁸ ПСРЛ, I, 52; VII, 231.

⁹ ПСРЛ, I, 55; II, 261; V, 124; VII, 317.

Таким образом, деятельность Изяслава относится целиком к X в. Датировка публикуемой печати этим временем дает объяснение ее своеобразия. Дело в том, что она не только древнейшая из дошедших до нас русских печатей, но и значительно отстоит во времени от тех печатей, которые до сих пор считались наиболее древними.

Действительно, группа известных древнейших датированных русских сфрагистических памятников состояла из печатей Мстислава — Константина (ум. в 1036 г.)¹, Ярослава — Георгия (ум. в 1054 г.)² и Вячеслава — Меркурия (ум. в 1057 г.)³. Новая печать древнее их по крайней мере на 40 лет, а может быть, и на 50, если принять во внимание полное отсутствие на ней христианских эмблем — пример, до сих пор не отмеченный в русской домонгольской сфрагистике.

Новая находка позволяет пересмотреть вопрос о начальном этапе истории русских печатей, который принято называть периодом греко-русских печатей. Это название не только обобщает внешние особенности русских печатей XI в., несущих обычно греческие надписи и чисто византийские изображения святых, но и содержит в себе более глубокий принципиальный смысл, отражая близкое генетическое родство этих печатей с византийскими образцами. Сравнение русских и византийских печатей XI в. позволяет говорить о стремлении русских резчиков к копированию византийских типов. Отсутствие более раннего русского сфрагистического материала приводило исследователей начального периода к представлениям об одновременном заимствовании приема утверждения грамот вислыми металлическими печатями и самих византийских сфрагистических типов. Поскольку основным элементом изображений на византийских печатях были христианские эмблемы и изображения святых, заимствование сфрагистических типов, согласно этой концепции, не могло предшествовать введению христианства на Руси. Таким образом, начало русской сфрагистики мыслилось хронологически одновременным с введением христианства, а само употребление вислых печатей представлялось одним из многочисленных культурных следствий крещения Руси.

Свидетельства летописи об употреблении печатей в дохристианской Руси: «Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени» (договор 945 г.)⁴ и «Написаху на харатье сей и своими печатями запечатахом» (договор 971 г.)⁵, хорошо известные в литературе, постоянно толковались как свидетельства употребления на Руси X в. прикладных перстневых печатей⁶. Употребление же вислых печатей, наиболее характерных для русской сфрагистики вплоть до конца XV в., и в свете этих летописных данных ставилось в связь с принятием христианства. Слово «ношаху», употребленное летописцем, казалось несовместимым с употреблением вислых печатей. Однако значение этого слова находит объяснение в письменных источниках сфрагистики. Согласно свидетельству Феодора Вальсамона, металлический отпечаток буллотирона, т. е. образец вислой печати, носился на груди у хранителя печати⁷. Таким образом, в терминологии летописи, повидимому, нет противоречия с возможностью употребления вислых печатей в дохристианской Руси. Если это так, то сфрагистические типы этого времени неизбежно должны были существенно отличаться от привычных типов христианского периода.

¹ Н. П. Лихачев. Указ. соч., вып. I, стр. 156—158; Д. И. Блѣфельд. Указ. соч., стр. 104.

² Н. П. Лихачев. Указ. соч., вып. I, стр. 154—156.

³ В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 150—152.

⁴ ПСРЛ, I, 48.

⁵ ПСРЛ, I, 73.

⁶ Н. П. Лихачев. Русская сфрагистика. СПб., 1900, стр. 36; А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике. ТМНО, т. III, вып. I, М., 1903, стр. 114.

⁷ Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 59 и 65.

Поэтому большой интерес должны представлять попытки реконструировать эти типы и выяснить степень характерности вновь найденной печати для наиболее раннего периода русской сфрагистики.

Пути реконструкции указаны значительной стилистической и иконографической близостью русских вислых печатей и древнейших русских монет X—начала XI в.¹ Теоретические основы этой близости заключаются в том, что монеты являются денежными знаками, чистота металла и вес которых гарантированы государственной властью, утверждены ею. Способ утверждения не может здесь не носить общих элементов со способом утверждения актов. Слово «печать», характерное для легенд русских монет более позднего времени, указывает на то, что монетные штемпели воспринимались как печать князя. Родство монетных и сфрагистических матриц вызвано, таким образом, близостью их назначения.

По стилю выполнения и особенностям композиции изображений древнейшие русские монеты подразделяются на три группы. В первую группу входят златники и сребреники Владимира 1-го типа (по И. И. Толстому), имеющие на одной стороне изображения князя и маленького княжеского знака над его плечом и круговую надпись, на оборотной — погрудное изображение Христа с круговой надписью или инициалами по сторонам изображения. Во вторую группу входят сребреники Владимира 2, 3 и 4-го типов, сребреники Святополка и так называемые сребреники Ярослава 1 и 2-го типов. Что касается последних, общность княжеских знаков, помещенных на них, с княжеским знаком Святополка убеждает в том, что И. И. Толстым в их определении была допущена ошибка. Правильнее, по-видимому, отнесение их к Святополку Ярополковичу. Все эти монеты на лицевой стороне имеют изображение князя и круговую надпись (на сребрениках Ярослава 1 и 2-го типов — изображение св. Петра), на обороте помещены большой княжеский знак и круговая надпись. Наконец, в третью группу входит «Ярославле серебро», серебряные монеты с изображением на одной стороне св. Георгия и соответствующей колончатой надписью, а на обороте — княжеского знака и круговой надписи.

Разделение древнейших русских монет на указанные группы по стилю подтверждается топографией и хронологией их находок. Топография находок монет первых двух групп говорит об их южном происхождении. Местом происхождения «Ярославля серебра» является Новгород. Первые две группы взаимно исключают друг друга хронологически. Монеты первой группы, более древние, чем второй, что установлено фактами перечеканок, никогда не встречаются вместе с монетами второй группы. Между тем и те и другие были распространены в одинаковой степени и на одной и той же территории. Это хронологическое различие отразилось в научной терминологии: сребреники первой группы условно называются в литературе киевскими, так как значительная масса их была найдена в едином Киевском кладе 1876 г.²; сребреники второй группы — нежинскими, ибо большое число их обнаружено в 1852 г. в едином кладе в Нежине³. Несмотря на хронологическую взаимоисключаемость, разрыв между временем чеканки монет первой и второй групп не мог быть очень продолжительным; единство княжеского знака на сребрениках Владимира первого и остальных типов свидетельствует о принадлежности их одному князю. Однако разрыв был достаточно длительным для того, чтобы ко времени выпуска монет второй группы сребреники первой успели полностью исчезнуть из обращения. Поэтому если даже допустить, что монеты первой группы были отчеканены

¹ А. В. Орешников. Указ. соч., раздел «О связи сфрагистики с нумизматикой».

² А. А. Ильин. Топография кладов древнерусских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924, № 8.

³ Там же, № 22.

непосредственно по введении христианства, чеканка монет второй группы не могла начаться ранее первых годов XI в.

Проделанный выше экскурс в область ранней монетной хронологии древней Руси был необходим ввиду большой важности взаимной хронологии древнейших сребреников и русских печатей. Все русские сребреники древнее наиболее ранних русских печатей, бывших известными до самого последнего времени, но вместе с тем все они, за исключением только первой группы, может быть синхронной ей, моложе вновь найденной печати. Это дает возможность рассмотреть аналогичные элементы тех и других с точки зрения их генетической связи. Как показывает приведенное выше беглое описание древнерусских монетных типов, они образованы различными сочетаниями четырех композиционных элементов: изображения княжеского знака, изображения князя, изображения святого, круговой надписи. Из этих элементов лишь один заведомо новый: появление на монете изображения святого обусловлено принятием христианства. Для остальных элементов вполне возможно существование и в более раннее время.

Что касается изображений святых, заимствование их на монеты с печатей доказано уже давно. Еще в 1860 г. А. А. Куник, отметивший оригинальность русских монетных типов конца X—начала XI в., отличных от привычных тогда на Руси монетных типов Средней Азии и Византии, предполагал, что

«Ярослав перенес на монету лик св. Георгия со своей печати»¹. И. И. Толстой в 1887 г. полностью присоединился к мнению А. А. Куника, подкрепив его иконографическими параллелями из византийской сфрагистики².

Вновь найденная печать позволяет утверждать, что два других элемента монетных штемпелей — большое изображение княжеского знака и круговая надпись — также восходят к сфрагистическим образцам, причем образцам более раннего, дохристианского времени. Кроме новой, одна лишь ранняя печать содержит изображения знаков и круговые надписи³. Она найдена в Новгороде и, к сожалению, нечитаема, но общий ее характер позволяет датировать эту печать временем не позднее XI в.

Наконец, последний элемент монетных штемпелей — изображение князя — также близко связан со сфрагистическими типами. Хотя И. И. Толстой доказал возможность непосредственного его заимствования с византийских монет⁴, связь этого элемента с некоторыми образцами русских печатей не менее близка. Светское изображение князя, выполненное в манере монетных изображений, спорадически появляется на русских печатях XI в. Известны две такие печати, принадлежащие князю Святославу Ярославичу (1026—1076). Одна из них опубликована уже давно⁵, другая, найденная

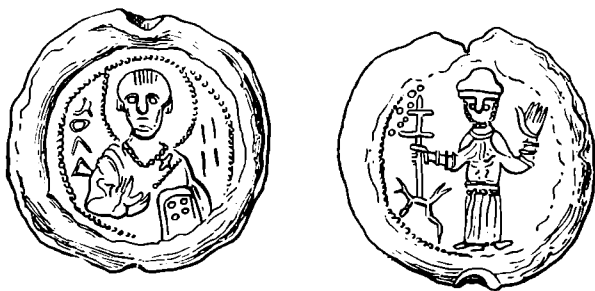

Рис. 14. Печать Святослава Ярославича (1026—1076) с изображением князя, найденная в Новгороде.

¹ А. Куник. О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича с изображением св. Георгия Победоносца. СПб., 1860, стр. 114.

² И. И. Толстой. Случай применения византийской сфрагистики к вопросу по русской нумизматике, т. II. Тр. АС, т. II, 1892.

³ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. VII, 14.

⁴ И. И. Толстой. О древнейших русских монетах X—XI вв.

⁵ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I. А., 1928, стр. 118.

в Новгороде в 1953 г. при раскопках в слое XI в., воспроизводится здесь впервые (рис. 14).

Необходимо обратить особое внимание на то, что все сфрагистические параллели монетным изображениям относятся к самому раннему времени, не выходя за пределы XI в. Печати, близкие монетам, резко отличаются от завоевавших в это время популярность печатей «греко-русского типа»; то, что эти оригинальные типы не получают дальнейшего развития в русской сфрагистике, будучи в то же время тесно связанными с памятниками рубежа X и XI вв., не может не служить указанием на их пережиточность. Связь публикуемой печати с монетными типами достаточно наглядно свидетельствует об ее типичности.

Таким образом, в начальный период русской сфрагистики в дохристианское время были в употреблении вислые печати, отличающиеся большим своеобразием типов по сравнению с печатями XI в. Элементы сфрагистических типов этого времени нашли всестороннее отражение на древнейших русских монетах конца X—начала XI в., изображения на которых генетически восходят к изображениям ранних русских печатей. Новая находка не позволяет еще ставить вопрос о времени начала употребления печатей на Руси, но уже значительно расширяет хронологические пределы русской сфрагистики и является первым образцом древнейшего ее периода, во многом отличного от того периода, который до сих пор считался начальным.

Как памятник письменности публикуемая печать является первым по степени древности после гнездовской находки образцом славянского письма.

В. Р. ТАРАСЕНКО

ИЗ МАТЕРИАЛОВ РАСКОПОК МИНСКОГО ЗАМЧИЩА

О раскопках минского Замчища Институтом истории Академии наук Белорусской ССР в 1945—1950 гг. были уже опубликованы краткие информации¹. В 1951 г. площадь раскопок достигла 700 м², площадь главного раскопа, пройденная до материка, — 560 м².

Необходимо прежде всего остановиться на характере рельефа местности минского Замчища, так как, несмотря на материал раскопок, бесспорно свидетельствующий о нахождении в XII—XIV вв. именно здесь детинца древнерусского «града Меньска», еще высказываются иные точки зрения. М. С. Осмоловский, например, полагает, что наряду с Замчищем древнейшее поселение Минска сложилось в районе так называемой Троицко-Замковой горы². Никаких археологических или документальных доказательств своего утверждения автор не приводит. Он обосновывает свою точку зрения лишь указанием, что Троицкая гора выгодна в оборонительном отношении, так как она вместе с двумя другими возвышенностями (б. Высокого рынка и возвышенности современной Юбилейной площади) «господствует» над территорией Замчища.

Действительно, район впадения в Свислочь речки Немиги, где находится Замчище, ниже этих возвышенностей, окружающих его с северо-восточной, южной и западной сторон. Однако Троицкая гора расположена слишком далеко от берега реки, что существенно снижало удобства этого пункта как городского центра. До появления огнестрельного оружия «господство» Троицкой горы над районом Замчища было лишь кажущимся. Существенно также, что наблюдения, сделанные нами во время земляных работ, связанных с реконструкцией города, показали, что на Троицкой горе и на площади б. Высокого рынка под относительно тонким гумусированным слоем, отложившимся, видимо, в течение последних трех-четырех столетий, залегал материковый песок. Во всяком случае ничего подобного мощным культурным напластованиям, достигшим на Замчище 7 м и прослеживаемым от него к юго-востоку, югу и юго-западу в радиусе около 250 м, в этих пунктах нет.

Окружающая Замчище местность характеризовалась рельефом, делающим ее особенно удобной для размещения укрепленного поселения. Замчище представляет небольшую (до 75 м) возвышенность, находящуюся

¹ В. Р. Тарасенко. Раскопки минского Замчища. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 122—128; его же. Раскопки минского Замчища в 1950 г. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 125—132.

² М. С. Осмоловский. Минск. Градостроительство столицы советской Белоруссии. Белгиз, Минск, 1952, стр. 11, 12 сл.

в 100—150 м к югу от старого устья Немиги, впадавшей здесь в Свислочь. Прилегающий к Свислочи и Немиге район носил название «Старого города». От расположенного к северо-западу так называемого «Татарского конца» города и улицы с этим названием до самой р. Свислочи тянется узкая, длинная гряда, отделенная от высокого берега Свислочи ложиной старой долины Немиги. Восточный возвышенный конец этой гряды, прилегающий непосредственно к правому берегу Свислочи, и занят Замчищем. Окончание мыса Замчища, как выяснилось в 1949 г. при земляных работах, сильно расширяется у берега Свислочи, в среднем до 30—45 м. К западу и северу от Замчища местность еще и в настоящее время сильно заболочена (особенно берега Немиги) и в древности, несомненно, была труднопроходимой. Таким образом, с востока детинец защищала р. Свислочь, а с севера и северо-запада — болотистое течение р. Немиги. Этим оборона была хорошо обеспечена. К тому же осаждающее вражеское войско не могло отрезать защитников «града» от воды, что часто являлось причиной сдачи даже сильно укрепленных городов. При сооружении же детинца на более возвышенном, но легко доступном месте, как, например, Троицкая гора, потребовалось бы создание круговой обороны — земляного вала, рва и других укреплений. Поэтому постройка детинца Минска на Земчище была оправдана с военно-оборонительной точки зрения.

Еще более обоснованной была постройка города в устье Немиги с экономической точки зрения.

Минск расположен на притоке Березины реке Свислочи, верховье которой в древности связывалось волоками с притоками реки Вилии — Рыбчанкой и Ушей. Город стоял на пути, соединяющем крупнейшие реки Днепр и Неман и, следовательно, Причерноморье с Прибалтикой.

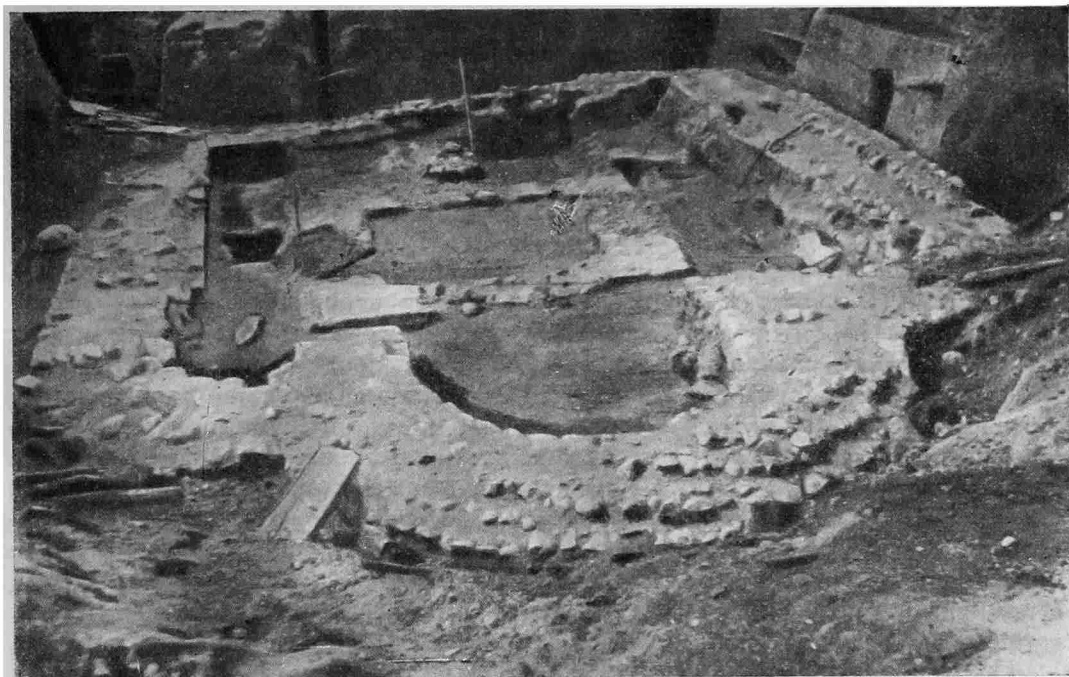
Основной задачей работ 1951 г. было полное раскрытие обнаруженных в 1949 г. остатков каменного храма.

Его фундамент заложен на глубине 1,6 м от дневной поверхности XII в. С внутренней и наружной сторон стен на глубине 5,2 м были прослежены прослойки зеленовато-серого материкового песка, образовавшиеся от выемки рвов фундамента. На наружной и внутренней поверхностях фундамента сохранились кусочки древесины и отпечатки на извести тонких досок, забитых вертикально в землю по краям рвов фундамента и служивших своеобразной опалубкой (рис. 15—2). В боковых апсидах прослежены идущие поперек здания два толстых бруса, заложенные на глубине 0,8 м от дневной поверхности XII в., примерно по середине высоты кладки фундамента.

Храм трехнефный, с несколько выдающейся вперед центральной алтарной апсидой слегка подковообразной формы; боковые апсиды имеют снаружи очертание в виде четверти окружности. Размеры основного помещения 12 × 12 м (включая стены толщиной 1,5 м); общая длина с апсидой 16 м при ширине 12 м; размеры внутри 13 × 9 м. В средней части храма хорошо сохранились основания четырех каменных столбов из плотно сцементированных известковым раствором камней, меньших размеров, чем камни стен, и более тщательно отесанных. В углах столбов, обращенных к центру храма, заметны глубокие прямоугольные выемки. Между столбами полосы свободно лежащих на земле валунных камней.

Облицовка, сохранившаяся на южной и частью западной стене, сделана из гладко отесанных известняковых брусков кирпичеобразной формы. Внутренняя полость стены заполнена бутом. На боковых стенах следы трех внутренних лопаток, четвертая не сохранилась. Наружных лопаток храм, видимо, не имел.

О каменном храме в Минске летописи хранят полное молчание. Это могло бы объясняться тем, что он либо остался недостроенным, либо просуществовал короткое время. Однако, повидимому, храм некоторое время

1

2

Рис. 15. Общий вид остатков каменного храма (1) и отпечатки дощатой опалубки фундаментов храма (2) на Замчище в г. Минске.

действовал. Об этом свидетельствуют остатки лежней для настила пола, прослеженные в алтаре, подпрестольный камень и такие находки, как медный подсвечник, обнаруженный у северной стены алтаря, и обломок медного колокола (диаметром около 0,5 м), найденный в 1951 г. в северо-западном углу (звонница могла находиться в самой стене храма). Функционировал храм очень недолго. Это доказывается наличием внутри храма 21 погребения XII в., произведенных уже после его разрушения.

Положение руин храма ниже уровня прошедшей над ними мостовой середины XII в. заставляет искать его дату в первой половине столетия.

Наиболее вероятным его строителем можно считать первого минского князя Глеба Всеславича, получившего Минск после смерти своего отца Всеслава Брячиславича полоцкого в 1101 г. Князь Глеб стремился поднять значение своего княжества. Он вел войны с дреговичами, смоленским и киевскими великими князьями и в конце концов жестоко поплатился за свою воинственность. В 1119 г. Владимир Мономах овладел Минском, захватил Глеба в плен и, привезя в Киев, бросил в «поруб», где тот и умер в том же году. Глеб Всеславич был очень богат и, еще будучи минским князем, пожертвовал Киево-Печерскому монастырю на постройку трапезной огромную сумму в 1100 гривен серебром, а в 1119 г., уже сидя в киевском «порубе», завещал в пользу этого монастыря еще 700 гривен.

После смерти Глеба и до 1146 г. в Минске особых князей не было и он, видимо, управлялся доверенным лицом киевского великого князя.

Можно думать, что при захвате Минска в 1119 г. был разрушен и каменный храм и с этого времени площадь руин храма использовалась под кладбище.

Только при Изяславе Мстиславиче киевском сын Глеба Ростислав получил Минск. Вероятно, при Ростиславе и была проведена перепланировка детинца, в результате которой развалины храма и кладбище были засыпаны, а сверху проложены деревянные уличные мостовые. С северо-востока на юго-запад была замощена широкая, очевидно главная, улица детинца. На запад и на восток от нее ответвлялись более узкие боковые переулки.

Нами было вскрыто четыре яруса мостовых и синхронных им построек. Слои между ними характеризовались находками XII—XIII вв.: стеклянные браслеты, шиферные пряслица, характерные для этого времени бусы, перстни, орнаментированные гребни, трубчатые замки, предметы вооружения и др.

Наиболее ранняя мостовая залегает на глубине 4 м, немного выше сохранившихся стен. Однако дневной уровень времени их постройки, определенный выбросом земли из рвов (см. выше), лежит значительно ниже — на глубине 5,2 м. Следовательно, нижняя зона культурного слоя под древнейшей мостовой относится к более раннему времени.

Основная масса стеклянных браслетов найдена в слое, покрывающем древнейшую мостовую. Это позволяет датировать первую мостовую XII в. Браслеты встречались часто и в тонкой прослойке, между второй и третьей мостовыми. Незначительная толщина этой прослойки (5—7 см) позволяет думать, что настил не был самостоятельной мостовой, представляя лишь починку лежащего ниже второго настила. Это подтверждается техникой устройства третьей мостовой. Обычно на длинные круглые продольные лежни укладывались поперек, плоскими сторонами кверху горбыли или плахи. С нижней полукруглой стороны плах делались вырубki для закрепления на продольных лагах. Мостовые подобной конструкции известны в Новгороде, Старой Ладогe и в других городах. Именно так был сделан второй (снизу) настил, но позже на некоторой части его (в раскопах 1950—1951 гг.) была сделана дополнительная вымостка (третий настил). Она состояла из таких же поперечных плах, но уложенных плоскими сто-

ронами вниз. Сверху плахи прикрывались нетолстыми продольными лежащими, для которых по краям плах делались вырубki. Промежуток времени между устройством второго и третьего настилов, повидимому, был небольшим — два-три десятилетия. Оба они датируются не позднее первой половины XIII в.

В более мощном слое, между третьим и четвертым настилами, обломки стеклянных браслетов и пряслица из красного шифера попадались лишь в виде единичных случайных находок, а выше четвертого настила найдено лишь два обломка браслетов. Нет здесь и других названных выше типичных для XII—XIII вв. вещей. Это дает основание датировать четвертый настил концом XIII—началом XIV в.

Сохранившиеся остатки мостовых показывают, что в течение почти трех столетий общая планировка улиц и переулков Замчища оставалась неизменной. Каждому из трех основных настилов приблизительно соответствовали по времени 8—10 срубов жилых и хозяйственных построек, от которых уцелело не более 2—3 венцов. Судя по обугленности верхних венцов, постройки погибали от пожаров. Часть построек — хлевy, сараи, мастерские кожевников, гончаров и ювелиров, бóльшая же часть — жилые дома, площадью 9—20 м². Они располагались по обеим сторонам улиц.

Находки в слоях XII—XIV вв. показывают, что, кроме названных ремесел, в городе были развиты ремесла кузнечное, оружейное, бондарное, плотничное, художественная резьба по дереву, кости и рогу и т. п.

Слои с остатками деревянных мостовых и построек представляют большой научный интерес. Их перекрывают позднейшие отложения XV в. и последующих столетий. На глубине 2,50—2,75 м на значительной части площадки раскопок 1949—1951 гг. была прослежена булыжная мостовая начала XVI в., датируемая упоминанием о ней в городских актах и найденной на ней в 1951 г. монетой Сигизмунда Августа. Эту мостовую перекрывали мощные слои более позднего времени.

Уже Ходаковский в примечаниях к «Истории государства Российского» Карамзина попытался определить территорию, где размещались упомянутые в летописи города Болоховской земли¹. К этому вопросу неоднократно обращались многие историки, и литература о Болоховской земле насчитывает к настоящему времени уже не один десяток статей и сочинений².

Каких только взаимно противоречащих друг другу теорий и предположений ни высказывалось о местоположении Болоховской земли, об этническом составе ее населения и ее социальном строе! Болоховскую землю помещали и на западной окраине Киевского княжества и в Подкарпатье, ее считали населенной то половцами, то выходцами из Румынии.

Историк Н. П. Дашкевич, больше всех занимавшийся изучением материалов о Болоховской земле, смог, однако, достаточно определенно наметить решение нескольких из этих вопросов. Внимательно сопоставив данные летописи, акты и документы XVI в. (где также упоминается Болоховская земля) и названия некоторых сел и местечек на Украине, Дашкевич смог с большой уверенностью определить границы древней Болоховской земли. Это была сравнительно небольшая территория, расположенная в верховьях Южного Буга и вдоль верхнего и частично среднего течения р. Случи. Точно так же, критически рассмотрев и отвергнув предположения о полонском или румынском происхождении болоховцев, Дашкевич пришел к выводу, что население Болоховской земли было русским³.

Более сложным оказался вопрос о социальном строе Болоховской земли и о том, кем были упоминаемые в летописи болоховские князья.

Некоторые исследователи считали, что Болоховская земля по социальному строю ничем существенно не отличалась от других русских земель и что болоховские князья были русскими князьями. Одни считали их Рюриковичами, потомками Игоря Северского, другие — вокняжившимися потомками галицких бояр, третьи — местными племенными князьями. Часть историков видела в болоховских князьях общинных, «выборных» князей, нечто вроде более поздних казачьих атаманов. В работах украинских буржуазных историков-националистов болоховские князья рассматривались уже как представители «национального», «бесклассового» общества, а их переход на сторону татар и борьба против князя Даниила трактовались как своего рода «народное», «революционное» движение.

В. В. Мавродин, выступивший с решительной критикой этой псевдонаучной «теории», убедительно показал, что болоховские князья могли быть только феодалами. Однако он разделял мнение, что эти князья могли быть «своими», местными феодалами, «быть может еще не окончательно трансформировавшимися в таковых из общинной полуварварской верхушки «лучших людей»⁴.

Подтверждая основные выводы В. В. Мавродина, В. Т. Пашуто внес в это определение существенную поправку, отметив, что Болоховская земля была расположена в экономически развитой части Руси и поэтому нет оснований предполагать здесь социально-экономическую отсталость⁵.

Таким образом, и вопрос о социальном строе Болоховской земли оказался решенным достаточно определенно. Это была земля, выделившаяся из других русских земель в процессе развития феодальной раздробленности.

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского. т. IV, прим. 20.

² Сводка этой литературы имеется в работе В. В. Мавродина «Некоторые моменты из истории разложения родового строя на территории древней Руси». Уч. зап. Ленингр. гос. педагогич. ин-та им. Герцена, т. 19. Л., 1939.

³ Основные выводы Н. П. Дашкевича изложены в работах: «Болоховская земля и ее значение в русской истории». Тр. III АС, т. II, Киев, 1878; «Новейшие домыслы о Болохове и Болоховцах». Киевск. универс. изв., 1884, № 6; «Еще разыскания и вопросы о Болохове и Болоховцах». Киевск. универс. изв., 1899, № 1.

⁴ В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 170.

⁵ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 151.

Болоховские князья были такими же мелкими феодальными князьками, как и в других областях Руси, но получившими здесь, в силу специфических особенностей района, несколько бóльшую самостоятельность. Совершенно не меняет дела, были ли они Рюриковичами или же вокняжившимися боярами.

К сожалению, все указанные работы строились исключительно на материалах письменных источников, так как археологического обследования болоховских городов до сих пор не производилось.

Правда, В. В. Мавродин и В. Т. Пашуто приводили как пример болоховского города материалы раскопок Райковецкого городища. Однако Райковецкое и раскопанное позже городище у с. Колодежного (древний город Колодяжин) не упоминаются в летописи среди болоховских городов. Поэтому, несмотря на то, что оба они находятся в районе, вплотную примыкающем к Болоховской земле, они, возможно, и не были ее городами. Городища же, непосредственно связываемые с летописными болоховскими городами, до сих пор не были обследованы, несмотря на то, что еще Н. П. Дашкевич указывал на некоторые пункты, как на безусловные места этих городов.

В 1953 г. были проведены обследования и разведочные раскопки на городищах, являющихся остатками трех городов Болоховской земли — Деревич, Губин и Кудин¹.

О наличии двух городищ в селе Большие Деревичи Любарского района Житомирской области в археологической литературе известно уже давно². В 1948 г. они были обследованы В. К. Гончаровым. Он пришел к выводу, что без раскопок нельзя определить, какое именно из них является остатками древнего города Деревич³.

Обследование и разведочные раскопки 1953 г. показали, что городище, называемое местными жителями Городиско и расположенное на мысу при слиянии безымянного ручья и оврага, относится к скифскому времени. Остатками древнего болоховского города является второе городище — Замчиско, расположенное на левом берегу р. Деревички.

Замчиско находится на мысу, вдающемся в пойму реки, делающей в этом месте крутую петлю (рис. 16—17). Площадка городища ровная, в плане близкая к квадрату (приблизительно 95×100 м) и находится на высоте около 15 м над уровнем реки.

С напольной стороны городище ограждено двумя валами, причем перед каждым проведен ров. В северо-восточной части наружный вал раздваивается, и на этом участке городище защищено, таким образом, тремя валами и рвами. Внутренний вал городища возвышается над площадкой почти на 3,5 м. Наибольшее превышение вала над дном рва более 7,5 м. Крутизна переднего склона валов 45° .

Со стороны склона к реке по краю площадки вала нет. По середине склона проходит горизонтальная терраса, во многих местах переходящая в ров, ограниченный снаружи небольшим валом. В юго-западной части городища на склоне расположены по два вала и рва.

Близ самого конца мыса на площадке заметна воронкообразная впадина глубиной до 2,5 м, диаметром около 12 м, повидимому следы оплывшего колодца.

На площадке в довольно большом количестве встречается подъемный материал, в основном керамика XII—XIII вв. При обработке огородов

¹ В обследовании городищ автору помогала студентка Ленинградского государственного университета Т. И. Юдичева.

² В. Б. Антонович. Археологическая карта Волынской губернии. Тр. XI АС, т. I, 1901, стр. 31.

³ В. К. Гончаров. Работы Волынской экспедиции 1948 г. Археологічні пам'ятки УРСР, III. Київ, 1952, стр. 171—172.

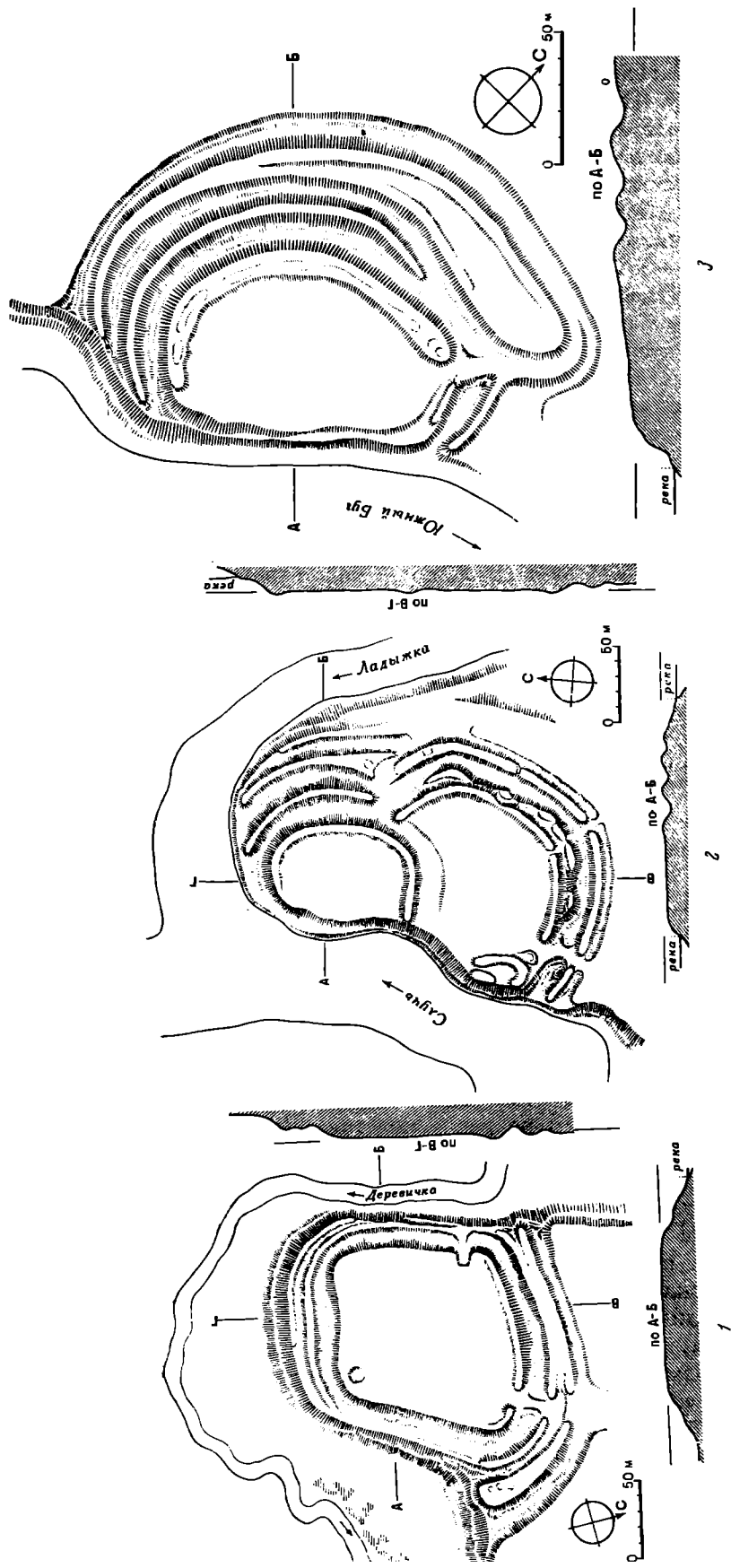

Рис. 16. Городища Болховской земли:

1 — городище Деревичко; 2 — городище в с. Губин; 3 — городище в с. Кудинке.

здесь были выкопаны плужный нож (чересло), обломки стеклянных браслетов, кусок стеклянного сосуда и другие предметы. Наряду с керамикой XII—XIII вв. попадаются и единичные фрагменты керамики XVII—XVIII вв. Керамика XII—XIII вв. встречается также и на довольно значительном пространстве вне городища, в особенности в северном и северо-восточном от него направлении.

Шурфы, заложенные на городище, показали, что культурный слой здесь толщиной около 0,8 м, ближе к валу 1,2 м. В слое найдены многочисленные фрагменты керамики XII—XIII вв., а также керамика, изразцы и другие предметы XVII—XVIII вв.

Прорезка внутреннего вала и рва городища показала, что вал был насыпан на темном слое погребенной почвы, не имеющем культурных остатков. Насыпан он из нескольких слоев чистого и слегка гумусированного лессовидного суглинка, причем никаких деревянных конструкций нет. Лицевая часть вала заметно оползла вниз по склону рва. В засыпи вала найдено несколько черепков XII—XIII вв. Ров с несколько скругленным дном имел симметричный профиль. Несмотря на то, что вал сильно оплыл, его первоначальные размеры определяются достаточно точно; высота его была около 4 м. Ров был первоначально около 14 м шириной и глубиной 5,5 м.

В середине с. Губин Остропольского района Хмельницкой области, на правом берегу р. Случь, при впадении в нее речки Ладыжки, расположено городище, называемое местными жителями Замок (рис. 16—2). Городище упоминается в археологической литературе, но, повидимому, никогда еще не подвергалось археологическому обследованию¹.

Площадка городища имеет форму, близкую к полукругу, опирающемуся основанием в крутой здесь берег р. Случи (рис. 17). Берег р. Ладыжки более пологий, и с этой стороны площадка защищена четырьмя параллельными валами с рвами между ними. С напольной стороны к этой первой, основной площадке примыкает вторая, отделенная одним сильно оплывшим валом и рвом. С внешней стороны она ограждена двумя линиями валов и рвов. Размеры первой площадки приблизительно 50 × 80 м, второй около 100 × 70 м. Городище находится на 9 м выше уровня воды в реке. С юго-западной стороны расположен въезд на вторую площадку, а восточнее еще один, более узкий проход. На первую площадку специального въезда нет. Валы и рвы городища во многих местах хорошо сохранились и имеют значительную крутизну, достигающую по переднему склону 40° к горизонту. Наибольшая высота валов по сравнению с дном рва 6,5 м.

На внутреннем валу, защищавшем вторую площадку, с лицевой его стороны заметен ряд ям и всхолмлений, повидимому следы каких-то оборонительных устройств, разрытых еще в древности.

Городище одерновано и не распаивается. Несмотря на это, на поверхности все же встречается подъемный материал — керамика XII—XIII вв.

Заложенные шурфы показали, что культурный слой на первой площадке достигает толщины около 1 м и включает много фрагментов керамики XII—XIII вв., кости животных, стеклянные браслеты и металлические предметы². На второй площадке культурный слой несколько тоньше — около 0,9 м и включает тот же материал, что и на первой, но в значительно меньшем количестве.

Прорезка верхней части внутреннего вала, защищающего первую площадку, дала возможность установить, что вал не имеет специальной деревянной конструкции и насыпан из чистого материкового лессовидного суглинка.

¹ В. Б. Антонович. Археологическая карта Волынской губернии. Тр. XI АС, т. I, 1901, стр. 26; М. Грушевский. До Болоховщины: Губинське городище. Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львов, 1896, т. X, Miscellanea, стр. 2.

² Здесь же была обнаружена керамика трипольской культуры.

Третье из рассматриваемых городищ находится на окраине с. Кудинка Летичевского района Хмельницкой области¹. Городище это, называемое Валы, расположено на высоком левом берегу Южного Буга. В плане оно почти правильной полукруглой формы (рис. 16—3). Площадка городища (около 90×60 м) примыкает к крутому, почти отвесному берегу реки и находится на высоте 15 м от уровня воды. Возможно, что первоначально площадка была несколько шире, так как часть ее подмывается водой. С остальных сторон городище ограждено тремя концентрическими валами, со рвами перед каждым.

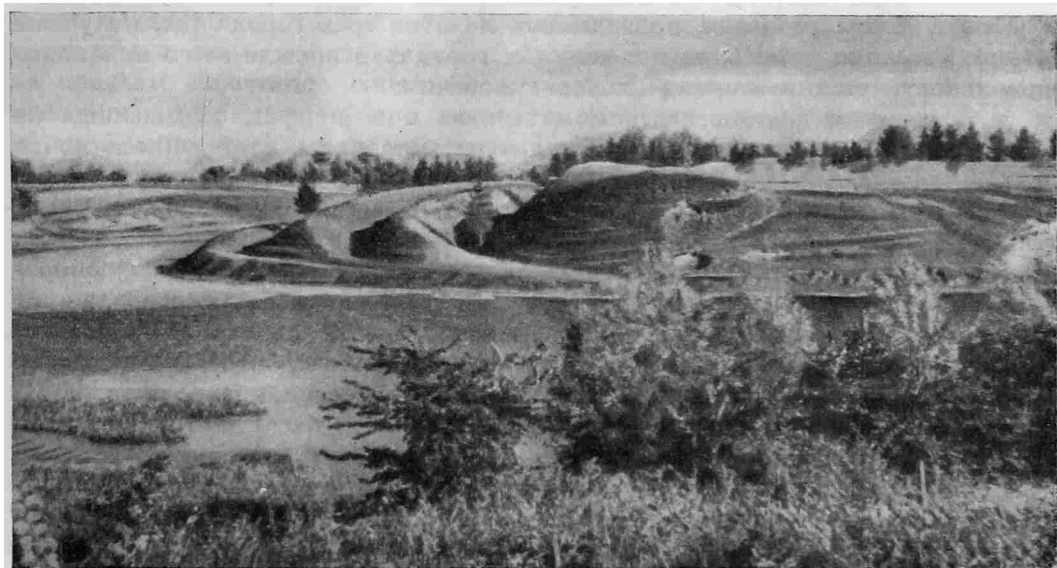

Рис. 17. Городище в с. Губин.

Валы хорошо сохранились, крутизна их склонов достигает 40°; наибольшая высота, считая от дна рва, в отдельных местах доходит до 6 м.

Наружный вал в северной части расширяется, образуя площадку шириной до 20 м, огражденную с обеих сторон небольшими возвышениями. Средний вал в северной части обрывается и поэтому несколько короче остальных валов.

В северо-восточной части городища расположен въезд; он разрезает лишь внутренний вал, остальные заканчиваются, не доходя до въезда. Внутренний вал сильно оплыл; по гребню его отмечены ямы и всхолмления, повидимому следы искусственного разрытия.

Городище задерновано и не распахивается; подъемный материал на нем — керамика XII—XIII вв. Заложенные шурфы подтвердили, что в культурном слое встречается материал почти исключительно XII—XIII вв. (хотя есть формы керамики, характерные и для XI в.), а также кости животных. Толщина культурного слоя 0,6—0,9 м.

Зачистка торца внутреннего вала в северо-восточной части городища, а также прорезка этого вала в северной части показали, что он не имеет специальной деревянной конструкции, а насыпан целиком из земли. Правда,

¹ Краткие сведения об этом городище имеются в следующих изданиях: Е. И. Сецинский. Археологическая карта Подольской губернии. Тр. XI АС, т. I, 1901, стр. 211; П. Кудлаевич. Земляные валы близ с. Кудинки. «Киевская старина», 1882, июнь, стр. 535; ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2, нов. серия, 1896, стр. 251.

в нижней части найдено несколько дубовых бревен, лежавших поперек вала, но, повидимому, бревна не были соединены в какую-либо связанную конструкцию. В основании вала проходит слой погребенной почвы, в котором найдены единичные фрагменты керамики XII—XIII вв.

Передняя часть вала оплыла вниз по склону рва, и поэтому четкой линии передней крутости вала не прослеживается. Первоначальная высота его, однако, может быть определена с достаточной достоверностью — около 3 м. Глубина рва перед этим внутренним валом была, повидимому, также около 3 м. Судя по подъемному материалу, рядом с городищем было расположено селище, относящееся к тому же времени. Несмотря на крайне ограниченный объем разведок, проведенных на этих трех городищах, получены ценные сведения о древних болоховских городах и прежде всего появилась возможность уточнить время их возникновения.

В подъемном археологическом материале и в шурфах, заложенных на городищах, обнаружены керамика и другие материалы, относящиеся почти исключительно к XII—XIII вв. Керамики несколько более раннего времени (т. е. XI в.) было найдено очень немного. В то же время материалы XII в. встречены не только в культурном слое, но даже и в основании и в насыпи оборонительных валов. Это несомненно свидетельствует о том, что оборонительные сооружения в Деревиче, Губине и Кудине были основаны не ранее второй половины XII в., а может быть даже в начале XIII в.

Выяснилось также, что конструкция валов на обследованных городищах совершенно иная, чем в Колодяжине или на Райковецком городище. Валы возведены без внутренней деревянной конструкции, насыпаны в несколько слоев из чистого или же гумусированного лессовидного суглинка, взятого, очевидно, здесь же при рытье рвов. Несмотря на то, что передние склоны всех валов сильно оплыли, можно установить, что в древности они имели очень большую крутизну (около 45°). Вдоль тыльного склона по валам проходила горизонтальная терраса. Никаких жилищ, связанных с конструкцией валов, на этих городищах нет.

Едва ли можно сомневаться в том, что поселения эти были городами, конечно, только в древнерусском значении этого слова, т. е. укрепленными поселениями. Очень небольшая площадь городищ (всего 0,5—1,0 га) полностью исключает предположение о том, что они были средневековыми городами, центрами ремесла и торговли. В то же время относительно поздняя датировка поселений и отсутствие на них более древних культурных слоев исключают также и предположение об их связи со старой дофеодальной, родоплеменной организацией. Несомненно, города Деревич, Губин и Кудин были настоящими феодальными замками, замками болоховских князей.

Расположенные в том же районе Колодяжин и Райковецкое городище представляют собой в социальном отношении нечто иное. Раскопки показали, что на обоих городищах жилища построены одновременно с оборонительными сооружениями и конструктивно с ними неразрывно связаны¹. Все жилища при этом были более или менее одинакового характера и ни одно не выделялось богатством или величиной. Это свидетельствует, повидимому, о том, что данные поселения не служили укрепленным жилищем какого-либо феодала и, следовательно, не были обычными феодальными замками.

Очевидно, к тому же типу относится и Городское городище в среднем течении р. Тетерева².

Постройка жилищ по заранее намеченному плану, одновременно с возведением укреплений, указывает на плановое строительство поселений как

¹ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950; его же. Древний Колодяжин. Вісник АН УРСР, № 6, 1950.

² Его же. Раскопки древнего Городска. Археологічні пам'ятки УРСР, III, стр. 186.

крепостей, предназначенных для расположения гарнизона. Наиболее вероятно, что и Колодяжин, и Райковецкое, и Городское городища были построены в качестве пограничных крепостей для защиты западных рубежей Киевской земли. Письменные источники полностью подтверждают, что именно здесь, в бассейне верхнего течения Южного Буга, Случи, Ужа и верхнего течения р. Тетерева, находилось западное пограничье Киевского княжества¹.

В 1148 г. киевский князь Изяслав дал сыну Юрия Долгорукого Ростиславу «Божьский, Межибожие, Котелницю и ина два города», поручив ему при этом: «а ты постережи земле Руской оттоле»².

Видимо, именно этот район, от верховьев Южного Буга до р. Тетерева и его правого притока Гуйвы, киевский князь считал западной границей своей земли. Более западный район, бассейн Горыни, уже выходил в XII в. за пределы собственно Киевской земли, хотя иногда и принадлежал еще киевским князьям. Особенно ясно это стало во второй половине XII в. в связи с постепенным ослаблением Киевского княжества.

Все это как нельзя лучше согласуется с интерпретацией Колодяжина, а также Райковецкого и Городского городищ как княжеских пограничных крепостей.

Существенное различие в социальном облике поселений сказалось и на их дальнейшей судьбе. Во время монгольского нашествия крепость Колодяжин сопротивлялась, и монголам пришлось осадить ее и штурмовать при помощи стенобитных машин — пороков. Правда, поверив монголам на слово, защитники Колодяжина сдались, но после этого все «избити быша»³. Археологические раскопки Райковецкого городища вскрыли и там трагическую картину штурма и гибели во время нашествия монголов всего населения крепости.

Болоховские князья, всеми силами боровшиеся против усиления великокняжеской власти, предпочли изменить Руси и перейти на сторону монголов, чтобы этим сохранить свои феодальные права и независимость от галицко-волинского князя. Поэтому болоховские «города» не были разрушены монголами; разгром же этих замков князем Даниилом носил совершенно иной характер.

Полное отсутствие на обследованных городищах человеческих костей и следов пожара показывает, что взятие поселений не сопровождалось уничтожением населения. Это и понятно: для феодала земля имеет ценность только тогда, когда она заселена феодально-зависимыми крестьянами. Очевидно, взяв болоховские «города», князь Даниил вывел оттуда их население в свои вотчины или в вотчины вассалов. Но очаги сопротивления — укрепленные замки болоховских князей князь Даниил уничтожил. И действительно, в полном соответствии с текстом летописи, на остатках Губина и Кудина видны явно «раскопанные» линии внутренних (т. е. наиболее важных в военном отношении) валов.

Полное отсутствие на обследованных городищах материалов, относящихся к XIV—XV вв., свидетельствует о том, что после карательных экспедиций князя Даниила поселения были заброшены⁴. Болоховская земля как самостоятельная политическая единица прекратила существование.

¹ Н. Н. Воронин. Рецензия на книгу В. К. Гончарова. «Вопросы истории», № 7, 1951.

² Ипатьевская лет., 6656 (1148).

³ Ипатьевская лет., 6748 (1240).

⁴ На остатках города Деревич значительно позднее, уже в XVII—XVIII вв., существовала помещичья усадьба-замок.

(например, в работах Б. Б. Пиотровского «Скифы в Закавказье»¹, А. Л. Лукина «Материалы по археологии Бзыбской Абхазии» и Б. З. Рабиновича «Шлемы скифского периода»)². В кобанских комплексах есть аналогии, сближающие эту культуру с культурами скифской, сарматской, ассиро-вавилонской и урартской.

К числу наименее изученных предметов древнего вооружения, найденных в Северной Осетии, относятся головные уборы разных эпох. Не ставя своей целью исчерпывающе осветить этот вопрос, мы отмечаем важнейшие находки, даем их краткое описание, указываем, какую роль сыграли они в быту и в изобразительном искусстве ранних и более поздних обитателей края и в какой степени они связаны с материальной культурой народов Северного Кавказа, Закавказья и Передней Азии.

Намеченная нами тема на первый взгляд как будто бы очень узка, но, внимательно прослеживая ее, мы убеждаемся, что она вводит нас в широкий круг культурных взаимоотношений различных народов Кавказа и смежных с ним стран Запада и Востока. Население Кавказа издавна входило в общение с греческими черноморскими колониями, ближайшими скифскими, сарматскими и аланскими племенами, с царством Урарту, и это нашло, в частности, отражение и в памятниках Северной Осетии.

II

Одним из древнейших шлемов Северной Осетии является медный шлем из Галиатского могильника Фаскау. Он был приобретен у местного жителя Б. Дзелихова, доставлявшего Историческому музею различные археологические предметы. «Шлем этот,— пишет П. С. Уварова,— из листовой меди, не спаянный, а грубо склепанный во всю длину шва, что легко заметить по воспроизведенному рисунку. Шлем значительной вышины (31 см), остроконечен и лишен ныне всякого орнамента. Приводимая вышина должна считаться за достоверную, так как верхнее заострение сохранилось, а со стороны шва нижний край шлема загнут, и таким образом представляется возможность предполагать, что мы имеем дело с нижней оконечностью предмета. Низ его иссечен правильно расположенными, круглыми дырочками, что позволяет предположить вокруг нижней окружности орнамент»³. В типе этого шлема П. С. Уварова видит «влияние Ассирии»⁴.

Б. З. Рабинович упоминает об этом шлеме в статье «Шлемы скифского периода» и высказывает мнение, что по форме он «примыкает к известным с глубокой древности в Передней Азии и Месопотамии остроконечным шлемам... В Ассирии, где этот тип был особенно распространен, он существует вплоть до конца VII в. до н. э., часто встречаясь на барельефах нового ассирийского царства»⁵. Автор полагает, что не обязательно считать шлем из Фаскау импортным предметом, так как по своей технике он может быть вполне отнесен к местному производству, для которого довольно обычны медные вещи, изготовленные клепкой; дата поздних ассирийских шлемов — конец VII в. до н. э. «Эта приблизительная дата совпадает со временем значительной части инвентаря из Фаскау, относящегося к VIII—VII векам»⁶. А. А. Иессен также относит шлем из Фаскау к VIII—VII вв. до н. э.⁷

¹ ТОВЭ, т. III, 1940.

² Труды Отдела истории первобытной культуры (Государственный Эрмитаж), т. I, 1941.

³ МАК, т. 6, стр. 276—277.

⁴ Там же, стр. 367.

⁵ Б. З. Рабинович. Шлемы скифского времени. Труды Отдела истории первобытной культуры (Государственный Эрмитаж), т. I, 1941, стр. 104—105.

⁶ Там же.

⁷ А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 120, стр. 163.

Ближние параллели этому предмету имеются в Грузии и Армении.

Б. А. Куфтин отмечает сходство конических шлемов из Северной Осетии и Абхазии; абхазский отличается лишь присутствием боковых отростков, служивших наушниками¹.

Б. Б. Пиотровский при раскопках крепости на холме Кармир-блур около Еревана — нашел бронзовый шлем, на нижнем крае которого сохранилась клинообразная надпись: «Богу Халду, владыке (этот шлем) Сардур, сын Аргишти, посвятил благополучия ради». Позади надписи помещены два иероглифических знака, возможно метка мастера. Шлем украшен замечательными чеканными изображениями. Спереди, в двух рядах, расположены десять близких к скифским изображений так называемого «древа жизни» и стоящие попарно перед ними боги. Эти фигуры как бы обрамлены змеями с головами хищников (собак), представляющими магическую защиту от злых сил. Затылочная и височные части шлема украшены двумя рядами боевых урартских колесниц и всадников; у воинов — шлемы, подобные найденному, и круглые щиты. находка датируется серединой VIII в. до н. э.² По общему виду шлем очень напоминает шлем из Фаскау; существенное отличие заключается в клинообразной надписи и чеканных изображениях на урартском шлеме.

Неясное воспроизведение головного убора имеется на одной из кобанских литых бронзовых мужских фигурок; П. С. Уварова видит здесь «что-то вроде ермолки»³. Убор представлен в закругленной форме; возможно, что это упрощенное изображение шлема, имеющего не заостренную, как у экземпляра из Фаскау, форму, а круглую, наподобие шапки, что мы встречаем и позже на подобных фигурах воинов.

Среди бронзовых привесок Казбекского клада, во многом весьма близких к кобанским изделиям, находится изображение нагого человека «с головным убором вроде низкого шлема»⁴; аналогичное изображение имеется в другой привеске того же клада; этот головной убор П. С. Уварова уподобляет «шишаку»⁵. Казбекский клад датируется VI—V вв. до н. э.

Ш. Я. Амиранашвили приводит ряд бронзовых мужских обнаженных фигур в шлемах. Найденны они в различных местностях Грузии. Головной их убор «напоминает шлем», «шлемообразную шапку», а в одном случае — шапку, приближающуюся «к так называемому фригийскому головному убору, который хорошо известен по рельефам Немруд-Дана и в скифско-иранском искусстве»⁶. Хронологически эти предметы совпадают с железным веком и граничат с античным периодом.

Две отмеченные нами ранние формы шлема, коническая и закругленная, в дальнейшем будут сосуществовать в Осетии друг другу, с различными изменениями, вплоть до XVII—XVIII вв.

Довольно много шапкообразных массивных бронзовых шлемов найдено в Прикубанье; они местного происхождения и датируются VI в., реже IV в. до н. э.⁷

Более поздний, но тоже весьма ценный для нас греческий бронзовый шлем найден при сооружении Владикавказской крепости. Он обнару-

¹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1951, т. I, стр. 68, 186 (прим. 265), 224 (прим. к табл. XL).

² Б. Б. Пиотровский. Раскопки урартской крепости на холме Кармир-блур (Тейшебани). КСИИМК, вып. XXVII, стр. 5, 7; рис. на стр. 8—10.

³ МАК, т. 8, стр. 64 (рис. 58) и табл. XXXV, рис. 6.

⁴ Там же, стр. 145 и табл. LXXI, рис. 8.

⁵ Там же, стр. 148, рис. 127. С нею весьма сходна во всем привеска, изображенная на рис. 128.

⁶ Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства. М., 1950, т. I, стр. 64—66 и табл. 17.

⁷ Б. Э. Рабинович. Указ. соч., стр. 106—112, 144; А. А. Иессен. Ранние связи Приуралья с Ираном. СА, т. XVI, 1952, стр. 225.

жен в погребении, содержащем предметы вооружения. К сожалению, весь инвентарь могилы, кроме шлема, был расхищен. Шлем хранится в Государственном Эрмитаже. Он эллипсоиден и сильно расширяется книзу; затылок слегка отогнут; лобная часть выделена двумя рядом идущими валиками, образующими посредине лба острую вершину и сливающимися на висках в кружковидные волуэты. Гребня нет; в центре два отверстия для прикрепления украшения¹. Длина шлема по краю 31 см, ширина 19 см, высота 18 см.

Обнаружение этого предмета в Северной Осетии не случайно. На ее территории встречались и другие античные изделия, преимущественно мелкие украшения, попадавшие, вероятно, из греческих причерноморских колоний в виде импорта или военной добычи к ближайшим местным народам, а через них и далее вглубь Кавказа, в частности в Северную Осетию. Отметим, например, находку в селении Саниба сердоликовой печати с изображением сирены², в Камунте фигурки Силена, головки женщины³.

В Музее краеведения Северной Осетии хранится коллекция бронзовых мужских фигурок, приобретенных еще в дореволюционный период. У некоторых из них есть подобие шлема. Происхождение фигурок неизвестно. Не установлено, из какого района они поступили; возможно, что это подделки позднего времени. Однако по типу они сходны с такими же изделиями, известными из других мест Северного Кавказа. Таковы, например, бронзовые мужские фигурки из Аргунского ущелья; частью они воспроизведены в одежде, частью — обнаженные (фаллические), в шлемах; один шлем воспроизведен в виде высокой закругленной шапки, другой — с высоким узким гребнем, третий — заостренный кверху и с длинными отогнутыми краями до плеч⁴. Те же предметы упомянуты П. С. Уваровой⁵. Она приводит также шестнадцать человеческих грубых фигурок или идолов из Дагестана, найденных А. В. Комаровым в кургане близ селения Кематль; высота их от 5—6 до 10 см. Из какого материала они сделаны, не указано; можно предположить, что они, как и аргунские, отлиты из бронзы. Отмечено, что одна из них «в колпаке» (быть может, в шлеме?). Руки их подняты вверх или уперты в бока⁶. Датировка аргунских и дагестанских фигурок не указана; мы полагаем, что они не древнее середины I тысячелетия до н. э.

Уникальную ценность представляет найденный Г. Д. Филимоновым в Кобани бронзовый сосуд в виде кружки высотой 12 см; внизу он немного расширен, вверху сужен; его изогнутая ручка (в форме арбалетной фибулы) заканчивается погрудным изображением мужской фигуры в суживающемся в верхней части шлеме. П. С. Уварова датирует сосуд II в. до н. э.⁷

Бронзовые привески в виде обнаженных мужских фигур встречаются значительно позже в камунтских изделиях. Одни из них изготовлены очень примитивно, другие — более искусно и изящно. Упрощенную форму имеют две из них, соединенные между собой нижней перекладной; высота их 4,5 см; на голове «род шлема или шапки»⁸. Более мастерски сделана бронзовая привеска в виде обнаженного воина. «Фигурка в высоком остро-

¹ Б. Э. Рабинович. Указ. соч., стр. 159—160 и табл. XXIII. Автор не датирует шлема; возможно, что он относится к IV—III вв. до н. э.

² МАК, т. 1, стр. 108, рис. 80.

³ МАК, т. 8, стр. 317 (рис. 250—252), 322 (рис. 264, 266).

⁴ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. I. Тбилиси, 1868.

⁵ «Коллекции Кавказского музея», V, стр. 47, № 1054—1058.

⁶ Там же, стр. 183.

⁷ МАК, т. 8, стр. 85—86 и рис. 81.

⁸ МАК, т. 8, стр. 319 и табл. CXVIII, рис. 21.

конечном шлеме; черты лица выяснены; поперек грудной полости проведены глубокие борозды, вероятно с целью указания на ребра»¹. Изображение помещено в круг диаметром 7 см. Части тела воспроизведены недостаточно пропорционально; верхние и нижние конечности укорочены и носят прямолинейную форму; кисти рук повернуты вправо и влево; корпус тела очень узок. Остроконечный шлем упирается в верхнюю часть круга, ноги — в нижнюю. Лицо безбородое.

Могильник Камунты отличается обилием превосходно выделанных аланских изделий; высшего расцвета эта культура, как и сходная с нею культура могильников селений Балта, Кумбулта, Чми и других мест горной Осетии, достигла в VI—IX вв. Таким образом, мы можем и здесь отметить, что в более поздней, нежели кобанская, аланской культуре местными мастерами использовались две основные формы головного воинского убора — округлая, напоминающая шапку, и остроконечная. Несомненно, изготавливая литые человеческие фигурки, древние мастера исходили из реальной обстановки, так как северокавказские аланы употребляли металлические шлемы.

В описании коллекции К. И. Ольшевского, собранной на могильниках возле Камунты и Галиата, дано краткое упоминание о вершукке железного шишака с четырехгранным шипом в верхней части; в этой же коллекции находился обломок железной кольчуги². В последнем случае мы отмечаем новые характерные черты воинского головного убора аланской поры: шлемы, изготовленные из бронзы, с заостренным верхом или выделанные из железа, округлой формы и с четырехгранным шипом. Вторая, более поздняя форма бытовала вместе с железной кольчугой³ или железным нагрудником⁴.

Шлемы употреблялись в Осетии и в более позднее время (XIV—XVIII вв.).

Прекрасным образцом головного убора этого периода является шлем Ос-Богатара, осетинского героя, с именем которого связано много легенд. Он жил в XIV в. В. Б. Пфаф упоминает о шлеме, колчане и копье Ос-Богатара и относит их к XIV в.⁵ Мисюрка шлема стальная, вдоль лба идет накладная пластинка, пространство для глаз вырезано, забрало и надзатыльник из мелкой плетеной кольчуги. Подобные шлемы носились хевсурами вплоть до XIX в.; они называют их чаканами⁶. Шлем этот хранился в святилище Реком; в XIX в. его перенесли в Нузальскую часовню, но вскоре снова возвратили в то же святилище⁷. Его изображение опубликовано В. Б. Пфафом. Шапка шлема высокая, округленная; к ней прикреплена длинная кольчужная сетка, которая свешивается со всех сторон и имеет несколько разрезов (рис. 18 — 1). П. С. Уварова справедливо сближает шлем Ос-Богатара с хевсурским головным убором, описанным мно-

¹ МАК, т. 8, стр. 314 и рис. 244. См. еще И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности. СПб., 1890, т. III, стр. 115, рис. 120.

² Тр. V АС, Тифлис; Труды предварительных комитетов. М., 1882, стр. 356, № 17 и 39. При раскопках шлемы встречались и вне Осетии, например в Кубанской области (там же, стр. 320).

³ МАК, т. 8, стр. 303 (Камунта), стр. 164 (Лац); П. С. Уварова. Коллекции Кавказского музея, V, стр. 26 (Камунта), стр. 160 (станция Тарская).

⁴ МАК, т. 8, стр. 122 (Суаргом), стр. 130 (Балта: кусок кольчуги или нагрудника); Д. Я. Самоковсов. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекций древностей. Варшава, 1892, стр. 52, № 2433—2434: кольчужный нагрудник около 4 вершков длины и 2,5 вершка ширины с прикипевшей к нему серебряной бляхой или застежкой (стр. 57, № 2809: кольчужный нагрудник).

⁵ В. Б. Пфаф. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871, т. V, стр. 59.

⁶ П. С. Уварова. Кавказ. Путевые заметки. М., 1887, стр. 63; МАК, т. 1, стр. 64. Правильное название хевсурского шлема и кольчуги — «чаккани».

⁷ Сборник сведений о Кавказе, т. I, стр. 141.

гими кавказоведами. Традиционное одеяние хевсура-воина состояло из мисюрки с кольчужной частью, кольчуги, налокотников, небольшого щита и других предметов¹.

В Музее краеведения Северной Осетии есть хевсурский набор воинского вооружения, состоящий из головного убора, кольчуги, налокотников и кожаного щита с железными обручами. Головной убор представляет собой железную шапочку; высота ее 3 см, диаметр 13 см. К ней прикреплена кольчужная сетка, шириной спереди 8 см, длиной 13,5 см; с боков ее наибольшая длина 36,5 см. Сетка сделана из железных колечек (диаметром 0,8 см), концы которых наглухо склепаны.

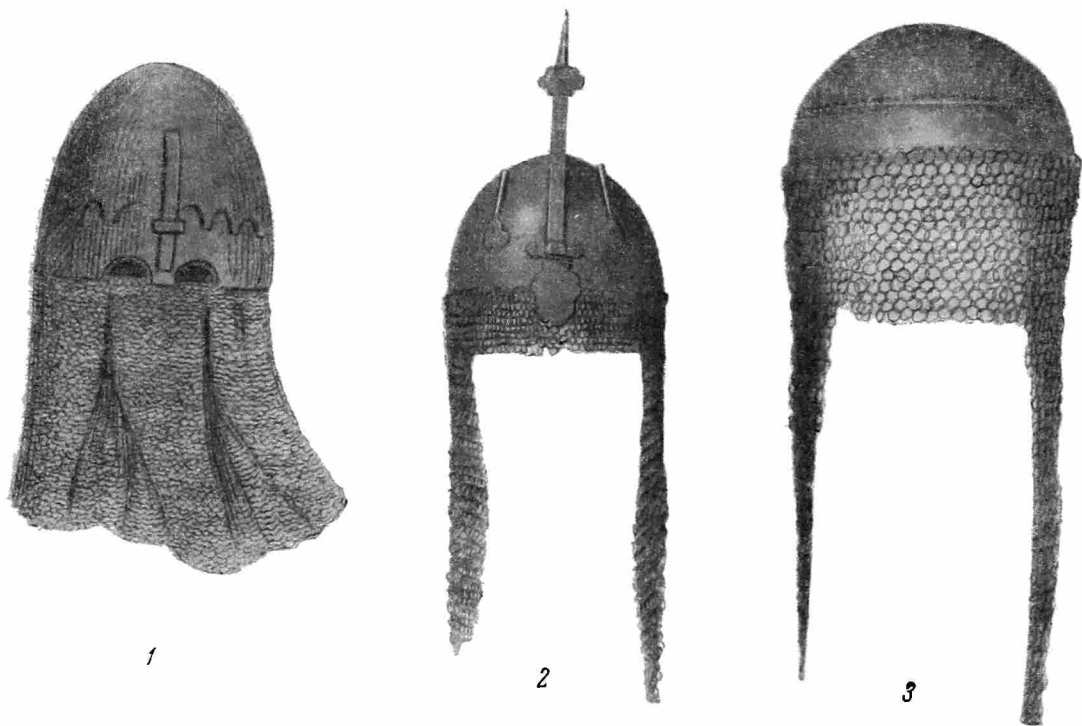

Рис. 18. Шлемы из Северной Осетии:

1 — шлем Ос-Богатара; 2 — шлем из Краеведческого музея Северной Осетии; 3 — мисюрка из того же музея.

В коллекциях имеются также четыре воинских головных убора — три шлема и одна мисюрка. Происхождение их неизвестно; достоверность точно не установлена. Даем поэтому лишь краткое их описание.

Все шлемы изготовлены в виде «восточных» головных уборов; один из них медный, другие стальные. Они округлой формы и имеют навершие, суживающееся кверху. Спереди приделана пластинка, защищающая среднюю часть лица; верхняя и нижняя ее части расширены; пластинка может опускаться и подниматься; для ее закрепления сделан шарнир. С обеих сторон по бокам пластинки прикреплены две суживающиеся внизу трубки (вероятно, для вдевания султана или крупных птичьих перьев). Внизу металлической шапки по краю шлема проделаны отверстия для прикрепления кольчужной сетки. У двух шлемов от сетки сохранились лишь отдельные колечки; на третьем сетка сохранилась; спереди ее длина 5 см, сбоку 34 см, сзади 18 см (рис. 18—2). На одном шлеме (на шапке)

¹ Г. Радде. Хевсурия и хевсуры. Тифлис, 1881, стр. 141—154; С. И. Макалатия. Хевсурети. Тбилиси, 1940, стр. 135.

растительный орнамент, на другом он выражен неясно, на третьем все поле сплошь покрыто орнаментом, расположенным в двух поясах: сверху человеческие фигуры (в халатах), внизу пять рисунков с изображением хищной птицы, клюющей другую, голова которой сильно запрокинута; вероятно, это сокол, убивающий лебедя; орнамент на этом шлеме красочный, с позолотой. Шлемы — не местного происхождения; они являются образчиками иранского прикладного искусства. Мисюрка же — осетинская или хевсурская, железная; она имеет сверху круглое отверстие, которое, повидимому, прикрывалось навершием. Поверхность шапки гладкая. К мисюрке спереди и с боков прикреплена сетка из мелких колечек (диаметром 0,9 см). Высота шапки 9 см, диаметр 18,5—19 см; шапка состоит из двух частей, наглухо скрепленных. Колечки сетки склепаны. Длина ее спереди 10 см, сзади 39 см (рис. 18—3).

В параллель к осетинским закругленным шлемам можно привести случайную находку — железный шлем, «отнятый у разбойников на Зикарском перевале и, по их словам, там же вырытый ими из земли. Шарообразный, с подвышением верхней части, заканчивающейся шишкой. Поверхность волнистая. Кругом низа—отверстия, служившие, вероятно, для прикрепления нижнего украшения или кольчуги»¹.

Головные воинские уборы в позднюю пору средневековья были распространены и в Дагестане. Дирекция Дагестанского музея сообщила нам, что в музейных фондах хранятся шлемы, относящиеся только к XVII—XVIII вв. Шлемов более раннего периода в музее нет².

Осетинский средневековый шлем сходен и с головным черкесским убором. Потоцкий в своем путешествии по степям Астрахани и Кавказа, изданном на французском языке³, приводит два рисунка с изображением черкесского воина конца XVIII в.; один воин в шлеме (типа головного убора Ос-Богатара), другой в высокой стеганой круглой шапке⁴. В том же труде Потоцкого осетинский воин изображен в низкой стеганой закругленной сверху шапке с узкой меховой опушкой, выше которой пришита белая кайма⁵. Рисунки датируются концом XVIII в.; автор посетил Северный Кавказ в 1797 г. Точность изображения осетинского воина подтверждается новейшими археологическими наблюдениями. При обследовании наземных склепов в Тагаурском и других ущельях Осетии мы отметили, что в позднейших погребениях (XVII—XVIII вв.) осетины хоронили мужчин в круглых стеганых шапках, в некоторой степени предохраняющих воина от стрел и ударов шашки. В эту пору железные шишаки вытеснялись упомянутыми шапками, которыми и завершается эволюция древних головных мужских уборов в Осетии.

Употребление стеганых головных уборов, заменявших шлемы у кавказских горцев, не случайное явление. Металлическим шлемам в Греции предшествовали защитные головные уборы из кожи; кожаная шапка, часто укрепленная металлическими накладками по бокам и венчиком по борту, существовала до начала VII в. до н. э. Скифские рядовые воины носили остроконечные шапки, изготовленные, повидимому, из войлока; такими же уборами пользовались в древности и другие европейские и азиатские кочевники⁶. Кавказские горцы, в том числе и осетины, не подражали, разумеется, ни грекам, ни скифам; они из личного опыта убедились в практической стеганых, туго набитых войлоком круглых шапок, прекрасный образец которых хранится в осетинском Музее краеведения.

¹ П. С. Уварова. Коллекция Кавказского музея, вып. V, стр. 184.

² Сообщение Дирекции музея от 11.VIII 1951 г.

³ Париж, 1829, I.

⁴ Там же, рисунок между стр. 154 и 155.

⁵ Там же, рисунок между стр. 126 и 127.

⁶ Б. Э. Рабинович. Указ. соч., стр. 121, 168.

Воинские доспехи занимают немало места в быту и народном творчестве осетин и их отдаленных предков. В осетинском языке сохранились названия многочисленных видов древнего вооружения и воинского одеяния. Назовем, например: шлем (така, ызгъархуд), панцырь (ызгъар, ызгъархадон)¹, латы (ызгъарта), броня (ызгъар, ызгъарта), кольчуга (ызгъар, ызгъархадон), щит (уарт), меч (цирхъ), кинжал (хъама), копье (арц), булава (ыстарц), лук (ардын), стрела (фат), колчан (сагъадах², фатдон), сабля, шашка (ахсаргард), палица (ыстарц), топор (фарат).

Эти слова часто встречаются в осетинских нартских сказаниях. Легендарные нарты славились искусным изготовлением предметов вооружения и воинских доспехов всякого рода; они участвовали в походах и в богатырских состязаниях. Особенно же прославились в их среде «Бидасов шлем» и «Цереков панцырь»: их не могли пробить ни меч, ни стрела. Чудесный шлем героя Бидаса при вести о битве в один миг опускался на голову воина и был неуязвим; панцырь другого героя — Церека — при вести о предстоящем бое сам надевался на воина³.

Фольклорные данные соответствуют археологическим. Приведенные нами выше сведения из истории материальной культуры Северной Осетии доказывают, что среди кобанских и аланских древностей встречается много предметов вооружения, в числе которых важное место занимают шлемы двух разновидностей — остроконечные и закругленные.

Археологи уже много раз отмечали, что глубоко самобытные кобанские изделия имеют немало аналогий, сближающих их с памятниками других народов Кавказа и отчасти Переднего Востока (изогнутые топорики, широкие поясные пряжки). К этим аналогиям можно отнести и шлемы, параллели к которым находим в ассирийских, грузинских и других древнейших изделиях. Параллели к осетинским шлемам, как мы отмечали, можно найти и в материальной культуре хевсуров, черкесов и других кавказских народов.

Описанные выше шлемы из Северной Осетии при всей неполноте этой коллекции и при ее распыленности представляют очень большой интерес. Они знакомят нас с головными воинскими уборами различных эпох: VIII в. до н. э. (шлем из Фаскау), II в. до н. э. (бронзовый сосуд из Кобани), аланской поры (VI—IX вв.) и позднего средневековья (шлем Ос-Богатара). Среди этих предметов есть уникальные, имеющие общекавказское значение. Они свидетельствуют о высоком мастерстве древнего населения Осетии и о конкретных связях с культурой древних греков, ассирийцев, урартийцев, с народами Закавказья (грузины, хевсуры) и Северного Кавказа (черкесы).

Основные формы бронзовых и железных шлемов, остроконечная и округлая, сопутствовавшие друг другу на протяжении многих веков, в XVIII в. были заменены круглой стеганой шапкой.

Осетинский народ поэтизировал воинские доспехи легендарных национальных героев прошлого, в частности создал образ закаленного в боях «шлема Бидаса», делавшего нартских витязей непобедимыми и неуязвимыми. В подобных эпических деталях есть известная доля исторической правды. Лучшие образцы кобанских и аланских изделий — топорики, поясные пряжки, кинжалы с узорной ручкой, красивые подвески — отличаются разнообразием форм, богатством орнамента; они носят печать замечательного мастерства. Это искусство было усвоено и в пору позднего

¹ Хадон — рубаха, рубашка.

² Ср. употребляемое и в русском языке татарское слово — сагадак.

³ Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1871, т. V, отд. II; Осетинские народные сказания, стр. 6; Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948, стр. 498, 500.

средневековья. Народы Кавказа выделывали железные шишаки с кольчужной сеткой, кольчуги, плотно облегавшие тело, и гибкие лезвия сабель или шашек, рукоять и оправа которых украшались золотом и серебром. Особенно искусно вырабатывались сетки для шишаков и кольчуги: мелкие колечки их тщательно склепывались и могли без всякого ущерба выдержать самый сильный удар.

У греков и других древних народов металлические шлемы употреблялись лишь богатыми¹. Тот же обычай, очевидно, существовал и у кобанцев и аланов, в погребениях которых металлические шлемы очень редки. Однако воинский головной убор был известен еще с VIII в. до н. э. ранним обитателям местного края, а в более позднее время — аланам, затем и самим осетинам. Наряду с мечом и панцырем, шлем как символ отваги и мужества нашел яркое отражение в древних образцах изобразительного искусства. Бронзовые статуэтки, подвески и другие изделия помогают ближе ознакомиться с высоким мастерством в изготовлении и отделке предметов военного назначения.

Те же предметы воинского убора запечатлены и в героических нартских сказаниях, сохранившихся у различных народов Кавказа. Помимо поэтического вымысла, в этих сказаниях содержится много реальных черт, позволяющих в известной степени восстановить военный быт давних жителей Северного Кавказа.

¹ Б. Э. Рабинович. Указ. соч., стр. 118.

XV—XVI вв., он довольно однороден, ясно выражен и имеет мощность до 0,4—0,5 м.

В раскопках 1949—1951 гг. на площади около 1300 м² было обнаружено семь обломков стеклянных браслетов¹. В 1953 г. на участке № 6, на площади 60 м², обнаружено до 30 фрагментов гладких и витых стеклянных браслетов различного цвета. О насыщенности слоя фрагментами стеклянных браслетов XI—XIII вв. можно судить по следующим данным: на глубине 5,9 м найден один фрагмент, на глубине 6,0 м — один, на глубине 6,1 м — четыре, на глубине 6,2 м — три, на глубине 6,3 м — шесть, на глубине 6,4 м — одиннадцать, на глубине 6,5 — два, на глубине 6,6 м при зачистке материка — один и на глубине 5,0 м в перерытом слое — один. Таким образом, подошва культурного слоя, т. е. нижняя (6,2—6,4 м) предматериковая прослойка, толщиной в 20 см, содержала больше всего обломков (55%).

В этом же слое обнаружены: пряслице из розового шифера, часть дужки железного цилиндрического замка, железные черешковые ножи небольшого размера, точильный брусок, челюсть лошади и кость конечности животного, покрытые многочисленными неглубокими нарезками, а также много фрагментов глиняной посуды из темнобурой глины со значительной примесью песка и дресвы. Обнаруженные фрагменты были от сравнительно тонкостенных сосудов, изготовленных на кругу, украшенных линейным и волнистым орнаментом, расположенным в верхней части сосуда и спускающимся по плечикам до середины высоты. Эти сосуды имели плавно отогнутые венчики, несколько возвышающуюся шейку и округлые плечики в верхней трети сосуда. Подобного рода керамика уже хорошо известна по раскопкам древнерусских городов и курганов XI—XIII вв. Найдены обломки трех глиняных крышек, изготовленных в той же технике. Поверхность одной из наиболее хорошо сохранившихся крышек украшена линейным орнаментом.

В нижнем горизонте культурного слоя участка № 6 каких-либо сооружений не обнаружено. Открыты лишь остатки двух частоколов, повидимому, плетня из тонких кольев диаметром 3—4 см (глубина 6,2 м). Один ряд (длиной около 4 м) шел в направлении с севера на юг, с небольшим отклонением южного конца к востоку. От его середины к востоку отходил другой такой же ряд из кольев; его удалось проследить всего на протяжении 2 м.

Итак, участок № 6 дал тоже культурный слой домонгольского периода, оказавшийся не тронутым позднейшими сооружениями и был более мощным, чем это наблюдалось в раскопках 1949—1951 гг., располагавшихся ближе к Москве-реке по бывш. Мокринскому переулку. Датировка нижнего горизонта культурного слоя XII—XIII вв. не вызывает здесь никакого сомнения.

Вопрос о том, что «поселение в районе Зарядья существовало с начала XI века»², требует дальнейшего специального изучения.

Полученные на участке № 6 материалы дают полное основание говорить о том, что слой с ранними находками домонгольского периода шел в Зарядье не «узкой полосой параллельно берегу реки»³, как первоначально предполагалось, а распространялся гораздо шире, по откосу берега, в районе современного угла Максимовского и Елецкого переулков. Отпадает и предположение, что территория «между берегом реки и косогором, идущим к современной улице Разина, была заселена значительно позже —

¹ Отчеты по Московской археологической экспедиции за 1949—1951 гг. Архив ИИМК.

² М. Г. Григорьев. Древняя Москва. «По следам древних культур». М., 1953, стр. 352.

³ Там же, стр. 352.

в XIV—XVI веках»¹. Эта часть Зарядья была освоена, повидимому, в тот же период, что и более низменная часть подола (по бывш. Мокринскому переулку).

Древнейший московский посад занимал в XII—XIII вв. уже весьма большое пространство и был многолюден.

Представляют несомненный интерес и вновь полученные материалы, характеризующие последующие века истории Москвы.

На том же участке № 6, как отмечено выше, нижний горизонт культурного слоя прорезался дренажными сооружениями в виде водосточных

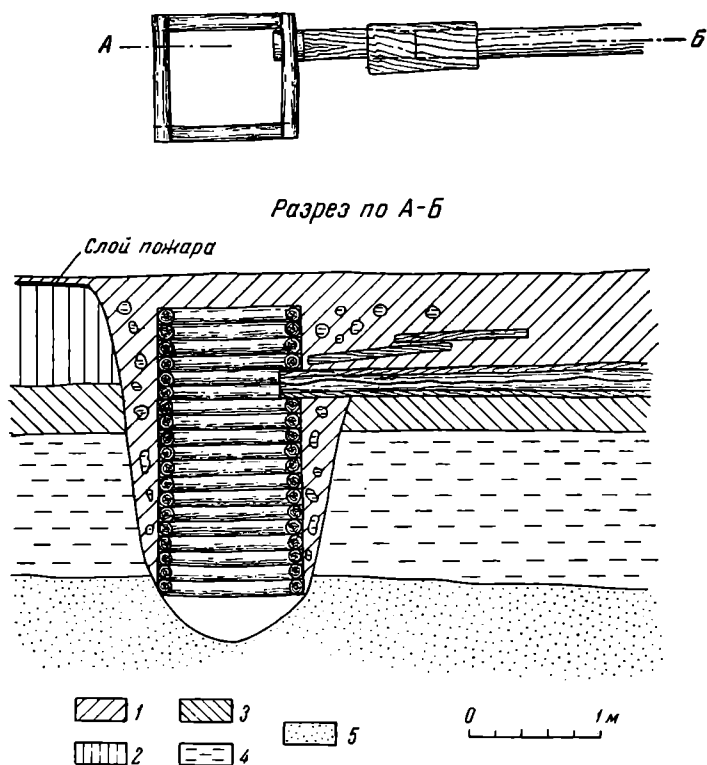

Рис. 19. План и разрез дренажного колодца с деревянной трубой:

1 — культурный слой XV—XVI вв.; 2 — слой XIII—XV вв.; 3 — слой XII—XIII вв.; 4 — глина материковая; 5 — песок.

труб и колодца. Одна труба лежала на глубине 6,5 м на дне канавы, проложенной с глубины 5,5—5,6 м и врезавшейся в материк. Труба шла с северо-запада с небольшим уклоном на юго-восток. Диаметр ее около 0,3 м, длина около 10 м. Сделана она из ствола сосны, расколотого вдоль на две половины и внутри выдолбленного. Диаметр внутреннего отверстия 0,2 м. Канавы, где находилась труба, была заполнена культурным слоем с керамикой XIV—XV вв., преимущественно красноглиняной с вертикальным лощением, что и дало основание относить описанное дренажное сооружение к XV—XVI вв.

Вторая водосточная труба была впущена концом в дренажный колодец (рис. 19). Находилась она на глубине 6,2 м и лежала в канаве, выкопанной с глубины 5,4 м. Диаметр трубы около 0,2 м; сделана она также из расколотого пополам и внутри выдолбленного ствола сосны с внутренним отверстием около 10 см. Шла она с севера на юг, т. е. по направлению к Москве-реке, и ее южный конец входил в северную стенку колодца

¹ М. Г. Григорьев. Указ. соч., стр. 352.

между пятым и шестым венцами. Колодец, обнаруженный на глубине 5,6 м, уходил нижними венцами в материк до глубины 7,9 м, причем при устройстве был прорыт слой материковой глины и вынут нахоловшийся под ним водопроницающий слой песка.

Рис. 20. Чернолощенный сосудик из заполнения дренажного колодца.

Колодец небольшой, всего $0,8 \times 0,8$ м при глубине в 2,3 м, состоял из 19 венцов и был рублен в лапу. Сруб сделан из разных пород дерева, но преимущественно из березы. Заполнение колодца, довольно однородное по материалу, относится к XVI—началу XVII в. Здесь обнаружены: небольшой чернолощенный сосудик (типа кумгана) высотой 11,5 см на поддоне (рис. 20), два больших красноглиняных кувшина с вертикальным и косым лощением (рис. 21), четыре детские глиняные игрушки, из которых три в виде лошадок (рис. 22—1-3), а четвертая — человеческая фигурка с отломанной головкой (рис. 22—4), обломок стеклянного витого браслета, случайно попавший сюда из нижнего горизонта, куски кожаной обуви, фрагменты

серолощенных сосудов со сплошным лощением, большой сероглиняный сосуд без лощения и другие. Указанные находки и стратиграфия культурного слоя участка № 6 дают основание этот дренажный колодец с деревянной

Рис. 21. Глиняные кувшины из дренажного колодца.

водосточной трубой датировать XV—XVI вв. Дренажные сооружения в виде деревянных труб, поглощающих колодцев, бочек-отстойников, канав со сложной системой крепления встречены и на других участках. Большое количество дренажных сооружений, обнаруженное при раскопках в прошлые годы и в 1953 г., указывает на весьма влажную почву в Зарядье, которая тщательно осушалась.

В лежащих выше слоях XVI—XVII и XVIII вв. на глубине 2,1—5,1 м на том же участке № 6 обнаружены остатки нескольких срубов жилых и хозяйственных построек. Прослежена часть улицы, совпадающей по направлению с современным Елецким переулком; сохранились следы двух построек, расположенных по одной линии; перед ними шла деревянная

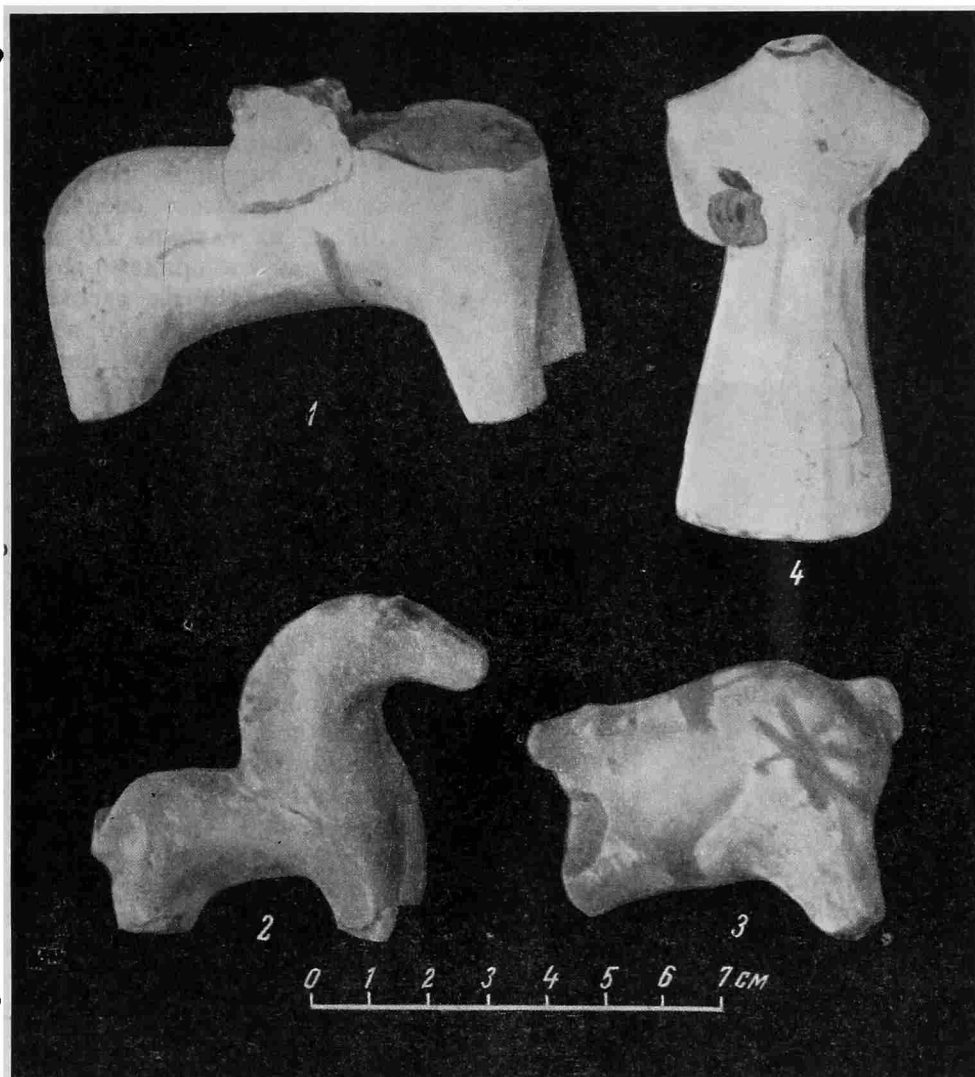

Рис. 22. Глиняные игрушки из колодца:

1—3 — лошади; 4 — человеческая фигурка.

вымостка «тротуара». Имелись остатки частоколов усадеб, сваи от фундаментов поздних каменных зданий (XIX в.) и т. д. Все сооружения находились на разных горизонтах и относились к различным строительным периодам. Из отдельных находок следует упомянуть: железные сошник (длиной 17 см) двузубой сохи (глубина 2,5 м) и серп (глубина 5,5 м) (рис. 23), половину ручного жернова, заготовку каменной литейной формочки, свинцовую plombу, дужку железного замка, рукав железной кольчуги с оторочкой по краю из медных колечек, каменное ядро диаметром 0,15 м, железные ножи и подковки от обуви, разнообразные глиняные детские игрушки, фрагменты изразцов, черепицы глиняной и деревянной посуды. Собрано много костей домашних животных.

Участок № 4 (по Ершову переулку, у юго-восточного угла д. № 5) оказался насыщенным остатками различного рода сооружений, наслоившихся одно на другое. При зачистке площадки в 24 м² под деревянными

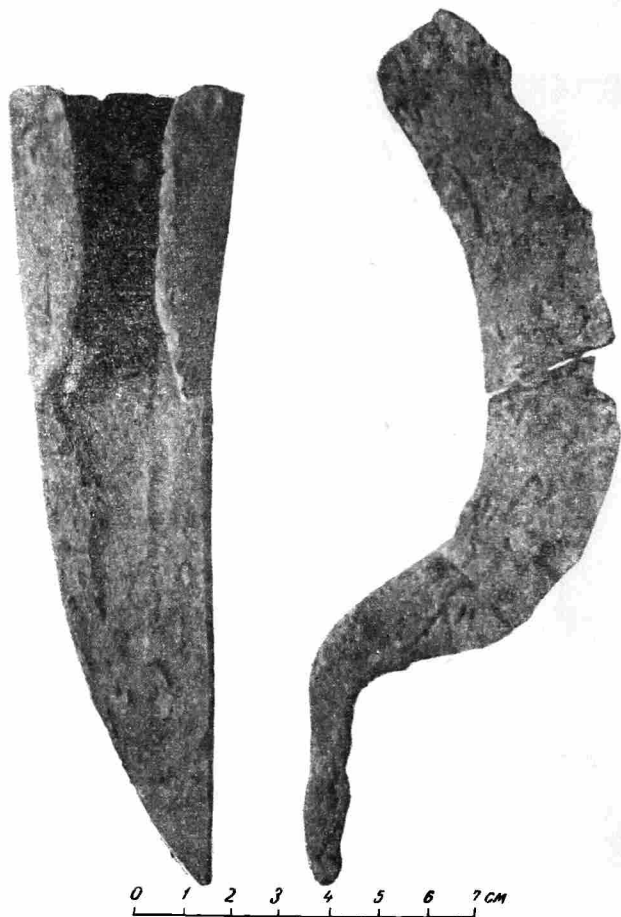

Рис. 23. Сошник и серп.

креплениями фундамента современного каменного здания на глубине 1,2 м обнаружена часть сооружения, юго-восточный угол которого лежал на «стеле» — половине каменного жернова. Для этой постройки были использованы обгоревшие части ранее существовавшего сооружения. Ниже, на глубине 2,0 м, между двумя рядами кольев, находившихся на расстоянии около 1,2 м, шел с востока на запад настил шириной 0,6 м, сложенный из березовых жердей и бревен. Колья в северном ряду находились друг от друга на расстоянии 0,4 м, а в южном ряду, который представлял собой, по-видимому, наружную стенку забора усадьбы, колья шли вплотную друг к другу и внизу скреплялись жердями. На уровне настила найдены: часть костяного гребня, красный рельефный изразец, железный пробой и двусторонняя иконка (рис. 24) из серого шифера. На одной ее стороне, по определению М. В. Щепкиной, вырезаны изображения Ильи и Никиты («Микита»), на другой — Варфоломея или Варнавы и Пятницы. Интересно изображение Никиты. Это человек среднего возраста, с непокрытой головой, недлинными волосами и бородой, в светской довольно короткой одежде (кафтан, шуба в накидку, сапоги). Между изображениями имеются надписи их имен. По верхнему ребру иконки была вырезана еще надпись: «Олёна». Это, очевидно, было имя владелицы иконки. По стилю изображения фигур и начертанию надписей М. В. Щепкина считает возможным датировать находку XV в.

Перечисленные находки, очевидно, связаны с комплексом настила, ограниченного с двух сторон частоколом, который вел, по-видимому, к жилому дому, находившемуся с восточной стороны. Весь этот комплекс датируется XV в., а прослойка угля дает основание связывать его с пожаром 1468 г., когда могли быть утеряны иконка и гребень.

Ниже сохранилась часть стенки, состоящая из двух врытых вертикально толстых бревен диаметром около 32 см, между которыми шли вбитые в землю семь кольев диаметром 10—12 см. Бревна и стенка из кольев были обложены с обеих сторон большим куском бересты, сложенным вдвое. Видимо, береста предохраняла от сырости и гниения. Очевидно, эта стенка — нижняя часть дома. На столбах укреплялся последний венец

креплениями фундамента современного каменного здания на глубине 1,2 м обнаружена часть сооружения, юго-восточный угол которого лежал на «стеле» — половине каменного жернова. Для этой постройки были использованы обгоревшие части ранее существовавшего сооружения. Ниже, на глубине 2,0 м, между двумя рядами кольев, находившихся на расстоянии около 1,2 м, шел с востока на запад настил шириной 0,6 м, сложенный из березовых жердей и бревен. Колья в северном ряду находились друг от друга на расстоянии 0,4 м, а в южном ряду, который представлял собой, по-видимому, наружную стенку забора усадьбы, колья шли вплотную друг к другу и внизу скреплялись жердями. На уровне настила найдены: часть костяного гребня, красный рельефный изразец, железный пробой и двусторонняя иконка (рис. 24) из серого шифера. На одной ее стороне, по определению М. В. Щепкиной, вырезаны изображения Ильи и Никиты

Рис. 24. Свинцовая пломба (1) и каменная иконка (2).

сруба, а стенка из кольев уходила в землю, как это иногда делалось при постройке дома. Глубже шли на разных уровнях снова остатки частоколов и, вероятно, части хозяйственных построек.

Из отдельных находок, кроме уже упомянутых, заслуживают внимания фрагменты тигля, деревянная бирка с зарубками, часть второго жернова, железные удила и ножи, обломки плинфового кирпича, остатки обуви и обрезки кожи, фрагменты глиняной посуды и т. д.

На глубине 3,4—3,6 м на этом участке культурный слой приобретает коричневый оттенок, следов деревянных сооружений нет, встречены лишь единичные фрагменты глиняной посуды, костей животных и обломок железного трубчатого замка. На глубине 4,7 м шел уже материк. Следует отметить, что на том же участке, примерно в 30 м юго-западнее (по Ершову переулку), в слое над материком найдены два обломка стеклянного браслета и стеклянная голубая бусина.

Участок № 1 (по Елецкому переулку у д. № 7/2) был интересен тем, что здесь довольно хорошо сохранилось подполье деревянного дома XVI в. Сруб подполья почти квадратный (2,8 × 2,9 м), рублен в лапу с шипом и ориентирован по странам света. В северо-западном углу находилась лестенка длиной 1,2 м, шириной около 0,6 м, с двумя ступеньками. Высота подполья около 0,7 м. Почти в центре его находился столб диаметром 0,2 м, поддерживавший перекрытие пола из толстых досок. Пол подполья выстлан березовыми жердями диаметром 0,07—0,15 м.

В юго-западном углу была вкопана бочка диаметром 0,5 м и высотой 0,8 м, без дна. Она состояла из 18 клепок и была стянута двумя деревянными обручами. Верхний обрез находился на уровне пола подполья; очевидно, бочка служила дренажным сооружением. Внутри бочки обнаружены части глиняных кувшина и горшка. Интересно, что под северо-западным углом подвальной части постройки был подложен череп лошади, что может быть связано с существовавшим до недавнего прошлого старинным обычаем класть под «красный» (правый) угол дома различные вещи — деньги, горшки, черепа животных и т. д. В верхней части культурного слоя, заполнявшего сруб, найдены в большом количестве обломки красных рельефных изразцов из развала изразцовой печи, что и дало основание для датировки всей постройки XVI веком.

Под остатками дома с подпольем обнаружены следы деревянных построек более раннего времени, от которых сохранились части нижних бревен срубов, но ориентированных уже в другом направлении.³

Из отдельных находок здесь следует отметить часть литейной формочки, кусок железного шлака, каменное грузило, деревянный ковш, фрагменты глиняной и деревянной посуды, бусы, изразцы различных типов, глиняные детские игрушки в виде коньков и т. д.

С восточной стороны к этому участку примыкала территория кладбища XVI—XVII вв., где в несколько ярусов на глубине от 2,5—3,0 м до 4,5—5,0 м шли гробовища в виде дощатых ящиков (верхний ярус), долбленых ящиков (средний) и долбленых колод (нижний).

На участке № 5, расположенном между участками № 4 и № 6 (между Ершовым и Елецким переулками), кроме остатков деревянных сооружений в верхних слоях, на глубине 1,2—1,6 м находился сруб, повидимому, погребца XVII в. Сруб состоял из дубовых бревен (диаметр 0,35 м), отесанных с внутренней стороны, очень плотно пригнанных между собой и рубленых в лапу. Внутренние размеры сооружения 3,8 × 4,2 м, высота (от перекрытия до пола) 2,3 м. В слое, заполнявшем сруб 30 см выше пола, найдены железные вещи: кричные клещи длиной 0,9 м, топорик с рукояткой, нож с костяной ручкой, врезной замок и навески с длинной пластинкой от двери, которая имела толщину 0,4 см, свинцовая плomba (рис. 24—1) с изображением орла и букв (XVII в.) и фрагменты

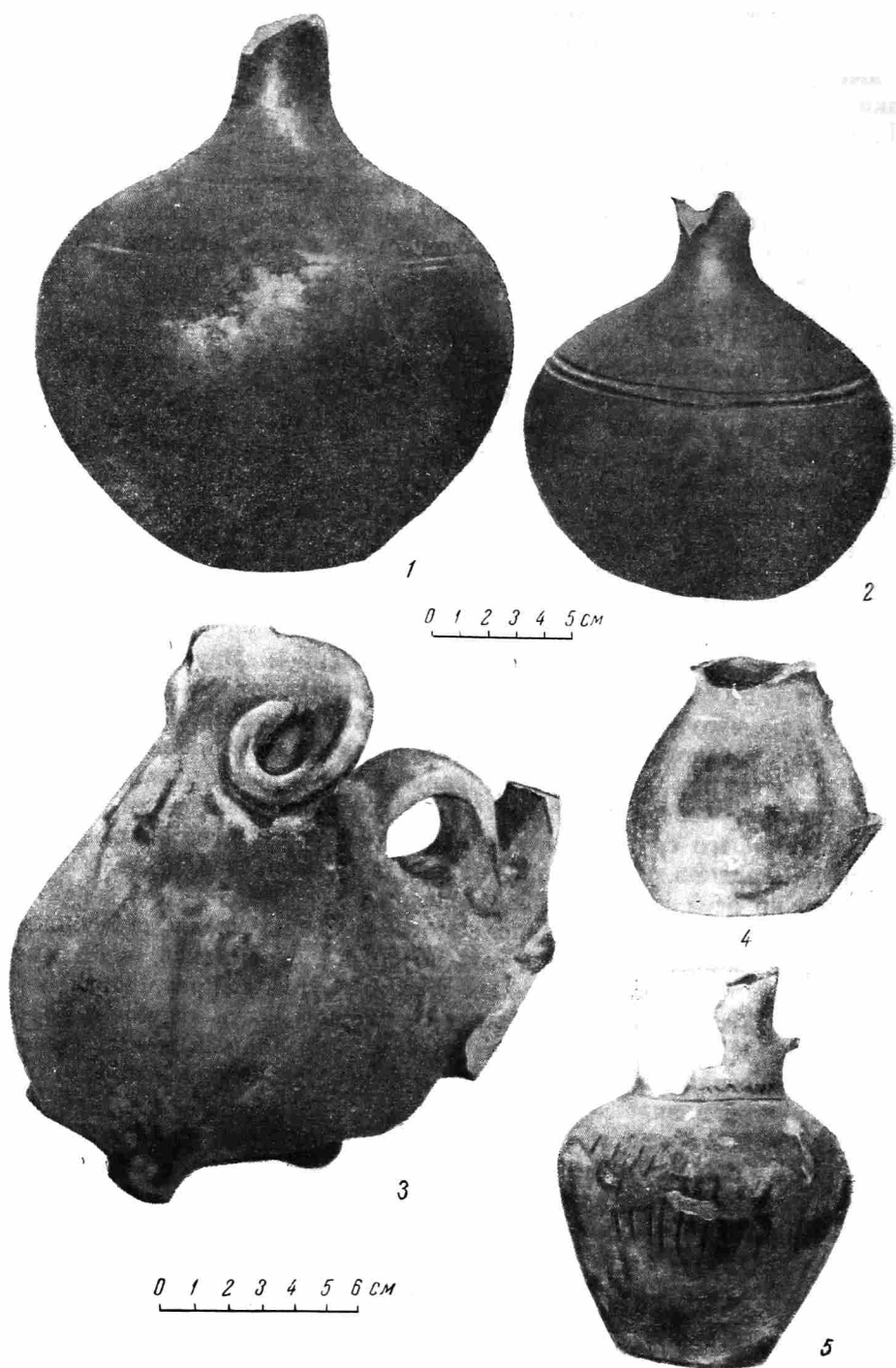

Рис. 25. Глиняная посуда из колодца (участок 1):

1, 2 — чернолощевые кубышки; 3 — водолей; 4, 5 — кувшины.

глиняной большой чернолощенной фляги. В верхних слоях встречены обломки стеклянных штофов, полихромных и рельефных с зеленой поливой изразцов, а также крупных сосудов.

На участке № 2 (по Зарядьевскому переулку, против дома № 7), где культурный слой шел до глубины 7,5 м, также обнаружены остатки различного рода деревянных сооружений, дренажных труб и колодца, на дне которого находилась дубовая бочка высотой 1,4 м и диаметром 0,8 м; найдены следы частокола (глубина 5,5 м) и т. д. Из вещей, кроме монет XIX в., обнаружены деревянные черпак, ложка, точеные миски, долбленая бочка, гребни, глиняные миски, кувшины, кубышки, детские игрушки, изразцы XVI—XIX вв., два тигля, каменные грузила, в огромном количестве остатки кожаной обуви, обрезки и заготовки кожи, бересты и пр. Нижний горизонт культурного слоя, как и на участке № 6, был отмечен находками трех стеклянных браслетов и фрагментами керамики с волнистым и линейным орнаментом, характерной для домонгольских слоев Зарядья.

Следует упомянуть еще о шлифованном каменном топоре, найденном на глубине 5,5 м, т. е. на 2 м выше материка. Топор длиной 8 см и имеет следы незаконченного двустороннего сверления. На боковых гранях найдены впадины. Это не первый случай находки каменных орудий в Зарядье. При раскопках М. Г. Рабиновича в 1950 г. в раскопах IV—VI (по бывш. Мокринскому переулку), т. е. примерно в 100—175 м от места нахождения топора, к юго-востоку, ближе к реке встречены шлифованное каменное долото, кремневый наконечник стрелы ромбической формы с черешком и кремневый отщеп. Повидимому, эти находки относятся ко II тысячелетию до н. э. Какое они имеют отношение к Зарядью, пока сказать трудно, но во всяком случае они заслуживают внимания. Следует иметь в виду, что на территории самой Москвы найдены еще два каменных топора: один на Софийской набережной, другой на Русаковской улице.

Участок № 3 (по бывш. Псковскому переулку) дал лишь несколько красных рельефных изразцов из развала печи и чернолощенный сосудик с конусообразным дном; подобный найден и на территории кладбища, около участка № 1.

Кроме перечисленных объектов, велись наблюдения за разборкой колодца XVI—XVII вв., расположенного с западной стороны участка № 1 (по Елецкому переулку). На дне его обнаружены две чернолощенные кубышки, два кувшина, водолей с головой барана (рис. 25—3), а рядом с колодцем, на глубине 5 м, каменный ручной жернов диаметром 0,6 м и глиняная головка медведя в наморднике. Расчищен еще сруб, являвшийся, повидимому, погребом XIX в. Он состоял собственно из двух срубов в виде усеченных четырехгранных пирамид, поставленных одна на другую. Размеры срубов: верхний по первым венцам 1,48 × 1,50 м, нижний венец 2,0 × 2,0 м, высота 2,8 м; нижний сруб по верхним венцам 1,28 × 1,30 м, нижний венец 1,9 × 1,9 м, высота 1,3 м. Оба сруба рублены в обло. Пол земляной. Нижний сруб мог служить ледником. Заполнение состояло из мусора, относящегося к середине XIX в. (в нем монета 1853 г.).

Из отдельных находок на строительстве за тот же период следует отметить часть железной кольчуги, каменное ядро диаметром около 0,3 м, кубышку лощеную, курительные глиняные трубки с клеймом, бусину, глиняные детские игрушки, изразцы и пр.

Собранный в 1953 г. материал в значительной степени расширяет наши представления о занятиях, быте и культуре населения древнего московского посада и уточняет планировку застройки. Дальнейшее изучение материала и продолжение археологических работ в Зарядье дадут возможность еще больше осветить многовековую историю нашей столицы — Москвы.

М. Г. РАБИНОВИЧ

ВЕЛИКИЙ ПОСАД МОСКВЫ

(По раскопкам 1951 года)

Археологические работы в Москве на территории Зарядья, проводившиеся в 1951 г., были продолжением работ 1949—1950 гг. Они велись по примеру прошлых лет Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР совместно с Музеем истории и реконструкции г. Москвы. Экспедиция работала в течение всего года, производя археологические наблюдения за работами строительства и специальные археологические раскопки¹.

Основной задачей раскопок 1951 г. было исследование культурного слоя на территории к северо-западу от прежних раскопов, в направлении предполагаемого центра древнего поселения.

Раскопки начались непосредственно с горизонта XVI в., так как более поздние слои были уже сняты экскаватором. Этот горизонт, как и в раскопах предыдущих лет, характеризовался обилием навоза и других органических остатков. Такой характер прослойки связан, по всей вероятности, с существованием поблизости Мытного двора. Здесь еще в XVIII в. взималась пошлина с различных товаров, в том числе со скота, кур, свиней, саней, колес, золы, лыка и пр. А. Мартынов отмечает, что проходивший поблизости Мытный переулоч ранее назывался Пометным². Находки деревянных счетных бирок, остатков деревянной посуды, частей телег, саней и упряжи дополняют комплекс, связанный с окружением Мытного двора. Попадающиеся же в довольно большом количестве беспорядочно лежащие бревна со следами плотничьих работ свидетельствуют о наличии каких-то строений, впоследствии разрушенных. Возможно, что эти строения относились к тому же комплексу, что и открытая в раскопах II, III и IV

¹ В мае 1951 г. начальником экспедиции был назначен А. В. Арциховский. В 1951 г. в экспедиции принимали участие научные и научно-технические сотрудники: М. Г. Рабинович (зам. начальника экспедиции), Г. П. Смирнова, В. И. Цалкин, Т. В. Равдина, Г. П. Латышева, И. Г. Розенфельдт, В. И. Качанова (научные сотрудники), О. А. Кирьянова (ученый реставратор), П. В. Сивков и А. С. Трофимов (художники), С. М. Родченков (научно-технический сотрудник), С. Н. Богачов (фотограф). В качестве рабочих в экспедиции принимали участие студенты исторических факультетов МГПИ им. В. П. Потемкина и МГУ им. М. В. Ломоносова, а также студенты других московских вузов и техникумов, учащиеся школ и рабочие строительства. Всего в экспедиции было занято одновременно до 60 рабочих. Необходимые для работы средства были отпущены Управлением по строительству высотного здания в Зарядье. В мае—июле были пройдены два основных раскопа, VII и VIII, в сентябре—раскоп IX. В силу необходимости закончить проходку основных раскопов в очень сжатые сроки раскопки велись в две смены. Вся работа велась вручную согласно принятой методике. Механизированы были лишь отвал земли с борта раскопа (бульдозером) и откачка воды из раскопов.

² А. Мартынов. Названия московских улиц и переулков. М., 1881, стр. 120; см. также М. Гастев. Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы, ч. I. М., 1841, стр. 133.

боярская усадьба с каменными палатами и множеством деревянных хозяйственных построек¹.

Несомненно, какому-то богатому человеку принадлежала найденная в раскопе VIII небольшая иконка-мощевик, являющаяся ярким образцом русской художественной резьбы по дереву (рис. 26). Сохранившиеся на ней кое-где следы материи позволяют предположить, что эта иконка носилась в особом мешочке-ладонке, по всей вероятности на шее. На лицевой стороне иконки, в центре, помещено поясное изображение богоматери «оранты» с младенцем. По сторонам головы сокращенная надпись: «мать» и «Иисус Христос». Вся композиция заключена в круг, на котором вырезана надпись: «честнейшую херувим и славнейшую воистину серафим безоистления баслов (сокр. — «бога слова»)»² — начало молитвы богородице. В оставшихся свободными углах иконки вырезаны с соответствующими надписями символические изображения евангелистов — Матвей в виде человека, Марк в виде орла, Иоанн в виде льва и Лука в виде тельца. На оборотной стороне иконки в центре помещены три изображения святых в рост с нимбами, в крещатых ризах. Наверху надпись: «Никола го (очевидно, Никола Гостунский), Афасией (вероятно, Афанасий), Васілеі». В нижней и в верхней частях иконки миниатюрные задвижки скрывают небольшие ячейки (одну в верхней и две в нижней части), предназначенные для мощей. Все это помещено на площади размером 2,5 × 3,5 см. Уверенность резьбы, умелое размещение фигур и надписей, наконец, мастерство изображения указывают на то, что предмет вышел из-под резца незаурядного художника-резчика.

Из вещевых находок для горизонтов XIV—XVI вв. характерны также шахматные фигурки, деревянные и костяные. Почти все они сделаны на токарном станке и имеют уже более или менее установившуюся форму пешек (рис. 26), употребляемую в шахматах и в наше время. Это указывает на распространение шахматной игры в Москве уже в XIV—XV вв.

Среди открытых в 1951 г. сооружений особый интерес представляют различные виды дренажа, встреченные в горизонтах XIV—XVI вв. К XIV и XV вв. относятся каналы глубиной 0,8—1,2 м, шириной 0,7—1,0 м. Их стенки закреплены плетнем, жердями или распорками из дубовых плах, причем верх канав нередко также перекрыт жердями. В XV—XVI вв. для дренажа применялись в основном деревянные трубы из расколотых пополам и выдолбленных еловых бревен, половинки которых накладывались друг на друга. Трубы прокладывались обычно в неглубоких канавках (30—40 см), где укреплялись иногда особыми клиньями; для сообщения трубам определенного уклона на дне канавок делались специальные подставки. Уклон всех открытых в 1951 г. дренажных сооружений был к югу, в сторону Москвы-реки. Он доходит до 10 см на каждый метр трубы. Характерно, что после постройки стены Китай-города (1535—1538) дренажные трубы, идущие в этом направлении, более не встречаются. Они идут на юго-запад, в сторону водяных ворот. Системы дренажных сооружений в исследованной нами части Московского посада, их разнообразные конструкции говорят о высоком развитии городского хозяйства в Москве в XIV—XV вв. Дренаж подола был жизненно важной проблемой для города, так как в этом районе сосредоточивались, как показали раскопки, ремесла и торговля в ранний период существования Москвы.

Остатки сооружений, связанных с основными ремеслами Великого посада — металлургическим, ювелирным, кожевенно-сапожным, встречались при раскопках 1951 г. неоднократно. Особенно многочисленны следы кожевенно-сапожного производства. Большое количество обрезков кожи и

¹ М. Г. Рабинович. Раскопки в Москве в 1950 году. КСИИМК, вып. XLIV, стр. 116—124.

² Надпись датирована М. В. Щепкиной началом XVI в.

сапожных инструментов (ножи для раскройки кожи, шилья разного рода, иглы, куски воска и «варник» для вождения дротвы) в горизонтах XV—XVI вв. свидетельствует о широком развитии сапожного ремесла в этот период. Но и в более древнем, домонгольском культурном слое остатки кожевенно-сапожного производства обильны. В северо-западном углу раскопа VIII, на территории Зарядьевского переулкa, почти на самом материке открыта древнейшая в Москве мастерская кожевника, датируемая XI—XII вв. Здесь выявлена часть зольника в виде прямоугольного ящика из бревен и досок, наполненного известью и золой. В золе много отделенной от шкур шерсти. К юго-западу от зольника расчищена часть днища большой (диаметром до 1,5 м) бочки, до сих пор сохранившего сильный запах кожи. Здесь, очевидно, был дубильный чан. Между чаном и зольником прорыта небольшая канавка, повидимому служившая для стока дубильного раствора. Вокруг попадалось много соснового и дубового корья — отходов растительного дубления. Встреченные в этом комплексе обрезки кожи свидетельствуют о том, что тут же производились кройка и шитье кожаных изделий, как это прослежено нами и в более поздних памятниках. Открытая А. В. Арциховским в Новгороде на Славне мастерская XII—XIII вв. также была одновременно и кожевенной и сапожной¹.

Исследование остатков кожевенного и сапожного производства, обнаруженных при раскопках в Зарядье в 1949—1951 гг.², показало, что технология этого производства в Москве стояла высоко уже в начальный период существования города. Дубление кожи растительными экстрактами производилось очень тщательно. Процент остающихся дубящих веществ, не вымываемых водой, был очень высок. Окраски кожи, как правило, не производилось. Кройка и пошивка кожаных изделий претерпели ряд изменений. В XI—XIII вв. подошва делалась из тонкой кожи, иногда из нескольких слоев; верх к ней пришивался простым, невыворотным швом при помощи прямого шила (шов — как у современных сандалий). В XIV—XV вв. в Москве появляется более толстая воловья кожа. К толстой подошве верх переда пришивался «выворотным» способом «в потай» при помощи кривого шила, а задник — наружным швом. Для твердости в задник вставлялась берестяная прокладка, а под перед подкладывался еще один слой кожи — «поднаряд». Каблуков первоначально не было, лишь потом появились невысокие каблуки из многих слоев кожи, пробитые гвоздями и закрепленные подковками. Вся обувь шилась симметричной (так, что годилась и на правую и на левую ногу). Чтобы не образовывалось складок кожи на подъеме, уже с XIII—XIV вв. стали гофрировать переда и шить сапоги с поднятым сверху концом подошвы, оттягивавшим соответственно вырезанный нос книзу. Короткие голенища сшивались из двух частей так, чтобы швы приходились по бокам ноги. Верх срезался косо и, очевидно, окаймлялся материей. Сапоги носили и маленькие дети. Найдено множество образцов детской обуви. Кроме сапог (рис. 27—4, 5), при раскопках и наблюдениях в Зарядье найдены кожаные поршни и лапти, сплетенные из кожи и лыка (рис. 27—1, 2).

Другая, чрезвычайно важная отрасль ремесла — железоделательное производство — представлена в раскопках 1951 г. интересным комплексом (в раскопе VII рядом с раскопом V 1950 г.), дополняющим выявленные в 1950 г. сооружения. Небольшие канавки, вырытые в материке, образовали правильный прямоугольник размером 6,5 × 4,5 м, который, вероятно, очерчивает план бывшего здесь здания мастерской³. Рядом с этим зданием,

¹ А. В. Арциховский. Раскопки в Новгороде на Славне. МИА, № 11, стр. 162.

² Исследование произведено в Московском технологическом институте легкой промышленности им. Л. М. Кагановича (Ю. П. Зыбин, И. С. Шестакова, И. С. Богданов).

³ Этим наблюдением мы обязаны Э. А. Рикману.

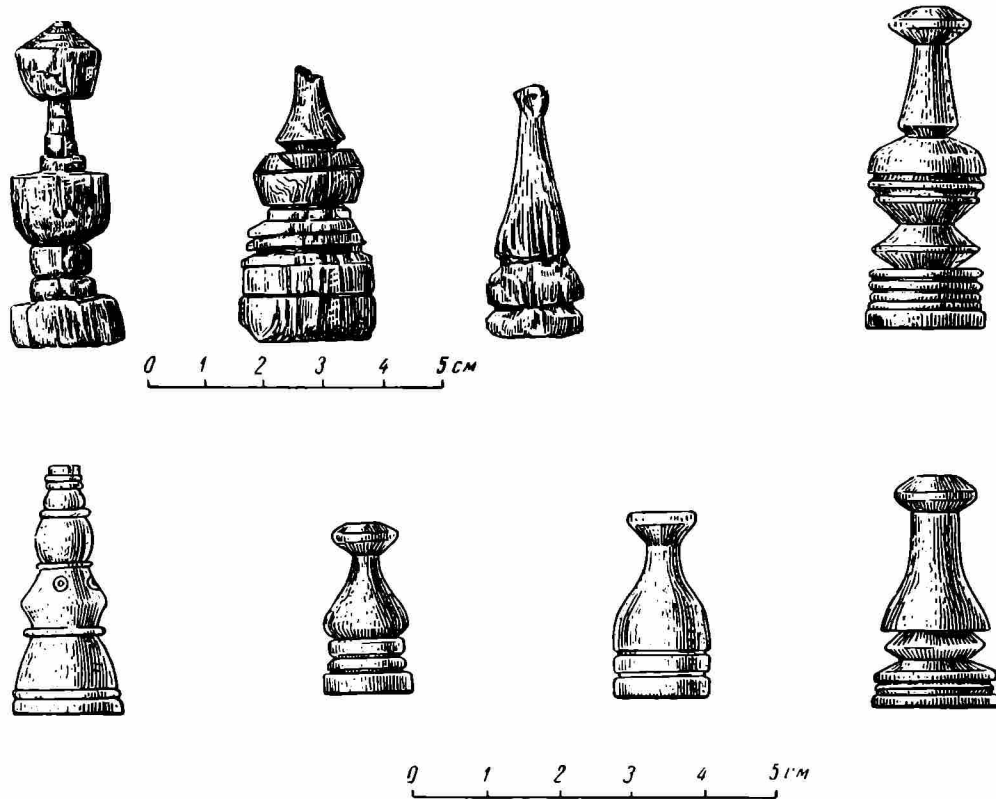

Рис. 26. Деревянная иконка-мошевик XVI в. (лицевая и обратная стороны) и шахматные фигурки XIV—XVI вв. (дерево и кость).

к югу и востоку от него, было вырыто несколько больших ям, заполненных шлаком и крицами¹, а встречающиеся части обожженной глиняной обмазки и фрагменты глиняных сопел указывают на существование неподалеку сыроступного горна. Крицы и шлак найдены и в канавках, шедших от углов

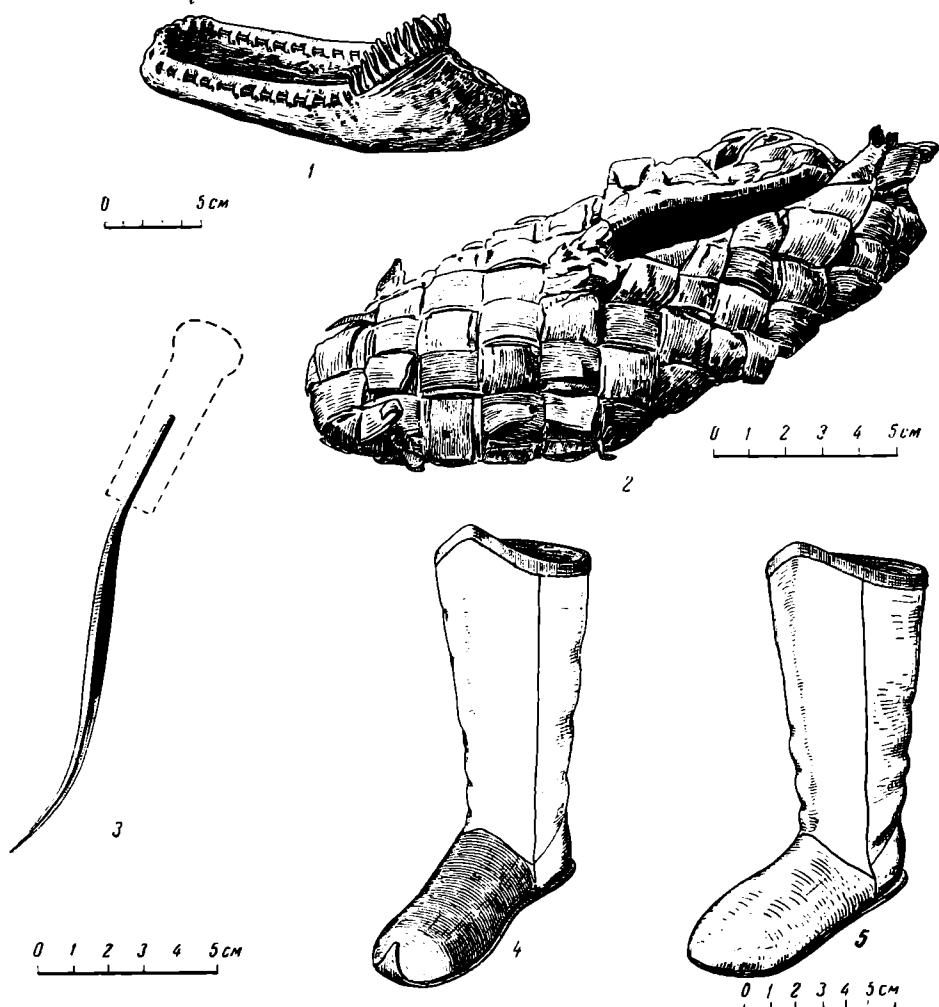

Рис. 27. Образцы обуви и сапожное шило из раскопок в Москве:

1 — кожаный поршень; 2 — лапоть из кожи и бересты; 3 — шило; 4, 5 — сапоги XV—XVI вв. (реконструкция Ю. П. Зыбина).

сооружения. Большое количество отходов (их собрано несколько сот килограммов) указывает на размах производства, дата которого пока неясна.

Одним из важнейших результатов раскопок и наблюдений 1951 г. было выявление домонгольского культурного слоя. В раскопках 1949 г. попались лишь отдельные предметы, свидетельствующие о наличии поселения в районе Зарядья до разорения Москвы монголами, а в раскопках 1950 г. был обнаружен очень тонкий культурный слой, относящийся к начальному периоду существования города. В 1951 г. в раскопе VIII домонгольский слой был представлен уже довольно мощными отложениями (до 60 см). Это — бурая плотная земля, насыщенная щепой и другими древесными остатками, резко отличающаяся от лежащих выше черных наслоений XIV—XVI вв. В этом культурном слое и встречены описанные выше про-

¹ См. КСИИМК, вып. XLIV, стр. 116—117.

изводственные сооружения, а также вещи, характерные для XI—XIII вв.,— фрагменты стеклянных браслетов, костяные ложечки и наконечники стрел, свинцовая гирька, аналогичная гирьке XI в.¹, найденной в Новгороде, стеклянные перстни и бусы, обычные для славянских поселений и погребений. Утолщение домонгольского культурного слоя к западу, в направлении современного Кремля, подтверждает наш прежний вывод о том, что поселение, открытое при раскопках в Зарядье, является окраиной города, центр которого должен был находиться на устье р. Неглинной. Косвенно о том же говорит и увеличение числа находок предметов роскоши с расширением

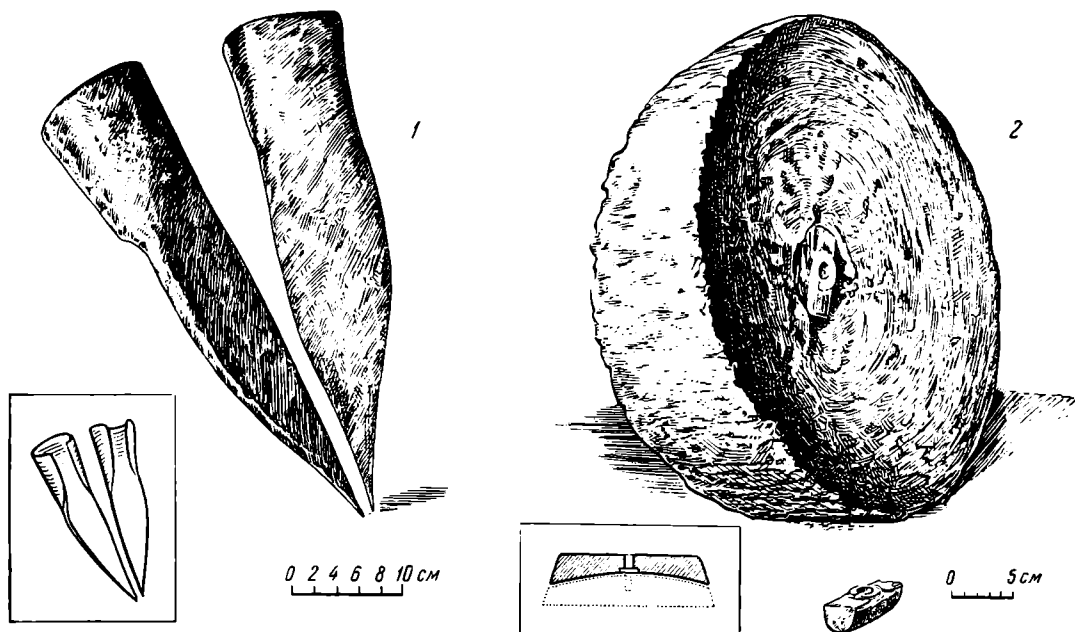

Рис. 28. Сошники и жернов из Зарядья.

раскопок к западу. Так, в 1951 г. в раскопе VIII найдены звенья золоченой цепочки и миниатюрный слиток золота, очевидно отход какого-то литья. Железоделательное, литейно-ювелирное и кожевенно-сапожное производства развивались на московском посаде с начала его существования.

Повидимому, уже с этого времени Москва снабжала продукцией своих ремесленников окрестное сельское население. Здесь делались не только украшения и предметы роскоши, но и нужный сельскохозяйственный инвентарь. Так, в древнейшем горизонте культурного слоя найден железный серп, в северо-западной части посада— два парных сошника, не бывшие в употреблении (рис. 28—1). Возможно, что тут же изготовлялись и ручные жернова, находки обломков которых часты во всех слоях. Наиболее интересен верхний жернов (рис. 28—2), найденный в районе Зарядьевского переулка. Район Зарядья сохраняет ремесленный характер до середины XV в.; позже здесь появляются усадьбы служилых людей, а затем и более крупных феодалов, дома приказных и здания государственных учреждений (Мытный двор, приказы и т. п.).

Дальнейшее исследование Великого посада, этого важнейшего в древности района нашей столицы, является долгом советских археологов.

¹ А. Л. Монгайт. Археологические заметки. Новгородские гирьки. КСИИМК, вып. XLI, 1951, стр. 133—137.

пересечения Зарядьевского и Ершова переулков, т. е. именно на территории посада XI—XIII вв.

Наблюдения, подтвердившие указанный вывод, производились в траншее Зарядьевского переулка (проложенной от Ершова до Елецкого переулка) шириной 2—2,5 м, глубиной до 5—6,3 м от современной поверхности. Материк был на глубине 6,3 м. На самом материке, в ненарушенном культурном слое, встречались обломки так называемой мореной, чернолощенной и белоглиняной посуды¹, характерной для XVI—XVII вв., обломки горшков краснолощенных, покрытых вертикальными или зигзагообразными полосами. Сосуды этого типа хорошо датированы в Москве и болгарских городищах; они относятся обычно к XIV—XV вв. Особенно много найдено обломков красноглиняных горшков и кувшинов в культурном слое XIV—XV вв. В траншее у д. № 7, на глубине 5 м, был найден коробчатый пружинный замок, снабженный двумя «рожками». Подобные замки обычно датируются XIV—XV вв. Таким образом, вскрытые в Зарядьевском переулке напластования относятся к XIV—XVII вв. Состав керамики, подобный вышеописанному, характерен и для траншеи, проложенной вдоль Елецкого переулка.

Аналогичный материал был обнаружен и в шурфе, расположенном в 8 м к северо-востоку от д. № 11 по Москворецкой улице. И здесь, в отдалении от берега, признаки домонгольского слоя не были отмечены.

Удалось проследить следы перепланировки Зарядья. В древности направление ряда улиц и переулков не совпадало с современным. Повидимому, первоначальная планировка относится ко времени до XVI в., так как очертания планировки современной и показанной на Петровом чертеже XVI в. совпадают².

На перекрестке Ершова переулка с Зарядьевским, на глубине 4 м, обнаружены остатки частокола, пересекавшего участок, где позднее появился Ершов переулок. Зарядьевский переулок получил свое современное направление также не ранее XVI в. Он показан на упомянутом выше чертеже XVI в. На территории современного Зарядьевского переулка в грунте обнаружены подполья зданий — свидетельство того, что до XVI в. переулка здесь не было. На расстоянии 6 м к западу от д. № 7, на глубине 3—4 м, вскрыто пять венцов западной стенки дубового сруба, расположенного поперек современного переулка. Аналогичный сруб отмечен и несколько севернее, на глубине 5 м. Приведенные данные свидетельствуют о том, что в XVI в. была произведена коренная перепланировка Зарядья.

Обнаружены местонахождения древних кладбищ. При земляных работах на перекрестке Зарядьевского и Елецкого переулков, на глубине 5—6 м, встречены долбленные сосновые и дубовые гробы-колоды. В одном из гробов погребения близ церкви св. Варвары найдены сероглиняная чашечка (высотой 4—5 см), покрытая зеленой поливой, кусочки воска, шерстяной узенький поясик. Древняя церковь св. Варвары находилась, повидимому, по соседству с современной, на углу, улицы Степана Разина и Зарядьевского переулка.

Следы древних кладбищ (гробы, каменные надгробья) обнаружены также и около церкви Николая Мокрого, с восточной стороны, и церкви св. Анны, с восточной и южной сторон. Особенно много надгробий находилось близ последней церкви на глубине 0,2—1,0 м. На одном из надгробий помещена надпись: «Лета 113 (1608) февраля в девятнадцатый день на память святого апостола Архипа преставися раба божья Евдокия

¹ См. подробную характеристику в работе М. Г. Рабиновича. «Московская керамика». МИА, № 12, 1949.

² М. Г. Рабинович. Археологические исследования Московского посада. «Вопросы истории», № 5, 1951, стр. 67.

Антоньевна дочь Степанова жена Карпова». Плита, размером $1,65 \times 0,60$ ($0,70$) $\times 0,25$ м, украшена жгутовым орнаментом.

Очень интересны данные по истории укреплений Китай-города, полученные при наблюдениях в траншее, проведенной у восточной стены Козьмодемьяновской башни Китай-города. Здесь, позади стены, открылся непосредственно примыкающий к стене ров шириной 12 м и глубиной 6 м. На дне были известняковые камни и прутья. Ров, повидимому, относится к укреплениям Великого посада, предшествующим китайгородским.

Хорошо выявлено литейное производство в Зарядье, определено размещение некоторых дворов литейщиков. Судя по материалам раскопок и наблюдений, мастерские XIV—XV вв. располагались приблизительно в прямоугольнике, ограниченном с севера Ершовым переулком, с юга китайгородской стеной, с запада Зарядьевским и с востока Псковским переулками. В пределах этого прямоугольника найдена формочка для отливки круглых бляшек, украшенных изображением семиконечной звезды и ложной зернью (рис. 29). Там же, на глубине 4 м, найден сбломок литейного тигля.

По находкам можно уточнить размещение мастерских зарядьевских костерезов. В слоях XVII—XVIII вв. при раскопках к западу от церкви Николая Мокрого найдены кости домашних животных с высверленными в них отверстиями, видимо отходы пуговичного производства. Подобные находки сделаны и близ церкви св. Анны «в углу». Но больше всего отходов встречено в шурфе на расстоянии 8 м к северу от полукруглой Москворецкой башни китайгородской стены на глубине 1 м и ниже. Стало ясно, что основная костерезная мастерская находилась у Москворецкой башни.

Материалы по истории кожевенно-сапожного дела собраны почти на всей территории Зарядья. Один из домов сапожников обнаружен у Великой улицы (современного Мокринского переулка). В северном конце Мокринского переулка, на участке от церкви Николая Мокрого до перекрестка с Зарядьевским, обнаружено шесть срубов, залегавших вдоль древней Великой улицы — важнейшей магистрали Великого посада. Сохранились их нижние венцы, вкопанные в материк. Остатки сооружений свидетельствуют об устойчивости направления Великой улицы, не подвергавшейся перепланировке в течение нескольких столетий.

При зачистке стены строительной траншеи (кв. Е-6) обнаружены три взаимно перекрывающие сруба, а над ними две дренажные трубы. Участок казался интересным, поэтому решено было заложить здесь шурф площадью в 15 м².

Южная стенка самого древнего нижнего соснового сруба состояла из трех венцов, рубленных «в обло»; толщина бревен около 20 см. Площадь сооружения $4 \times 4,4$ м. Следующий по времени сруб несколько смещен к северу по отношению к предыдущему; при его сооружении потребовалось вырубить по два верхних бревна западной и восточной стенок нижнего сруба, а северную стенку разобрать совсем.

Нижний сруб нарушался на глубине 3,4 м сооружением из полубревен, плотно уложенных горизонтально по три. Общая его высота 1,1 м. Площадь постройки $4,4 \times 3,8$ м. Ширина полубревен 30—38 см, толщина — 20 см. Плоскими сторонами они обращены внутрь. Концы полубревен срублены наискось, плотно пригнаны друг к другу и сжимались давлением

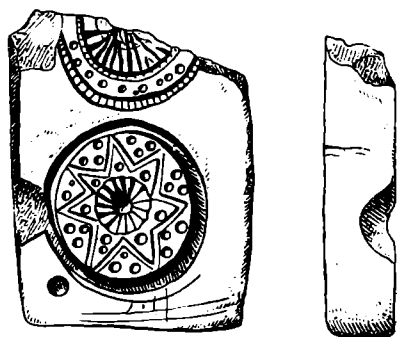

Рис. 29. Литейная формочка из Зарядья.

земли. На границе материка (4,5 м) видны были широкие плахи — остатки пола среднего сруба (рис. 30).

В среднем срубе найдены: медная чаша с поддоном (диаметр 11 см), украшенная пояском арочек, цилиндрическая, расписанная желтой, черной и красной краской керамическая бусина, железные кинжал (длиной 21,6 см) и ключ от цилиндрического замка. Судя по большому количеству и разнообразию найденных в среднем срубе фрагментов обуви, обрезков кожи, кусочков сапожного воска, над подполом стоял дом сапожника, выходивший на Великую улицу.

Средняя постройка нарушена в древности более поздней, обнаружившейся на глубине 3,5 м. Опушенная в среднее сооружение позднейшая постройка была срублена из досок «с остатком». Северная и западная стены сохранились на полную длину (2,7 м). При сооружении позднейшей постройки потребовалось разобрать два верхних венца южной стенки среднего сооружения.

Нижний и средний срубы почти целиком врыты в материк, а изнутри наполнены черной землей. Ни один из трех срубов не имел окон и дверей. Очевидно, это подполья зданий, сменивших друг друга.

В Зарядье чаще всего обнаруживались именно те сооружения и их части, которые в древности врывались в землю и потому уцелели во время пожаров, при разборке и перестройке. В этих зданиях применены приемы вязки срубов «в обло», из досок «с остатком», косым швом, «в лапу», «в лапу с зубом». Судя по составу керамики (преобладание красноглиняной, грубой, серой, красноощенной), средний и верхний срубы относятся к XIV—XV вв. (скорее к XIV в.). Нижний сруб, вероятно, относится к XIII—XIV вв.

Над подпольем располагались две дренажные трубы, не связанные с ним; верх их находился на глубине 3,4 м. Трубы одновременны: если продолжить их отрезки, то они пересекутся. Трубы вполне аналогичны ранее открытым при раскопках в Новгороде и Москве¹.

К северо-востоку от церкви св. Анны «в углу», впервые упомянутой в летописи в 1493 г.², на глубине 5 м обнаружилось подполье дома кожевника. Оно залегало под остатками кладбища и потому стратиграфически вряд ли относится ко времени более позднему, чем XV в. Характер сооружения и его заполнения не противоречат этой дате. Обгоревший сруб состоял из шести венцов (диаметр бревен 20 см), рублен «в обло». В траншее южная стенка сруба прослежена на 2,6 м, а западная на 1,5 м. На уровне четвертого венца обнаружены остатки пола. Внутри сруба найден горшок XIV—XV вв., заполненный углем. Горшок, высотой 18 см, изготовлен из буровато-красной глины, характеризуется резким отгибом плеч, слабо профилированным венчиком, на плечах узкая полоса орнамента из широко расставленных линий. Здесь же находились каменный верхний жернов диаметром 42 см, с деревянным порхлицем (такое найдено впервые), и обломки дерева от чана диаметром 0,9 м, высотой 0,6 м. Поблизости находилась мутовка (длиной 0,55 м).

Чан издавал сильный запах кожи; не исключена возможность, что он использовался при дублении. Если это так, то перед нами остатки двора кожевника и, следовательно, дома кожевников в XV в. доходили до церкви св. Анны. Судя по тому, как часто и обильно встречались в грунте на всей территории Зарядья отходы сапожного производства, дворы сапожников не локализовались в одном месте, а были разбросаны по всему Зарядью.

¹ А. Ф. Медведев. Водоотводные сооружения древнего Новгорода. КСИИМК, вып. XL, 1951, стр. 51—73.

² ПСРА, VI, 39, 240; М. В. Фехнер. Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI века. МИА, № 12.

Найдено несколько интересных образцов обуви. На северной оконечности Зарядьевского переуллка, на глубине 5 м, обнаружена тупоносая туфля (длиной 33 см), обшитая по верхнему краю нитками; верх ее вырезан из цельного куска кожи и сшит сзади. У д. № 7 (на той же глубине) найден лапоть, сплетенный из полосок кожи и подложенных под них полосок бересты; длина его 29 см; для просовывания ноги сделан очень узкий вырез. Особенно интересен кожаный поршень, сшитый из цельного, сложенного вдвое куска кожи со швом спереди. Поршень затягивался на ноге шнурком, пропущенным сквозь прорезы, расположенные по верхнему краю.

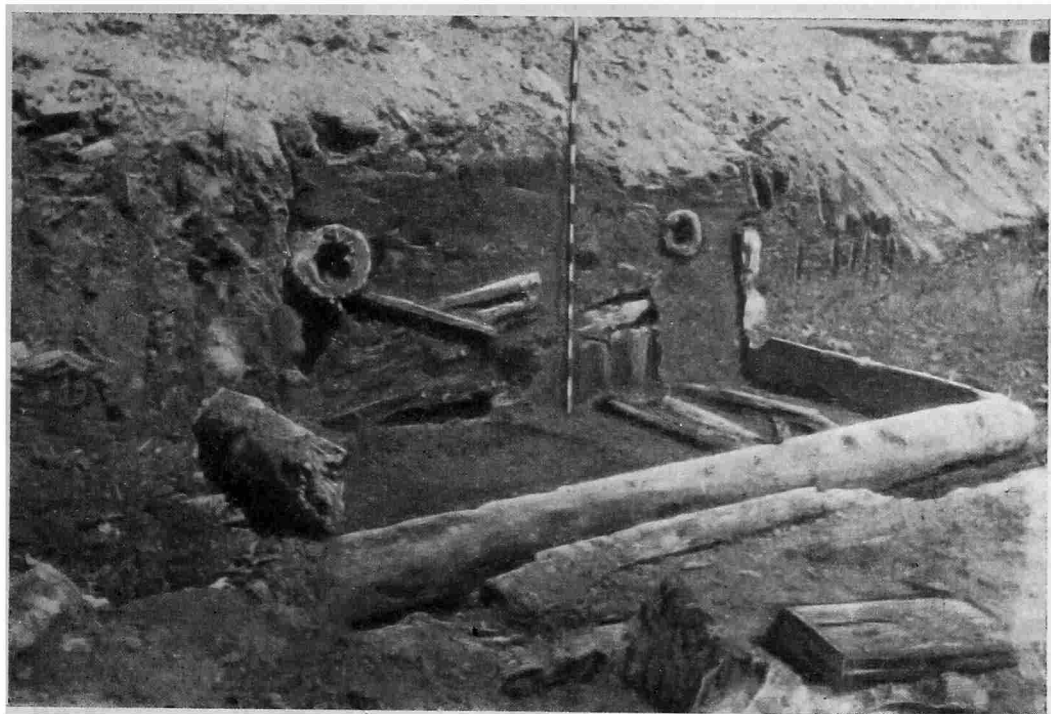

Рис. 30. Подполье дома XV—XVI вв. Выше видны деревянные дренажные трубы.

Совершенно иной хозяйственный облик имело жилище с подпольем на месте разрушенного д. № 11 по Москворецкой улице. Подполье 3×4 м, высотой 2 м вскрыто на глубине 5,65 м. Срублено оно «с остатком» из шести дубовых полубревен толщиной 15 см, шириной 30 см. На расстоянии 1,5 м от верхнего края располагался накат пола из бревен толщиной 10—15 см. К северо-западному углу сруба вплотную примыкала дощатая пристройка (70×80 см) из досок шириной 15 см. Сохранилось 10 венцов общей высотой 2 м. Пристройка была перекрыта досками; в центре перекрытия сделано круглое отверстие, над которым находилась бочка. Верхние края пристройки и сруба почти совпадали.

В подполье найдены многочисленные вещи (рис. 31—1-5): топор на прямом деревянном топорнице, наконечник пещни, ключ от пружинного замка, обжимные плоскогубцы, рыболовные грузила двух типов. Найдены и «якоря» — большие известняковые камни (длиной около 25 см) с отверстиями. Особого внимания заслуживает находка пяти металлических гирь с ручками в виде усеченных пирамид. Сверху на гирях заметны углубления — весовые знаки.

Находка гирь, предназначенных для отвешивания значительных количеств товара, повидимому, указывает на то, что располагавшийся здесь дом принадлежал лицу, занимавшемуся торговлей. Дом находился

в ближайшем соседстве с Мытным двором, упоминаемым в документах XVII в., и, возможно, принадлежал к его комплексу.

В северо-западной пристройке подполья найдены железная оковка деревянной лопаты и восемь целых конских черепов.

Наблюдения дали возможность представить широту распространения в Зарядье древних подземных дренажных сооружений. Дренажные трубы встречены у северной и южной границ и посредине описанной выше территории и безусловно пронизывали ее на всем протяжении с севера на юг.

Несколько дренажных труб обнаружено на глубине около 4 м, в котловане, параллельном южной части китайгородской стены 1535 г. Некоторые трубы были нарушены ее фундаментом и, следовательно, относятся ко времени более раннему.

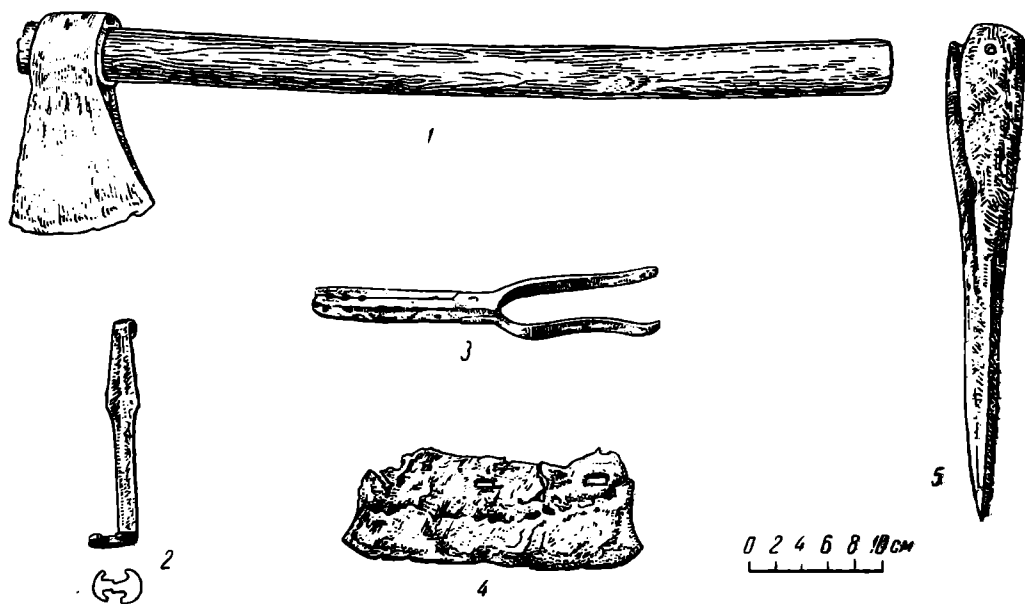

Рис. 31. Вещи из подполья дома, находившегося близ Мытного двора:

1 — топор; 2 — ключ; 3 — плоскогубцы; 4 — железная оковка лопаты; 5 — гвоздь.

Четыре системы труб и желобов открыты при земляных работах в северной, примыкающей к улице Степана Разина, части Зарядьевского переуллка. Они располагались на глубине 4,5—5 м. Некоторые из них проходили под нижними венцами срубов и отводили воду из-под зданий, расположенных по южной границе древней Варьской улицы (современная улица Степана Разина). Это ясно уже из того, что в котловане с северной стороны улицы продолжение труб обнаружено не было. Между Ершовым и б. Мокринским переулками трубы обнаружены в различных квадратах раскопа (Е-6, Д-7, В-5, В-6).

Удалось отметить дренажи, связанные со зданиями. Сооружений такой конструкции при раскопках не обнаружено. Дренаж, вскрытый у д. № 7 по Зарядьевскому переулку, находился под шестивенечным, высотой 1,2 м, подпольем, на глубине 3,6 м. Желоб, длиной около 6 м, был сооружен из основных досок, опиравшихся на П-образные опоры. Размеры его в поперечном сечении $0,4 \times 0,5$ м. Под фундаментами древнего здания, обнаруженного в котловане к югу от места, где соединяются улица Степана Разина и Хрустальный переулок, на глубине 4 м, открылся желоб, высотой 0,7 м, шириной 0,6 м, из соединенных зарубками бревен. Дно дощатое.

В 1951 г. в раскопе VIII, на глубине 2,52 м, на протяжении 10 м прослежена дренажная труба XVI в. Она шла с легким уклоном в сторону Москвы-реки. Внешний диаметр трубы 36 см, внутренний — 20 см. Продолжение этой трубы на глубине 2,32 м удалось обнаружить при наблюдениях в траншее у д. № 9 по Ершову переулку. Протяженность трубы, состоявшей, конечно, из многих звеньев, на исследованном участке была равна 122 м.

Раскопки Зарядья доставили огромный материал для характеристики культуры и быта древнего населения посада. Находки дополнили наши представления о многих сторонах материальной культуры древних москвичей. Ниже остановимся на обнаруженных вне сооружений находках, среди которых есть орудия труда. Интересен серп, найденный между сваями фундамента китайгородской стены и относящийся, следовательно, ко времени до XVI в. Стратиграфических оснований для датировки пары сошников, найденных на глубине 4 м, близ д. № 7 по Зарядьевскому переулку, нет. Сошники эти сильно вытянуты (длина 40 см), с заостренными концами. Судя по обволакивающим предметы древним окислам синего цвета и значительной глубине залегания, они скорее всего относятся ко времени до XVIII в. В квадрате Б-4 на глубине 5—6 м обнаружен топор с вытянутым (длина 18 см) и узким (4,5—7 см) лезвием на прямом длинном топориче диаметром около 3,2 см. Следует упомянуть также длинную (22,5 см) узкую секиру с раскованным от ударов обухом и небольшой, возможно ювелирный, молоток (длина 8,2 см).

В районе церкви св. Анны найден наконечник стрелы (рис. 32—2), подобный обнаруженному А. В. Никитиным в культурном слое XVI—XVII вв. г. Белгорода. В траншее Елецкого переулка, в слое черной земли, на глубине 4—5 м, найдено перекрестье сабли (рис. 32—1). Дата его, на основании сходства с перекрестьем персидской сабли, определяется XVII в.¹ Оба изделия характеризуются широкой серединой, плавно переходящей в длинные тонкие, круглые в сечении ответвления. Много собрано каменных (известняковых) ядер разного диаметра (12, 17, 30, 40 см). Целый склад ядер большого диаметра обнаружен в Козьмодемьяновской башне Китай-города. В квадрате Д-6 найден обрывок кольчуги обычного плетения, а в районе церкви Николая Мокрого — поножи от доспеха и ствол пищали.

По всей территории Зарядья встречено много глиняных грузил от сетей. Видимо, в большинстве посадских дворов были рыболовные снасти. Грузила по большей части обычной боченкообразной формы с продольными отверстиями (рис. 32—3). Особенно интересны лепешкообразные поправки (диаметром 18 см), плетеные из берестяных лент (рис. 32—4).

Одно из глиняных грузил, чернолощенное, находилось в бутовой кладке фундамента китайгородской стены в районе Москворецкой улицы. Здесь же найден чернолощенный кувшинчик (высотой 10 см, диаметром 17 см). Указанные находки — дополнительное свидетельство появления чернолощенной керамики до 1535—1538 гг., когда была построена китайгородская стена.

Керамика, собранная в Зарядье, дает возможность уточнить некоторые наши представления о московской посуде и других керамических изделиях XIV—XVII вв. Среди находок совершенно целые чернолощенные фляги, острорезберный кувшинчик-игрушка (высота 7,5 см), носок рукомошника в виде головы медведя в наморднике, сосудик-свистулька «соловей» (высота 8 см), остродонный сосудик, который считают то лампадкой, то гильком. Уникален белолощенный целый подсвечник. Найдено несколько мореных кубышек, множество игрушек (человеческие фигурки, лошадка, свистульки, погремушки). Некоторые из них покрыты ангобом, а поверх

¹ Е. И. Горюнова. Итоги работ археологического надзора на строительстве второй очереди московского метрополитена. МИА, № 7, 1947, стр. 50.

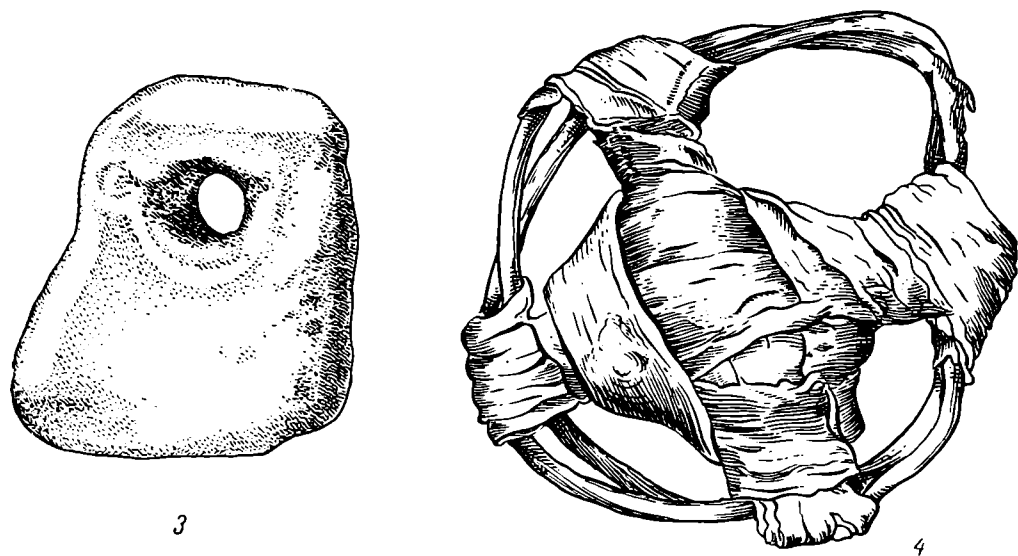
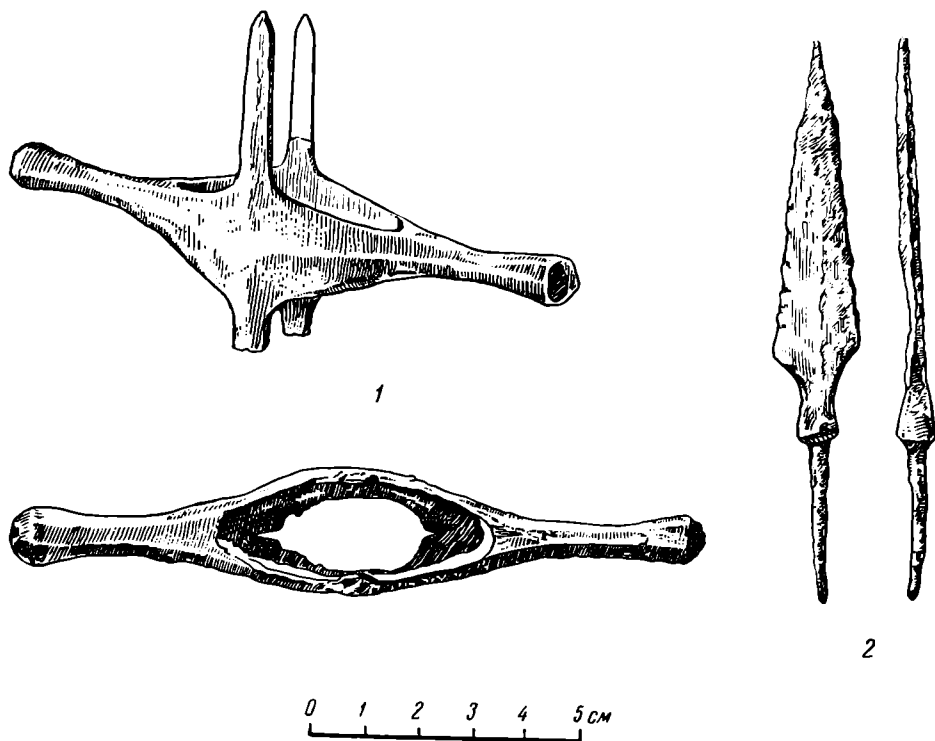

Рис. 32. Предметы, найденные при археологических наблюдениях в Зарядье:
1 — перекрестье сабли; 2 — наконечник стрелы; 3 — рыболовное грузило; 4 — поплавок.

него красной и коричневой росписью. Игрушки доставлялись сюда из соседней Гончарной слободы.

Собрана большая коллекция деревянных изделий. Часть предметов, найденная у подошвы культурного слоя, на глубине от 4—6 до 8 м, относится, повидимому, к XIV—XVII вв. Среди них колесная спица, клещина от хомута, колотушки, разнообразные черпаки, мутовки, миски, ложки, боченки, гребни.

Интересны предметы с надписями. Шиферный крест с надписью «ІС ХС», шириной 5 см (найден у пересечения Зарядьевского переулка и улицы Степана Разина, глубина 5 м), по форме и начертанию букв относится к XV в. Другая надпись («Іван...») была выцарапана на полусферической поверхности печати (диаметр 5,7 см). На лицевой ее поверхности вырезано изображение солярного знака. Судя по начертанию букв, предмет относится к XVI в. (найден в квадрате Д-8; глубина 4 м).

В Зарядье удалось собрать коллекцию, состоящую почти из трехсот древних предметов, причем число обнаруживаемых сооружений и вещей непрерывно возрастает.

В настоящей заметке подведен предварительный итог археологическим наблюдениям, проводившимся в Зарядье в 1949—1951 гг. Хочется еще раз напомнить о необходимости и важности проведения в древнейших городах СССР не только раскопок, но и археологических наблюдений за земляными работами, дающих ценный материал для изучения социальной топографии и культуры древних городов и для решения других проблем.

и в последующие, значительно более поздние периоды — в I тысячелетии до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э., а также в период позднего средневековья.

Участок обследования характерен для среднего течения Днестра. Река здесь крайне извилиста, образует многочисленные петли; высокие скалистые ее берега образуют то узкие каньоны, то обширные долины, представляющие аллювиальные и делювиальные отложения. Как и выше, местность перерезается впадающими в Днестр глубокими оврагами и балками, по дну которых в весеннее время текут быстрые, полноводные ручьи. Район этот, на левобережье во всяком случае, в основной своей части уже не лесостепной, а степной.

Характерная особенность обследованного района заключается в отсутствии укрепленных поселений — городищ. Их нет на левом степном берегу Днестра не только у самого берега реки, но и в значительном отдалении от нее. Нет их и на правобережье, во всяком случае на расстоянии 2—5 км от берега. Все обнаруженные разведкой поселения неукрепленные, открытого типа, за исключением одного на правобережье, у с. Лопатна, где обнаружено размытое городище скифской поры (рис. 33, № 7).

Открытые поселения (селища) относятся к нескольким эпохам — скифской (рис. 33, № 13, 17, 20, 21), первой половине I тыс. н. э., культуре полей погребений (рис. 33, № 2—4, 6, 9—12, 14—16, 18, 22, 24—32) и, наконец, к позднему средневековью, XV—XVI вв. (рис. 33, № 1, 5, 8, 19, 23). Последние являются уже остатками феодальных деревень Молдавского государства того времени, когда здесь существовали и крупные средневековые города во главе со Старым Орхеем¹. Поселения скифской поры, особенно первых веков нашей эры, культуры полей погребений, располагаются в основном на первой береговой террасе, у самой реки. Остатки их находятся на глубине до 2—2,5 м и часто перекрывают трипольские культурные слои. Такова топография поселения культуры полей погребений в Попенках (рис. 33, № 3), в Журах (№ 10—12)

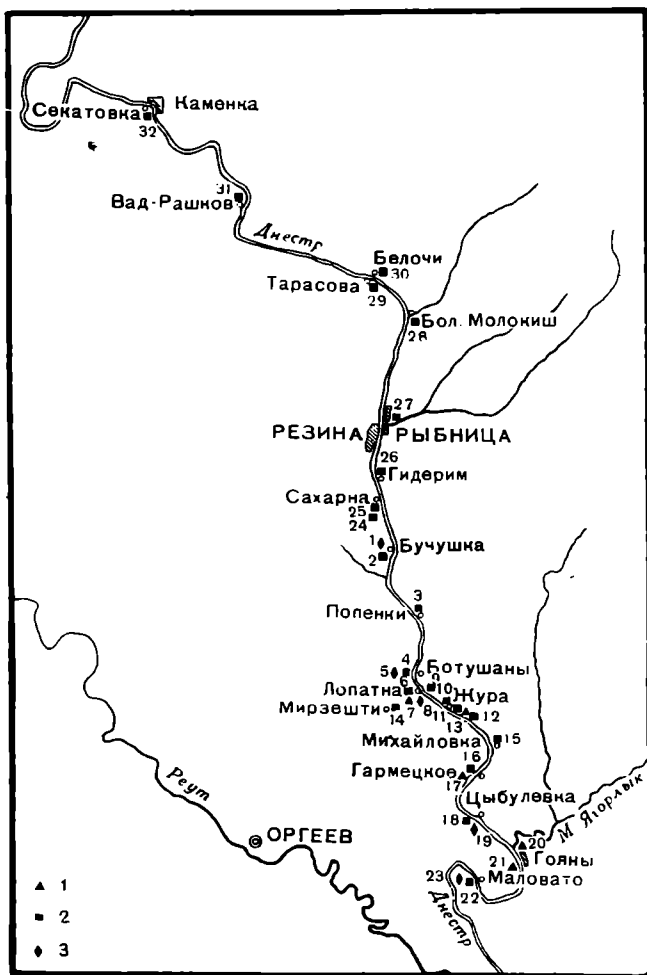

Рис. 33. Карта археологических памятников Поднепровья:

1 — памятник скифского времени; 2 — памятники культуры полей погребений; 3 — памятники позднего средневековья.

¹ См. «Историю Молдавии», т. I. Кишинев, 1951. стр. 113 сл.

на левом берегу Днестра, в Бучушках и Мирзешти на правобережье (№ 3 и 14). Там, где культурные остатки залегают, как обычно, на весьма незначительной глубине, как, например, в Журах I (№ 9), они сильно разрушены или полностью уничтожены распашкой.

Как и севернее, поселения культуры полей погребений расположены нередко не по одиночке, а группами, очень близко друг к другу; например, в Журах и их окрестностях отмечено четыре пункта.

Ввиду залегания остатков поселений культуры полей погребений на большой глубине и того, что на их вскрытие требовались большие средства (а отряд не располагал ими), было решено в первую очередь провести раскопки трипольских площадок, которым угрожало разрушение, в отношении же более поздних памятников — ограничиться обследованием и сбором подъемного материала, с закладкой в случае необходимости контрольных шурфов. В итоге разведки обнаружено пять поселений скифской поры, 13 поселений культуры полей погребений и пять средневековых.

Особого внимания заслуживают остатки поселения в Попенках, где, как уже отмечалось, культурные слои залегают на большой глубине, перекрывая трипольский слой. Находки, относящиеся к культуре полей погребений (обломки керамики и куски обмазки), прослеживаются в обресе берега на протяжении около 200 м. Подъемный материал на галечнике и в водах Днестра представлен исключительно керамикой, хотя и не очень многочисленной, но достаточно выразительной, позволяющей определить культурную принадлежность поселения и его дату. Среди керамики следует отметить и явно липицкие формы (обломок двуручного сосуда II в.) и черняховские; последние значительно преобладают. Среди них обломки столовой посуды: тонкостенных сероглиняных мисок и кувшинов, лощеных жбанов, в том числе и украшенных орнаментом, исполненным двойным способом — лощением и, что преобладает, вдавливанием. Кухонная посуда — толстостенная, главным образом плоскодонная; в тесте значительная примесь крупнозернистого песка и битого камня (рис. 34). Особенно интересен вынутый из слоя (в обресе берега) большой обломок стеклянного кубка, украшенного, несколько отступая от края, желобком и (ниже) пояском из шлифованных овалов; толщина стенок сосуда 0,03 см (рис. 35). Здесь же был найден крохотный кусочек стеклышка, украшенного напаянными нитями. Если последний тип получил широкое распространение во всем Поднестровье¹, то шлифованное стекло, хорошо известное на юге², на Среднем Днестре — в Черняхове³, в Маслове⁴, в Переяславе-Хмельницком⁵, а также западнее —

¹ Кубки, украшенные напаянными нитями, известны в Городнице, в погребении III в., в Бильче Злате. См. L. Kozłowski. *Zarys pradziejów Polski południowo-wschodniej*. Lwów, 1939, стр. 102 и табл. XXVIII, 8, 10; K. Majewski. *Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich* Wrocław, 1949, стр. 92—94 и табл. XI, 1, 4—7; H. J. Eggels. *Der römische Import im freien Germanien*. 1951, стр. 151, № 188—191, карта 52. Несколько иного типа кубок красно-фиолетового цвета с желтыми и голубыми напаянными нитями в погребении в Струтыне-Нижнем (группа подкарпатских курганов). См. K. Majewski. *Указ. соч.*, табл. XI, 3.

² Например, в могильнике Городок-Николаевка на Нижнем Днестре. Здесь в подбойном погребении найден великолепной сохранности кубок, украшенный тремя рядами шлифованных овалов и одним рядом (внизу) шлифованных кружков. См. M. Ebert. *Ausgrabungen bei dem Gorodok Nikolajewska am Dnjepr*, Gouv. Cherson. *Prähist. Zchr.*, Bd. V, 1—2, 1913, стр. 86—87, рис. 96d; Nils Åberg. *Vorgeschichtliche Kulturkreise in Europa*. *Bilderatlas*. . . , Kopenhagen (s. a.), табл. XXXI, 12.

³ В. В. Хвойко. Поля погребений в среднем Приднестровье. ЗРАО, вып. XII, 1901, табл. XXI; Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднестровья, вып. IV. Киев, 1901, стр. 27, № 504-а и табл. XIX; А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, т. X, стр. 63, рис. 8.

⁴ Петро Смоличев. Археологічні досліді в околицях м-ка Златополя, на Черкащині року 1926 (Коротке звітання... за розкопи біля с. Маслової). Коротке звітання за 1926 г., Київ, 1927, стр. 160.

⁵ Из могильника близ Переяслава-Хмельницкого. Раскопки В. К. Гончарова в 1951 и 1952 гг. Материал еще не опубликован.

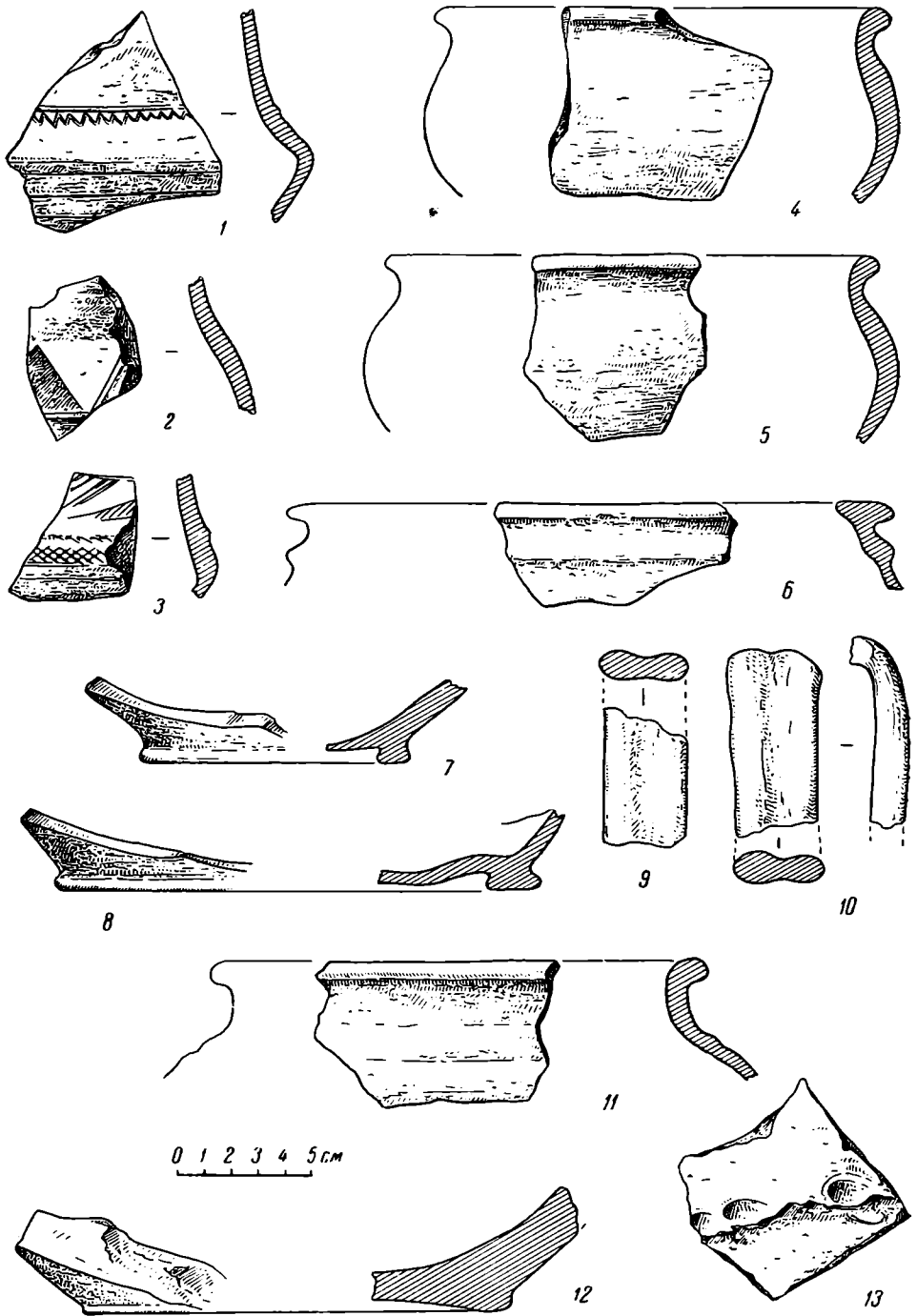

Рис. 34. Образцы керамики с поселения в Попенках.

в Польше¹, Восточной Пруссии² и Скандинавии³, обнаружено здесь, на Днестре, впервые. Между тем его наличие хорошо датирует время существования поселения. Толстостенные кубки, декорированные поясками из шлифованных овалов или кружков, появляются в римском стеклоделии не ранее III в., точнее, не ранее середины III в. н. э., и продолжают бытовать позднее, в IV и, повидимому, даже, в V в.⁴

Ближайшей аналогией стеклянному кубку из Попенок является кубок Городка-Николаевки⁵, а также недавно обнаруженный в частном собрании в Шонии (Швеция)⁶ и из Холанда окр. Рогаланд (Швеция)⁷. Все эти кубки цилиндрической формы, толстостенные, из зеленоватого, слабо иризованного стекла, повидимому, изготовлялись в одной мастерской. Другую, правда, очень к ним близкую группу составляют кубки конусообразной или воронкообразной формы, более тонкостенные. В эту группу входят черняховский кубок, кубки из погребения в Сакрау и в ряде мест в Пруссии, в том числе и в Кослау⁸. Вероятно, это изделия другой мастерской. Вопрос о месте изготовления обеих групп до сих пор не решен. Известный немецкий искусствовед, специалист по стеклу Фреммерсдорф⁹ и шведский археолог Альтхин¹⁰ относят толстостенные кубки-стаканы со шлифованными овалами к изделиям рейнских мастерских; такие же крупные исследователи, как Экхольм, Эггерс, английский археолог Харден, считают их изделиями восточноимперских центров, возможно Александрии, Тиры или Сидона, и полагают, что эти стеклянные изделия попадали в Европу через Черное море и северночерноморские города, вернее всего через Ольвию и, быть может, Тиру¹¹.

Эту точку зрения разделяет и К. Маевский¹².

Но вернемся к поселению в Попенках.

Сочетание стекла с кухонной посудой с трехгранным венчиком, с одной стороны, и с липицкими формами керамики, с другой, позволяет говорить об относительно длительном существовании поселения, а находки обломков стеклянных кубков — и о достаточной зажиточности его населения, части его во всяком случае. В то же время ненарушенность культурного слоя позволяет надеяться, что раскопки поселения в Попенках смогут дать ценные результаты.

¹ Например, в Сакрау (см. Greppler. Der II und III Fund von Sackrau, 1888, табл. I, 1), в Закжове, р-н Олесницы, близ Сакрау, и из Луги, р-н Гура (см. K. Majewski. Указ. соч., стр. 93, № 264, табл. XI, 8; стр. 92, № 255, табл. XI, 10).

² Например в Koslau. См. Heydeck. Das Gräberfeld von Kl. Koslau, Kr. Neidenburg. Sitzungsber. d. Altertumsbes. Prussia, 17 Heft. Königsberg, 1892, стр. 171—180, табл. XVII.

³ В более чем ста пунктах. См. G. Ekholm. Orientalische Glasgefäße in Skandinavien. ESA, X, 1936, стр. 64, рис. 7.

⁴ A. Kisa. Das Glas im Altertume. Leipzig, 1908, т. II, стр. 632—638; т. III, стр. 905—907, рис. 376—379; W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929, стр. 211, рис. 159в; G. Ekholm, указ. соч.; W. B. Honey. Glass. A Handbook for the study of glassvessel of all periods. London, MCMXLVI.

⁵ M. Ebert. Указ. соч., стр. 87, рис. 96d.

⁶ См. C. A. Althin. Zwei Glasbecher mit eingeschliffenen Ovalen in schonischen Privatsammlungen; Årsberättelse. Lund, 1953, стр. 260—265, рис. 2.

⁷ См. G. Ekholm. Указ. соч., ESA, X, 1936, стр. 64; рис. 7; его же. Romerska glasvaror i Skandinavien. Fornvännen, 1937, стр. 65—84.

⁸ Heydeck. Указ. соч., 1892, стр. 171—180, табл. XVII.

⁹ D. Fremmersdorf. Figürlich geschliffene Gläser. Eine Kölner Werkstatt des 3 Jahrhunderts. Röm.-germ. Forschungen, Bd. 19, Berlin 1951.

¹⁰ C. A. Althin. Указ. соч., стр. 263—265.

¹¹ См. G. Ekholm. Указ. соч., ESA, X; H. J. Eggers. Указ. соч., № 220—238; D. V. Harden, рецензия на работу Д. Фреммерсдорфа в Journal of Roman Studies, vol. XLIII, 1—2, стр. 201—202; его же. Roman glass from Karanis. London, 1936; Joachim Werner. Zum altkaiserlichen Glasbechern (185—187)... Germania, 1953, H. 1—2, стр. 61—64.

¹² K. Majewski. Указ. соч., стр. 92—94.

К сожалению, крупное поселение культуры полей погребений в Журах¹, занимающее большую площадь (не менее 30 000 м²), на которое на основании многочисленного и разнообразного подъемного материала возлагались большие надежды, оказалось полностью разрушенным (рис. 33, № 9). Заложённые в двух местах двухметровые шурфы не дали ничего, кроме мелких обломков керамики. Собранный с поверхности материал (красноглиняная и сероглиняная керамика и обмазка) ограничивается временем III—IV вв. н. э. В нем полностью отсутствуют собственно липицкие формы, широко встречается столовая и кухонная посуда черняховского типа (рис. 36—1, 2).

Того же времени остатки поселений, топографически тождественные поселению в Попенках, расположены ниже по течению Днестра — в Журах (рис. 33, № 10—12)². Среди крайне немногочисленных находок внимания заслуживает обломок оселка, а также явно привозного характера обломки двух тонкостенных кувшинов желтовато-розоватой глины, украшенные многорядной волной, исполненной зубчатым штампом, скользившим наклонно к поверхности сосуда, — прием, типичный для прикарпато-дунайской керамики. Датируется эта керамика временем не позже III в. н. э. (рис. 36—14, 15)³. Среди фрагментов, собранных на поселениях в районе Жур, имеется и так называемая обсыпанная керамика, типичная для более западных и северных районов Буковины (рис. 36—13)⁴.

Собственно к черняховскому типу принадлежит и керамика из Мирзешты (рис. 33, № 14), где были обнаружены остатки поселения культуры полей погребений и собрано много фрагментов керамики. Из окрестностей Мирзешты происходит хранящийся в Кишиневском музее горшочек типично черняховского облика, хорошо датирующийся временем конца II—начала IV в.

Таким образом, в основном поселения культуры полей погребений в пределах обследованного Дубоссарским отрядом участка относятся к памятникам черняховской культуры. Этой же культуре, как уже отмечалось, принадлежит и керамика из сарматского погребения в с. Михайловке, очень близкая по фактуре, формам и орнаменту к посуде из Черняховского могильника.

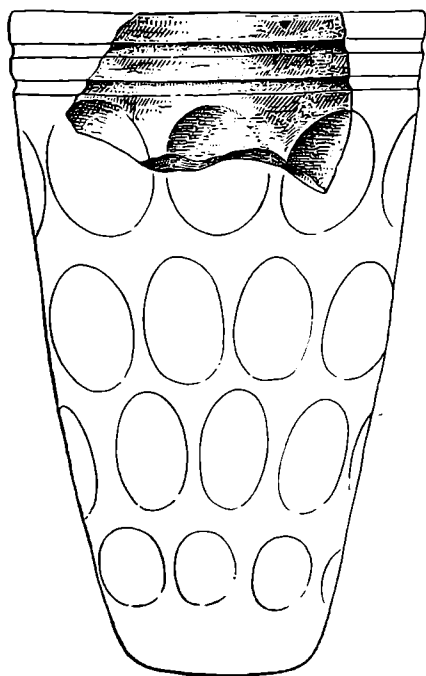

Рис. 35. Стекло́нный кубок с поселения в Попенках (реконструкция).

¹ Расположено оно в 2,5 км к северу от села, в 150—200 м от реки, на пологом склоне к Днестру. Культурные остатки прослеживаются на протяжении 300 м вдоль берега и 100 м вглубь.

² В 1954 г. при раскопках трипольского поселения в обресе берега у пункта № 10 обнаружены остатки наземного жилища культуры полей погребений.

³ См. J. Eisner. Slovensko v pravěku. Bratislava, 1933, стр. 227, 230. табл. LXXVIII, 7—12, особенно табл. LXXXII, 2, 3.

⁴ Например, в подкарпатских курганах, в частности в Глубоком Черновицкой области.

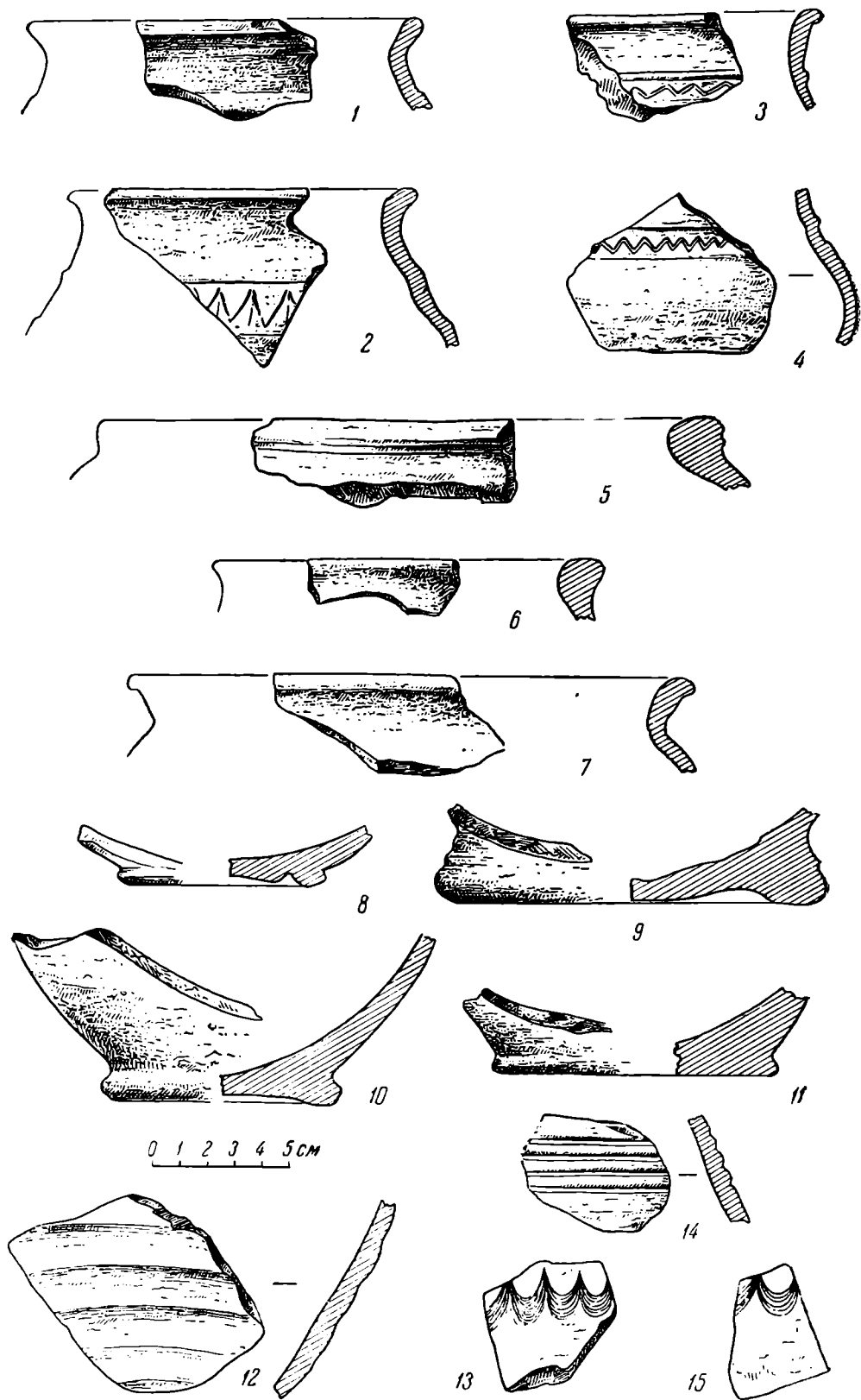

Рис. 36 Образцы керамики с поселений в Журах.

Памятников зарубинецкого типа в обследованном районе нет¹.

Все поселения скифского времени (их всего пять) — поздние, не ранее IV—III вв. до н. э.²

Что касается средневековых поселений (рис. 33, № 1, 5, 8, 19, 23), то все они представлены типичной серой керамикой, по формам весьма близкой к керамике полей погребений, но резко от нее отличной по фактуре — гораздо более грубой и худшего качества. Такая позднесредневековая керамика хорошо известна и севернее — на Верхнем Днестре, Южном Буге и Днестре.

¹ Ряд поселений культуры полей погребений черняховского типа был обнаружен первым отрядом Молдавской экспедиции, руководимым начальником экспедиции Т. С. Пассек, выше по течению Днестра, в Резинском и Рыбницком районах (рис. 33, № 24—32).

² Датировка подтверждена А. И. Мелюковой.

сидел князем Всеволод Давыдович¹. Кроме Гродно, на территории области были и другие древнерусские города.

Во время раскопок Волковисского городища обнаружены в древних культурных слоях славянская керамика, стеклянные браслеты, шиферные пряслица овручского типа².

Другой древнерусский город — Мстибов (по древним источникам Мстибогов), расположенный в 12 км западнее Волковиска, играл впоследствии крупную политическую роль в Русско-Литовском государстве.

Самый факт существования древнерусских городов заставляет предполагать наличие здесь и других древнерусских поселений. Все это придает особый интерес изучению археологических памятников края.

В археологическом отношении Гродненская область изучена очень слабо. Исследования, проводившиеся в дореволюционное время в бывшей Гродненской губернии, меньше всего захватили Гродненский и Волковисский ее уезды. В большей степени изучался Лидский уезд 6. Виленской губернии, но и здесь производились обследования и раскопки только погребальных памятников³.

Составленные Ф. В. Покровским археологические карты Гродненской и Виленской губерний наглядно показывают скудость наших сведений о памятниках на современной территории Гродненской области⁴. Но и эти сведения, полученные путем анкетных опросов у лиц, мало сведущих или совсем не сведущих в археологии, при проверке в большинстве случаев оказались недостоверными⁵.

Работу по изучению археологических памятников Гродненской области проводили польские археологи. Главное их внимание было направлено на изучение таких крупных объектов, как Гродно и Волковиск, в меньшей степени — на погребальные памятники и совсем не исследовались поселения.

Основная задача разведки 1951 г. заключалась в обследовании берегов Немана с целью выявления поселений I тысячелетия н. э. Разведка проведена по правому берегу и захватила береговую полосу в 1,5—2 км на протяжении 145 км, начиная от д. Бурнососо Докудовского сельсовета Лидского района до с. Мосты-Фабричные Мостовского района. Частично обследовался и левый берег Немана, а также некоторые памятники в Волковисском районе.

По правому берегу Немана открыто несколько неолитических стоянок, двенадцать селищ и одно городище, на левом берегу — три курганные группы и одно селище. В Волковисском районе обследованы селище, курганная группа и городище, на котором произведены небольшие раскопки. Произведен осмотр и ранее известного Красносельского могильника (рис. 37).

Неолитические стоянки и отдельные находки кремневых орудий. На территории Гродненской области было известно несколько десятков неолитических стоянок. Сведения о них собрал А. А. Спицын, отметивший, что «основные находки позднего неолита были сделаны в Гродненском, Волковисском и Слонимском уездах»⁶. В последнее

¹ Ипатьевская летопись под 1116 и 1127 гг. ПСРЛ, т. II, стр. 8.

² Материалы, хранящиеся в Волковисском музее.

³ Архив ИИМК, ф. ИАК, № 15/а, 1888 г.; «Правительственный вестник», 1889 г., № 185; «Виленский вестник», 1888 г., № 204. Археологические карты Гродненской и Виленской губерний.

⁴ Ф. В. Покровский. Археологическая карта Гродненской губернии. Вильна, 1895.

⁵ Во время разведки выяснилось, что указания в археологических картах В. Ф. Покровского на существование курганов у деревень Рожанка, Хильчицы и Дякова оказались неправильными. Курганов здесь нет.

⁶ Архив А. А. Спицына, № 57.

время учетом этих памятников занималась сотрудница Гродненского историко-археологического музея тов. Арсакова¹. Одна часть неолитических стоянок расположена на берегах Немана и его притоков, другая — на берегах небольших озер.

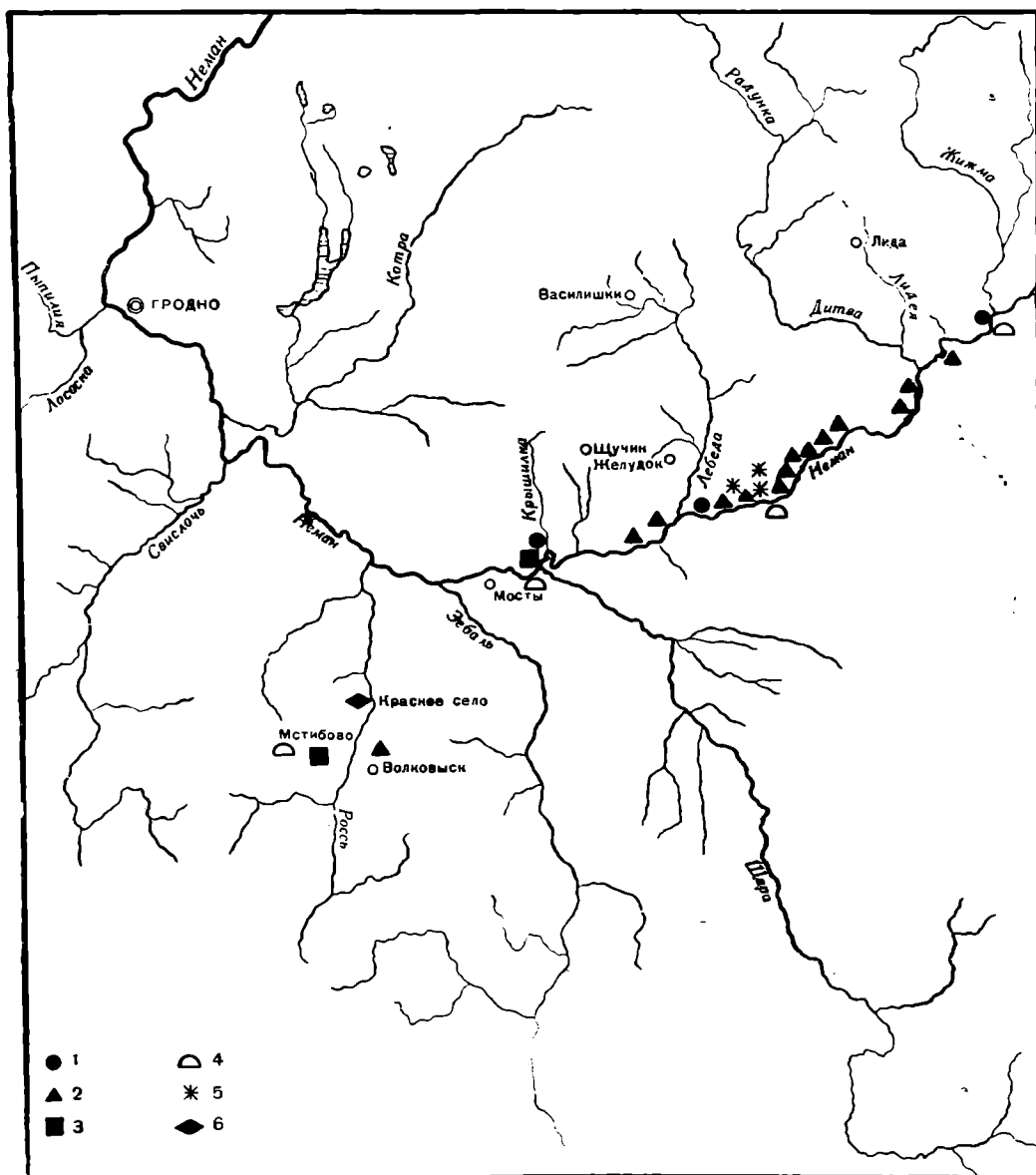

Рис. 37. Карта археологических памятников Гродненской области (по разведкам 1951 г.):

1 — неолитические стоянки; 2 — селыща; 3 — городища; 4 — курганы; 5 — отдельные находки; 6 — могильники.

Разведкой 1951 г. по правому берегу Немана обнаружены ранее неизвестные неолитические стоянки:

1) у дер. Бурносово Докудовского сельсовета Лидского района на коренном возвышенном берегу за околицей деревни. На поле найдены крем-

¹ В Гродненском музее хранится рукопись тов. Арсаковой с описанием стоянок на территории области.

невые отщепы, нуклеус, скребок, шесть кремневых ножевидных пластинок, фрагмент лепного сосуда из красноватой глины (рис. 38—1-9);

2) у дер. Песковцы Желудокского района на коренном берегу за околлицей. Обнаружены обломок кремневой ножевидной пластинки, кремневые отщепы, фрагмент лепной керамики из красноватой глины с примесью дресвы;

3) у хут. Песковцы, на расстоянии 1,5 км выше д. Песковцы. Близ хутора найдены кремневые ножевидные пластинки и отщепы кремня;

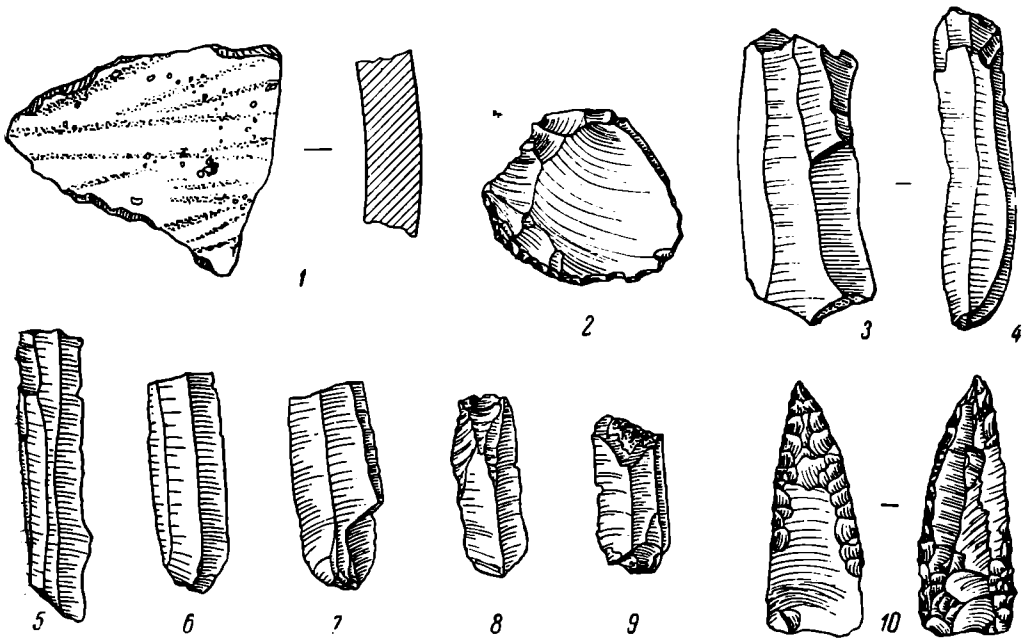

Рис. 38. Кремневый инвентарь и керамика со стоянок у дер. Бурносово (1-9) и у хутора Бор (10).

4) у дер. Шавдуне Желудокского района. На расстоянии 100—200 м выше деревни на пахотном поле обнаружены кремневые отщепы и ножевидная кремневая пластинка;

5) у хут. Старая Подпехельня Мостовского района при впадении в Неман р. Ельвы. Русло Немана здесь отступает от коренного берега на 1—1,5 км, образуя обширные заливные луга. На коренном берегу Немана найдены три кремневые ножевидные пластинки и маленький фрагмент лепной керамики.

Кроме того, кремневые отщепы и ножевидные кремневые пластинки были встречены вместе с более поздним материалом на селищах Докудовское первое и второе, Огородниковское, Ганцевичское, Чертокское, Понемонцкое и Песковцевское.

У хут. Бор, в 500 м от д. Песковцы, на пахотном поле найден кремневый наконечник стрелы (рис. 38—10).

Курганы. На участке правого берега Немана не обнаружено ни одного кургана. В б. Лидском уезде известны круглые курганы с трупосожжением, которые раскапывал Э. А. Вольтер¹. Там они встречаются попеременно с каменными могилами и, возможно, имеют какую-то связь с курганами, широко распространенными в восточной и частично центральной Литве.

¹ Э. А. Вольтер. Археологические раскопки в Лидском и Троцком уездах Виленской губернии. «Правительственный вестник», 1889 г., № 185.

Отсутствие курганов по правому берегу Немана на обследованном участке дает основание предполагать, что эта территория некогда была занята литовскими племенами, хоронившими умерших в грунтовых могильниках без внешних признаков.

На левом берегу Немана обнаружены три курганные группы¹:

1) у хут. Анацко², на расстоянии 1,5—2 км от русла Немана. Группа состоит из одиннадцати насыпей, но, вероятно, их было больше, так как часть распахана почти до основания. Курганы насыпаны из желтого песка. Камней в насыпи или вокруг основания и ровиков нет. По курганам лучшей сохранности можно судить об их размерах: высота 1—1,5 м, диаметр 10—15 м;

2) в Гончарском лесу. У самой лесной дороги, ведущей от перевоза через Неман у дер. Зяблиницы в дер. Гончары, на расстоянии 500—700 м от Немана, имеются два круглых кургана: № 1 — диаметром 10 м, высотой 1 м, насыпан из песка, ровика и камней нет; № 2 — диаметром 12 м, высотой 1,2 м, на расстоянии 50—60 м от кургана № 1; насыпан из песка, ровика и камней нет;

3) у поселка Новинки Мостовского района (левый берег Немана). На расстоянии 400 м от поселка на юго-юго-восток находится курганный группа из семи насыпей, часть которых распахана почти до основания. Курганы насыпаны из песка, ровиков и камней нет, высота 1—1,5 м, диаметр 10—12 м.

Кроме курганов по левому берегу Немана, были осмотрены два больших кургана у дер. Огородники Мстибовского сельсовета Волковысского района. Насыпи стоят на окраине пахотного поля, рядом с болотистой низиной, на расстоянии 300—400 м к востоку от деревни. Курганы № 1, диаметром 17 м, высотой 1,5 м, и курган № 2, диаметром 18 м, высотой 1,7 м, расположены на расстоянии 55 м друг от друга. Ровиков вокруг основания нет. В профиле поздних ям можно было заметить, что курганы насыпаны из песка и их поверхность выложена булыжником.

На левобережье Немана курганы встречаются довольно часто. Особенно много их по берегам р. Шары — левого притока Немана, где они расположены то поодиночке, то группами³.

Гродненские ранние курганы содержат трупосожжения. А. А. Спицын относит их к X в.⁴ Вероятнее всего это древнейшие дреговичские курганы. К сожалению, они очень слабо изучены.

О заселенности левобережья Немана славянами говорит и топонимика края. Здесь имеются поселения с древними славянскими названиями: Яриловка, Великая и Малая Берестовицы, село Бересточаны, Гнезна, Свентицы и др.

Селища. Селища Понеманья прежде не только никогда не изучались, но даже не были известны. Разыски этих памятников — дело, как известно, очень сложное. Но в то же время изучение селищ может дать многое для понимания древней истории края.

1. Первое Докудовское селище на возвышенном берегу Немана, рядом с дер. Докудово Лидского района. Оно тянется вдоль Немана приблизительно на 1,5 км, захватывая полосу шириной до 200 м. В обрыве берега хорошо прослеживается культурный слой мощностью 10—50 см, состоящий из темной земли с вкраплением углей. Местами заметны углистые прослойки. На поверхности культурного слоя найдена керамика, изготов-

¹ Напомним, что левый берег Немана обследовался частично.

² Хутор Анацко (левый берег Немана) расположен напротив д. Докудово Лидского района (правый берег).

³ Ф. В. Покровский. Археологическая карта Гродненской губернии. Вильна. 1895, стр. 23—24.

⁴ Архив А. А. Спицына, № 57.

ленная на ручном гончарном круге (в дальнейшем она будет называться круговая керамика), украшенная по плечикам линейно-желобчатым орнаментом. Сосуды с резко отогнутым венчиком. В тесте некоторых из них заметна примесь песка. Найдены кованый гвоздь со шляпкой и ножевидная кремневая пластинка.

2. Второе Докудовское селище ниже первого приблизительно на один километр. В этом месте берег Немана немного понижается. Снизу селище ограничено оврагом. На поверхности культурного слоя найдена круговая керамика хорошей выработки, без примесей в тесте. Сосуды имеют низкие, со слабо выраженной шейкой, отогнутые наружу венчики и более высокие отогнутые наружу венчики с хорошо обозначенной шейкой и пухлым краем. Встречались фрагменты тонкостенной томленной посуды. Найден фрагмент сосуда из красной глины с наlepным валиком и фрагмент грубого лепного сосуда из глиняной массы с примесью крупных зерен дресвы. Кроме того, обнаружены обломок глиняного рыболовного грузила и большая кремневая ножевидная пластинка.

3. Ольховское селище на левом берегу Немана, в 1,5—2 км ниже дер. Ольховки. Оно расположено в урочище, называемом у местного населения «Церковищем». Культурный слой прослеживается в обрыве высокого берега на протяжении 100—120 м. Мощность 20—35 см. На поверхности культурного слоя найдены фрагменты круговой керамики с желобчатым орнаментом. Венчики сосудов с низкой шейкой отогнуты наружу. В тесте некоторых сосудов заметна незначительная примесь песка.

4. Огородниковское селище на расстоянии 1—1,5 км ниже дер. Огородники Лидского района. Правый берег Немана здесь резко повышается, поднимаясь над уровнем реки на 6—10 м. На поверхности культурного слоя собрана круговая керамика. В тесте некоторых фрагментов имеется незначительная примесь дресвы. Встречены два фрагмента сосудов из светложелтой глины без примесей в тесте. На некоторых фрагментах желобчатый орнамент. Здесь же собраны кремневые отщепы, три обломка кремневых ножевидных пластинок и скребок.

5. Ганцевичское селище на расстоянии одного километра ниже дер. Огородники, около дер. Ганцевичи Лидского района. На поверхности культурного слоя обнаружены фрагменты круговой керамики с незначительной примесью песка в тесте. Орнамент в виде редко расположенных широких желобчатых линий покрывает тулово сосудов. Найдены две кремневые ножевидные пластинки.

6. Первое Збляницкое селище на правом возвышенном берегу Немана у околицы дер. Збляница Желудокского района. В обнажениях берега на протяжении 100—120 м прослежен культурный слой мощностью 0,2—0,6 м. Он состоит из темной земли с вкраплением углей. Собраны фрагменты круговой керамики — сосудов с отогнутым наружу венчиком.

7. Второе Збляницкое селище на расстоянии 500—600 м ниже дер. Збляница. На поверхности культурного слоя найдены фрагменты круговой керамики. Сосуды с отогнутым наружу венчиком, с низкой шейкой. Отмечен один фрагмент лепного сосуда из глины с примесью песка. Встречались также обломки тонкостенной томленной посуды с хорошо заглаженными стенками.

8. Чертокское селище близ хут. Черток, на расстоянии 1—1,5 км ниже дер. Збляницы. Найдены ножевидная кремневая пластинка и фрагменты круговой керамики. Некоторые имеют желобчатый орнамент, покрывавший все тулово сосуда.

9. Понемонцкое селище на правом берегу Немана, на расстоянии полукилометра от дер. Понемонцы Желудокского района. На поверхности культурного слоя обнаружены девять кремневых ножевидных пластинок, два скребка, а также фрагменты круговой керамики. Некоторые из них имеют

в тесте незначительную примесь дресвы. Сосуды были орнаментированы желобчатыми и зигзагообразными линиями, проходившими по плечикам. Найдены фрагменты черной томленной прекрасной выработки посуды и один черепок сосуда с зеленой поливой по внутренней поверхности.

10. Песковцевское селище ниже дер. Песковцы Желудокского района, на крутом и обрывистом правом берегу Немана. Из всех обследованных селищ оно самое интересное. Культурный слой, мощностью от 20—25 см до 50—60 см, в отдельных местах был прослежен на протяжении 450 м в профиле современной канавы, идущей вдоль берега. Он состоял из темной земли с вкраплением углей, иногда довольно крупных.

Для изучения культурного слоя был заложен шурф (2 × 4 м) из двух равных квадратов. При выемке слоя встречались угли и куски обугленных толстых сучьев или жердей. Обнаружен фрагмент лепного сосуда с примесью дресвы в глиняной массе. При осмотре канавы и выброшенной из нее земли, а также поверхности участка селища собраны фрагменты грубой лепной керамики с примесью в глине крупных зерен дресвы (рис. 39 — 1-3). Один фрагмент грубого сосуда баночной формы имеет круглую несквозную ямку близ края. Два фрагмента лепных сосудов с налепным валиком, украшенным у основания ямочным орнаментом. Встречены также отщепы кремня и кремневая ножевидная пластинка.

11. Мотевичское селище на высоком коренном берегу Немана, в 300—400 м от дер. Мотевичи Желудокского района. Здесь найдены обломок маленькой четырехугольной железной пряжки и фрагменты круговой керамики. Сосуды с низкой шейкой и отогнутым наружу венчиком, на некоторых зигзагообразный орнамент.

12. Перекопское селище у местечка Перекоп Раковичского сельсовета Щучинского района. В обнажениях высокого правого берега Немана прослежен культурный слой мощностью 30—40 см. Местами были заметны углистые прослойки. Найдены три фрагмента круговой керамики, в тесте одного из них примесь дресвы.

13. Турейское селище на правом высоком берегу Немана между селением Турейск Желудокского района и сельским кладбищем. Собраны фрагменты круговой керамики с примесью крупного песка в тесте.

14. Селище Оменичи Волковисского района на расстоянии одного километра от хут. Оменичи на р. Волковые (в 3 км от г. Волковиска). Селище открыто в 1949 г. при дорожно-земляных работах директором Волковисского музея Г. И. Пех. Обследование поверхности культурного слоя, а также зачистка обнажений дали различную по технике изготовления керамику: грубую лепную посуду с примесью в тесте крупных зерен дресвы; у некоторых фрагментов такой посуды имеется штриховка на поверхности стенок; лепную тонкостенную посуду баночной формы с гладкой поверхностью стенок и примесью песка в тесте; круговую керамику с желобчатым и комбинированным (линии, волны, зигзаги) орнаментом; по технике изготовления и форме сосудов эта керамика сходна с найденной на Волковисском городище (рис. 39 — 4-7).

Обследованные селища на правом берегу Немана расположены довольно густо, особенно в пределах Желудокского района. Современные поселения имеют приблизительно ту же топографию, что и древние селища. Это объясняется тем, что и современные и древние населенные пункты располагались на наиболее возвышенных участках правого берега Немана, где почва супесчаная, тогда как в других местах почва либо песчаная, либо глинистая. Древние селища располагались там, где можно было заниматься земледелием.

Характерная особенность понеманских селищ в том, что многие из них находятся на месте неолитических стоянок. Удобные для заселения места правого берега использовались с древнейших времен.

Большинство селищ дало сравнительно поздний материал — керамику, изготовленную на ручном гончарном круге, по своему типу аналогичную найденной в древнейших слоях Гродно¹. Поэтому можно считать, что часть селищ относится к первым векам II тысячелетия н. э.

Некоторые из них, судя по отдельным находкам керамики, существовали очень долго (с XI по XVI—XVII в.).

Находки на части селищ (Второе Докудовское, Второе Збляницкое) лепной керамики позволяют отнести их возникновение к концу I тысячелетия н. э.

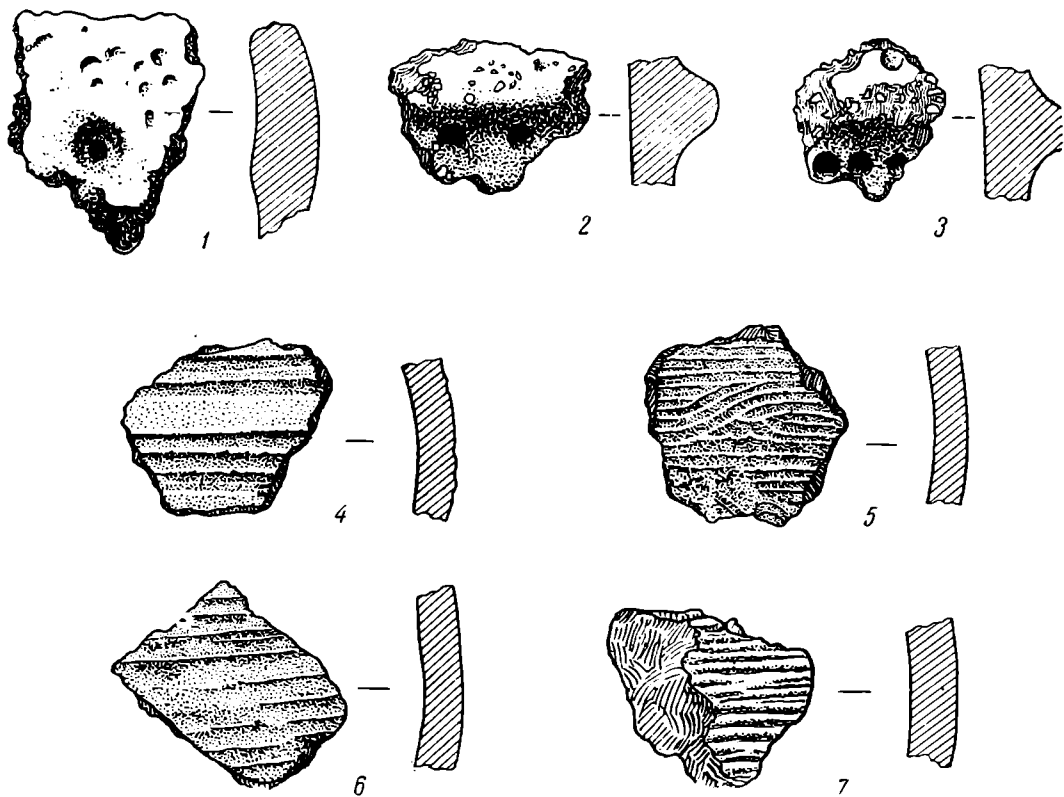

Рис. 39. Керамика с селищ Песковцевского (1-3) и Оменичи (4-7).

Наиболее древние селища — Песковцевское и Оменичи. По характеру найденной керамики возникновение Песковцевского селища можно отнести к I тысячелетию до н. э., а Оменичи — к началу нашей эры.

Городища. На обследованном участке Немана обнаружено только одно городище, бывшее, повидимому, сторожевым пунктом. Оно расположено в болотистой небольшой долине р. Ельвы, правого притока Немана, близ дороги, ведущей из с. Мосты в дер. Микелевщину. По виду городище напоминает большой курган. Это впечатление усугубляется тем, что площадка городища выпуклая. Высота его 6—7 м, окружность у основания 100 м. С южной стороны — хорошо сохранившийся вход протяженностью 30 м. На площадке отмечены три ямы — следы прежних раскопок. Судя по профилю ям, культурный слой на городище отсутствует.

В 12 км западнее Волковыска, на расстоянии 200 м от местечка Мстибово (бывшего древнерусского города Мстибов), среди болотистой долины р. Нетупы и ее притока Ольшанки находится Мстибовское болотное городище. В плане оно имеет вид правильного круга, окружено мощным

¹ Ф. Д. Гуревич. Из истории раннего Гродно. СА, т. XV, 1951, стр. 85—86.

кольцевым валом. Диаметр площадки городища, лежащей на уровне окружающей местности, около 35 м. Высота вала 8,5—9,5 м при ширине основания 16—17 м. С восточной стороны между валами имеется вход.

Для выяснения характера культурного слоя был заложен шурф размером в 30 м² в самом центре городища. Мощность культурного слоя здесь 30—40 см. Найдена круговая керамика с елочным, желобчатым и волнистым орнаментом. Некоторые фрагменты имеют в тесте незначительную примесь дресвы. Встречено несколько фрагментов лепной посуды баночной формы, обломок железного рыболовного крючка, кованые гвозди, куски глиняной обмазки. На основании найденной керамики городище можно датировать X—XI вв. Позднее оно было использовано как укрепленная часть города Мстивов. Раскопки обнаружили в центре городища колодец XVII в., в котором сохранились — часть деревянного сруба, обломки колодезного «журавля», фрагменты глиняных кувшинов, части деревянной бадейки.

Таким образом, разведка по Неману обнаружила самые разнообразные памятники, частично заполнив белое пятно на археологической карте Гродненской области. Проведенная работа — лишь первые шаги в изучении этого весьма интересного в археологическом отношении края.

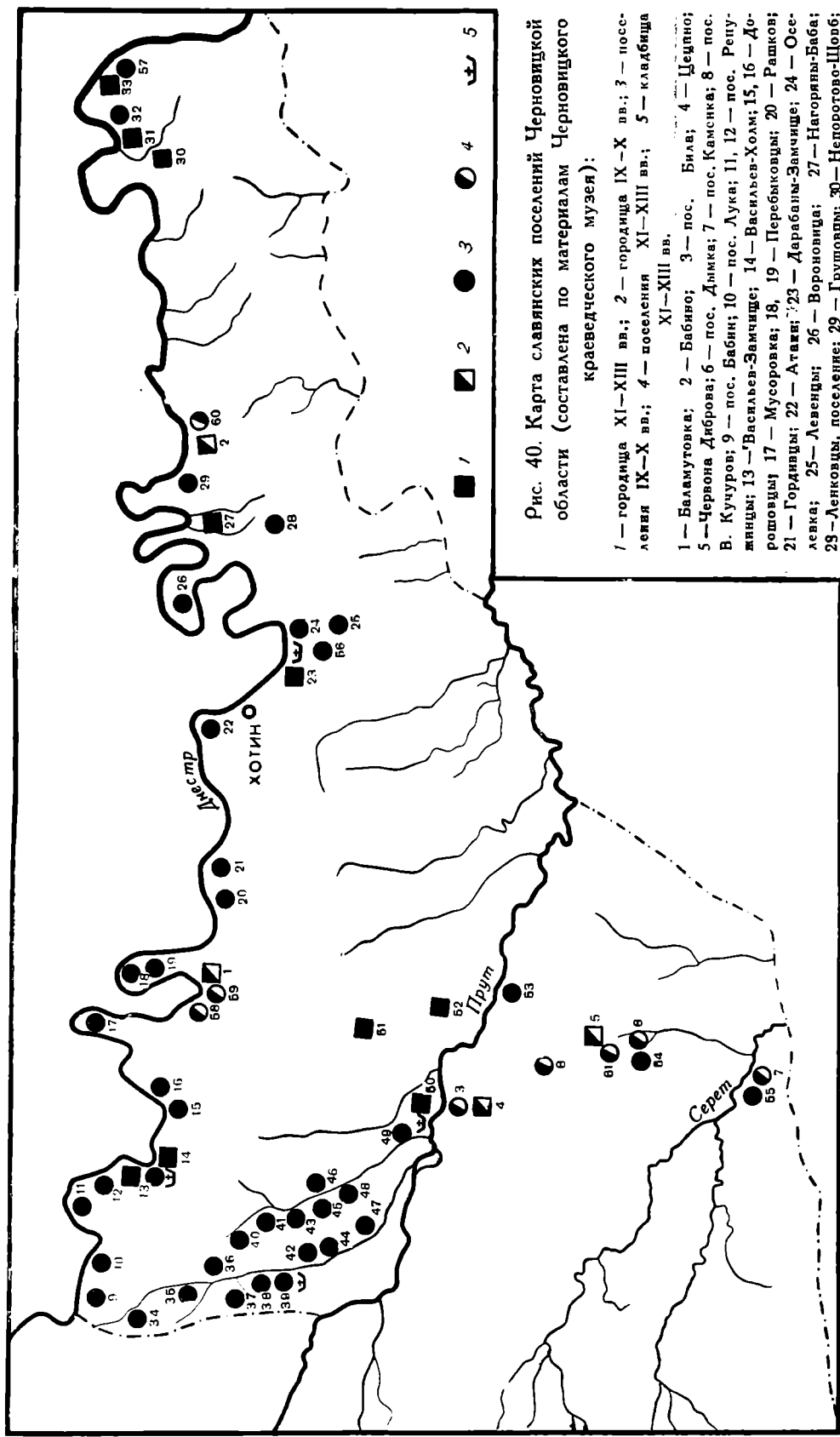

Рис. 40. Карта славянских поселений Черновицкой области (составлена по материалам Черновицкого краеведческого музея):

1 — городища XI—XIII вв.; 2 — городища IX—X вв.; 3 — поселения IX—X вв.; 4 — поселения XI—XIII вв.; 5 — кладбища XI—XIII вв.

1 — Баламутовка; 2 — Бабино; 3 — пос. Била; 4 — Цейдино; 5 — Червона Диброва; 6 — пос. Дымка; 7 — пос. Каменка; 8 — пос. В. Кучуров; 9 — пос. Бабин; 10 — пос. Лука; 11, 12 — пос. Ретуляны; 13 — Васильев-Замчище; 14 — Васильев-Холм; 15, 16 — Дорошовцы; 17 — Мусоровка; 18, 19 — Перебьковцы; 20 — Рашков; 21 — Гордицы; 22 — Атаки; 23 — Дарабалы-Замчище; 24 — Оселевка; 25 — Левенцы; 26 — Вороновица; 27 — Нагорья-Баба; 28 — Ленковцы, поселение; 29 — Грушовцы; 30 — Непорогово-Щорб; 31 — Непорогово-Галца; 32 — Непорогово, поселение; 33 — Ломачцы, городище; 34 — Боровцы; 35 — Шатковцы; 36 — Ставчаны; 37 — Мавлягиды; 38 — Гавряловцы; 39 — Ивакковцы; 40 — Давидовцы; 41 — Живодын; 42 — Дубовцы; 43 — Суховерхов; 44 — Шипинцы; 45, 46 — Кицмань; 47 — Шипинцы; 48 — Лашковка; 49 — Новоселка; 50 — Ленковцы, крепость у дороги; 51 — В. Шеровцы; 52 — Магала; 53 — Острица; 54 — Дымка, поселение; 55 — Каменка; 56 — Оселевка; 57 — Ломачинцы, поселение; 58, 59 — Баламутовка, поселения; 60 — Бабино; 61 — Червона Диброва, поселение.

61 — Червона Диброва, поселение.

Магала — урочище Круглый вал. Эти городища по своему типу аналогичны расположенным в окрестностях древнерусского Галича¹.

В летописях имеются прямые указания на существование под Галичем монастырских укреплений и укрепленных дворов крупнейших галицких бояр². Поэтому есть основания считать городища, расположенные в окрестностях Галича, остатками феодальных замков, независимо от того, были ли они укрепленными усадьбами бояр (светские феодалы) или монастырскими укреплениями (духовные феодалы).

Городища — остатки феодальных замков существенным образом отличаются от городищ — остатков древнерусских городов. Ф. Энгельс указывает, что городские «крепости были гораздо более неприступными, чем дворянские замки»³.

Древнерусские города имели сложную систему укреплений и, как правило, состояли из двух оборонительных частей: детинца и укрепленного торгово-ремесленного посада⁴. В феодальных замках укреплялась только одна часть — усадьба.

На территории Галича обнаружены городища двух типов: остатки древнерусских городов и остатки феодальных замков.

Выделение в древнерусском Галиче городищ — феодальных замков имеет для нас существенное значение. Путем сопоставления с галицкими городищами, известными по письменным источникам и изученным археологически, мы имеем возможность отнести большую группу древнерусских городищ Северной Буковины к типу феодальных замков.

Это сопоставление важно для нас потому, что на многих городищах Северной Буковины культурный слой маловыразителен и исследование его дает незначительные материалы.

На территории Северной Буковины есть городища — остатки монастырских укреплений. Пример такого типа — Галица в с. Непоротово Секирянского района (рис. 41—1). Городище, расположенное на высоком мысу, служило укреплением пещерного монастыря. Пещерный храм и окружающая его небольшая, диаметром 50 м, площадка, на которой имеется культурный слой XI—XIII вв., укреплены двумя дугообразными валами: первый, непосредственно ограничивающий площадку, имеет высоту 1,5 м при ширине 14 м. С внешней стороны его проходит ров шириной около 10 м при глубине до 2,5 м; второй вал меньше: его ширина 10 м, высота около 1 м. Посредине дуги вала прослеживается въезд шириной до 8 м.

В 1 км от Галицы на высоком мысу правого берега Днестра находится другое городище — Щовб. Площадка его, на которой выступает культурный слой XI—XIII вв., укреплена с напольной стороны дугообразным валом и рвом. Щовб, повидимому, можно считать остатками укрепленной феодальной усадьбы (рис. 41—2).

Очень интересны городища XI—XIII вв., являющиеся стратегическими укреплениями возле водных и сухопутных дорог. Топографические условия их местоположений иные, чем городищ — феодальных замков. Последние располагаются на высоких мысах и холмах, тогда как городища, являющиеся стратегическими укреплениями у дорог, встречаются на первых надпойменных террасах, где и проходили дороги.

В систему укреплений сухопутной дороги, идущей вдоль левого берега Прута, входило Ленковецкое городище на северо-западной окраине

¹ Л. Чачковский, Я. Хмелевский. Княжий Галич. Станіслав, 1938, стр. 10—13 и 34—37.

² ПСРЛ, т. II, стр. 758.

³ Ф. Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, § 1, стр. 440.

⁴ Н. Н. Воронин. Крепостные сооружения. «История культуры древней Руси», т. I, стр. 454.

г. Черновцы, приблизительно в 1,5 км от реки. Левый берег Прута представляет собой широкую долину, которая с древнейших времен была пре-

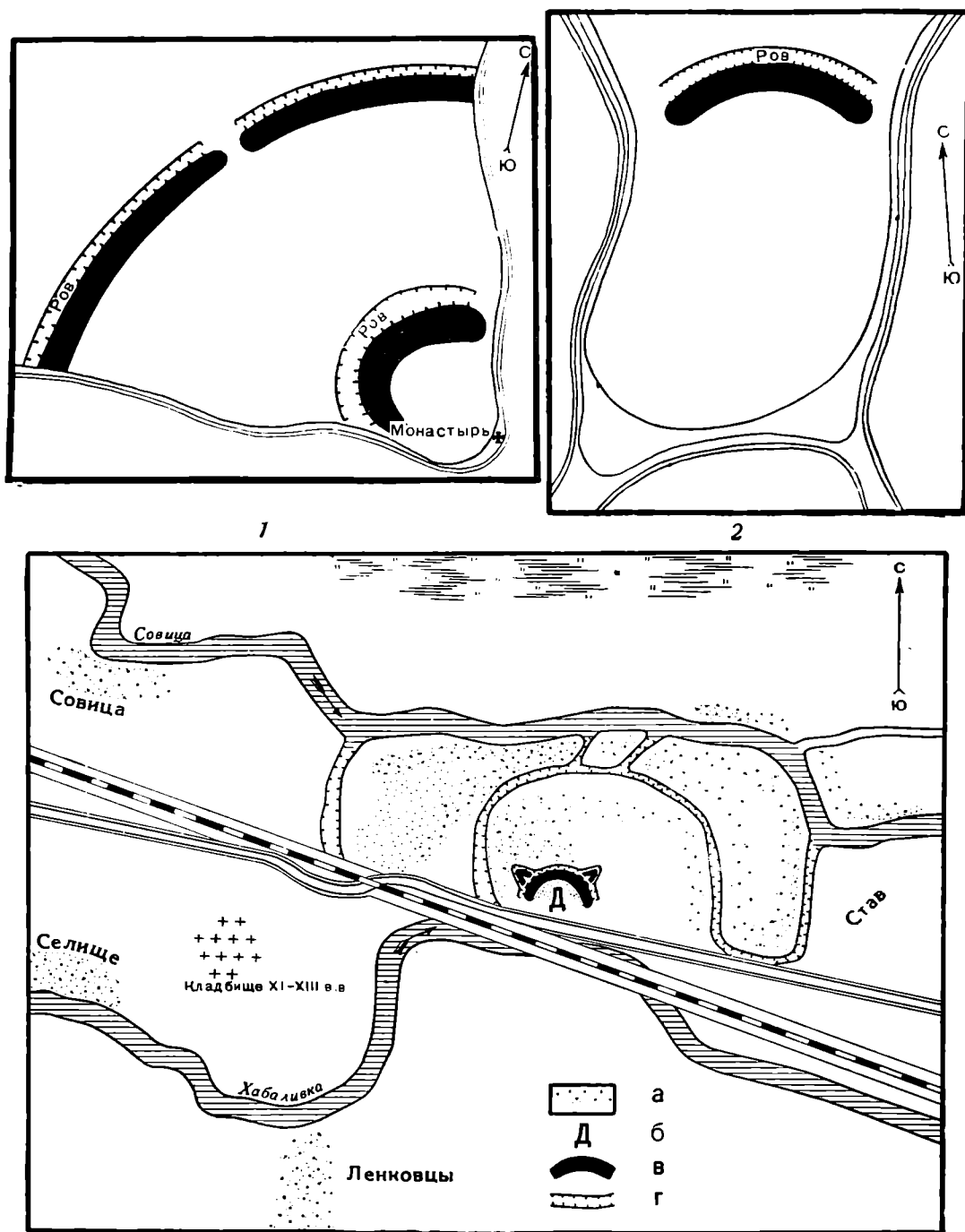

Рис. 41. Схематические планы славянских городищ Северной Буковины:

1 — городище Галица; 2 — городище Щовб; 3 — Ленковское городище.
 а — распространение керамики XI—XIII вв; б — детинец; в — вал; г — ров.

красным местом для поселений, а с развитием сухопутного транспорта стала удобной дорогой Прикарпатья, холмистая поверхность которого изрезана глубокими оврагами. В XII—XIII вв. этой долиной проходил сухопутный

торговый путь из Галича к берегам Черного моря, а в районе современных Черновиц ответвлялся торговый путь в Семиградье. На перекрестке торговых путей и было расположено Ленковецкое городище (рис. 41—3). Местом для его постройки избран своеобразный коридор, шириной в 300 м, образованный р. Совицей и рукавом Прута Хабаливкой. Заболоченная с севера и изрезанная ручьями в южной части долина Прута была проходимой для торговых караванов только через этот коридор. Постройкой городища был закрыт проход вдоль левого берега Прута, и торговый путь поставлен под контроль. Имея большое стратегическое значение, Ленковецкое городище было укреплено сложной системой оборонительных сооружений.

Укрепления городища представляют в плане приблизительно прямоугольник, вытянутый вдоль коридора. Почти в центре оборонительной системы находится детинец — наиболее укрепленная часть городища. Детинец расположен на небольшом возвышении (около 4 м высоты) и занимает господствующее положение над долиной Прута. Площадка городища имеет форму правильного овала; больший ее диаметр — 80 м. Она ограничена земляным валом и рвом. Сохранилась только северная часть детинца; южная часть уничтожена современной дорогой. Высота вала теперь 3,5 м при ширине в основании 14 м. Ров, проходящий с внешней стороны вала, имеет ширину 8 м при глубине 1,5 м. Интересную деталь укреплений детинца представляют выдвинутые за линию рва башни. Остатки двух башен в виде земляных насыпей сохранились в северной части детинца. Лучше сохранились остатки северо-западной башни. В плане она представляет треугольник, обращенный основанием к детинцу, а вершиной к открытой местности. Насыпь башни входит в ров детинца, образуя два выступа. Соответственно, такие же выступы есть и со стороны вала. Наличие их указывает на связь башни с валом. Вокруг башни прослеживаются следы рва шириной в 4 м. Такой же характер имеют и остатки северо-восточной башни.

Башни, вероятно, построены одновременно с валом детинца и в его обороне им принадлежала большая роль¹. Они давали возможность поставить наступающего врага под перекрестный обстрел, что значительно усиливало оборону.

Укрепления детинца дополнялись внешним рвом, шириной в 6 м, глубиной 2 м, проходящим параллельно сохранившемуся валу. Внешние укрепления городища: с севера — русло р. Совицы, с юга — р. Хабаливки, с востока и запада — искусственно выкопанные рвы, соединенные с р. Совицей. Все реки были соединены между собой перемычными рвами для наполнения водой. В восточной части городища находился став, служивший резервуаром воды для рвов. Теперь от става сохранилось только лишь название «Ставицько».

К системе укреплений городища следует также отнести остатки сигнальной вышки, расположенной в 4,5 км к западу. Это насыпной курган высотой 1,5 м, 30 м в диаметре. Во время раскопок кургана следов погребения не обнаружено; в сильно утрамбованной насыпи вскрыты остатки сгоревших столбов, повидимому от деревянной вышки. Само расположение кургана, на небольшом расстоянии от городища, находка остатков столбов дают основание считать его остатками сигнальной вышки, с которой могли оповещать Ленковецкую крепость о продвижениях торговых караванов, приближении врага и т. п. сторожевые пункты в виде курганов известны и на других древнерусских городищах².

Культурный слой городища датируется XI—XII вв. К характерным находкам относятся обломки стеклянных браслетов, шиферные пряслица,

¹ Однако не исключена возможность, что «башни» значительно более позднего происхождения (примеч. редакции).

² А. В. Добровольский. Развідка Місцевості від с. Вишгорода до с. Бірок. Археологічні пам'ятники УРСР, т. III.

поливные плитки, железная шпора с коническим острием, глиняная посуда, которая по типам и особенностям полностью повторяет глиняную посуду древнерусского Галича. Найдено много обломков грушевидных амфор с высокоподнятыми ручками, которые датируются XII—XIII вв.¹

Около водной дороги на Днестре, в с. Васильеве Заставновского района, обнаружено городище, которое, видимо, связано с упоминаемым в летописи Васильевом — крупным населенным пунктом Галицко-Волынского княжества².

Поселение занимало надпойменную террасу Днестра, протянувшись вдоль его правого берега более чем на 2 км.

В южной части на урочище Глинище обнаружены остатки каменной церкви. Возле нее было расположено большое христианское кладбище XI—XIII вв. с погребениями в обыкновенных грунтовых ямах, в ямах под каменными плитами и в каменных саркофагах. На самом высоком холме, в южной же части, находится городище — остатки феодального замка, а в северной части — городище Замчище, остатки укрепленной пристани на Днестре. Оно расположено на первой надпойменной террасе у самого русла реки. Со стороны Днестра прослеживается въезд в виде земляной насыпи, шириной 6 м, идущей от реки к первой береговой террасе.

Местонахождение летописных населенных пунктов Онута³ и Хотина⁴ до сих пор не установлено. На территории современного Хотина, несмотря на тщательные археологические поиски, не найдено никаких древнерусских памятников материальной культуры.

На территории Хотинской крепости обнаружены остатки трипольского поселения, выше залегают слои XIV—XVI вв. Каменная цитадель Хотинской крепости построена приблизительно в XV в. Наличие культурных слоев более раннего времени дает основание допустить существование деревянного укрепления в Хотине в XIV в., но не раньше.

По всей вероятности Воскресенская летопись упоминает Хотин времен составления списка русских городов, т. е. XIV—XV вв.

Древнерусские неукрепленные поселения на территории Северной Буковины встречаются в значительно большем количестве, чем городища.

Большинство обнаруженных неукрепленных поселений расположено в открытой местности, по берегам рек и болот, но некоторая часть их располагается в местностях, естественно хорошо укрепленных. Несомненно, что отдельные поселения в древности имели искусственные укрепления, о чем свидетельствуют топографические названия. Например, у с. Бабин Заставновского района есть древнерусское поселение на высоком мысу правого берега Днестра. Название места поселения «Городище» указывает на то, что в древности оно было укреплено.

На всех городищах и поселениях XI—XIII вв. встречаются однотипные находки: древнерусская керамика, сделанная на кругу, шиферные пряслица, стеклянные браслеты, каменные нательные крестики и т. д., которым находим полную аналогию в материалах Галича.

Успешное археологическое изучение древнерусских поселений на территории, входившей в состав Галицко-Волынского княжества, в значительной мере зависит от изученности столицы княжества — Галича. Поэтому широкие исследования на его территории — первоочередная задача в изучении древнерусских поселений Прикарпатья.

¹ А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, т. XV.

² Б. О. Тимошук. Археологічні пам'ятки с. Васильєва Чернівецької області. Археологічні пам'ятники УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 396—400.

³ ПСРЛ, т. II, стр. 761.

⁴ ПСРЛ, т. VII, стр. 240—241. В 1954 г. у с. Онут, Заставновского района и уроч. Клынья обнаружена древнерусская керамика. Возможно, это остатки летописного Онута.

Термин «харинские» введен А. В. Шмидтом для обозначения археологических памятников эпохи переселения народов в Верхнем и Среднем Прикамье¹. Для пополнения материалов, относящихся к харинскому времени, нами проведены раскопки курганного могильника у д. Бурково, в 3 км от берега Камы. Общая площадь могильника более гектара, но большая часть его распахана, и курганы сохранились лишь в западном конце (раскоп I), где они были расположены рядами с севера на юг. Насыпи сильно оплыли, высота редко превышает 0,5 м, форма их чаще всего круглая (диаметр 5—10 м), но есть и несколько вытянутых длинных; на вершинах большинства курганов видны грабительские ямы.

Раскопом I вскрыто 15 насыпей, под которыми обнаружено 33 погребения. Большая часть курганов содержала по одному погребению; под четырьмя было по 2—4 погребения, а под курганом № 2 обнаружено 12 могильных ям. Все могильные ямы ориентированы с востока на запад. Незначительные отклонения от этой ориентировки очень редки. Могильные ямы в курганах, где несколько погребений под одной насыпью идут рядами с севера на юг.

Раскоп III заложен на распаханной площади; здесь вскрыто 25 могильных ям. Ориентировка их аналогична обнаруженной в раскопе I: рядами с севера на юг и обычно очень близко друг к другу. Найти границы возможно существовавших курганных насыпей не удалось.

Размеры могильных ям довольно значительны: глубина 0,32—1,3 м от погребенной почвы, длина до 2,5—3 м и ширина почти всегда более 1 м. В большинстве могил на дне обнаружены остатки срубов в один венец. Сверху он перекрывался толстыми плахами. Интересно устройство углов сруба: в продольных бревнах вырублен небольшой уступ, куда помещались концы поперечного бревна; диаметр бревен 19—22 см.

Большая часть вскрытых погребений ограблена. Костяки почти не сохранились, однако по незначительным остаткам в некоторых могилах (фрагменты конечностей, коронки зубов и пр.) и по находкам во многих могилах двух пар обувных пряжек, обычно в западном конце могилы, можно заключить, что везде погребенные лежали головами на восток.

В кургане № 1 и в нескольких могилах раскопа III обнаружены погребения с трупосожжением. Так, в погребении № 13 раскопа III, в восточном конце могильной ямы, находилась куча жженных костей, в западном — линза угольков и отдельные жженные кости. Вещей в этих погребениях обычно нет. Вещественный материал из раскопок не очень разнообразен. Наиболее многочисленны обувные и поясные пряжки, довольно однотипные по форме и устройству (рис. 42—1, 2). Из бус чаще всего встречаются плоские, из оранжевой стекловидной массы (рис. 42—5, 6) и круглые краснопастовые. Найден мелкий бисер желтого и зеленого цвета и украшенная зернью и сканью пустотелая золотая серьга, очевидно причерноморского происхождения (рис. 43).

В погребениях часто встречаются оружие и конская сбруя. Среди находок: удила двусоставные с большими кольцами (рис. 42—9); ножи и отличающиеся лишь большим размером кинжалы, однолезвийные с желобками вдоль клинка и уступчиками у перехода к плоской рукояти; наконечники копий или дротиков, небольшие по размеру с плоским или четырехгранным пером (рис. 42—7, 8); два меча: один небольшой однолезвийный в деревянных ножнах, обтянутых кожей и украшенных бронзовыми и медными накладками, напоминающий мечи древней сарматской формы; нижний конец ножен пристегивался к бедру; другой — длинный, с двусторонним лезвием и перекрестием. Остатки мечей этого типа обнаружены еще в нескольких разграбленных погребениях.

¹ A. W. Schmidt. Kačka. ESA, I, Helsinki, 1927.

Сосуды в погребениях не встречены. Находятся они изредка под насыпями курганов около могильных ям.

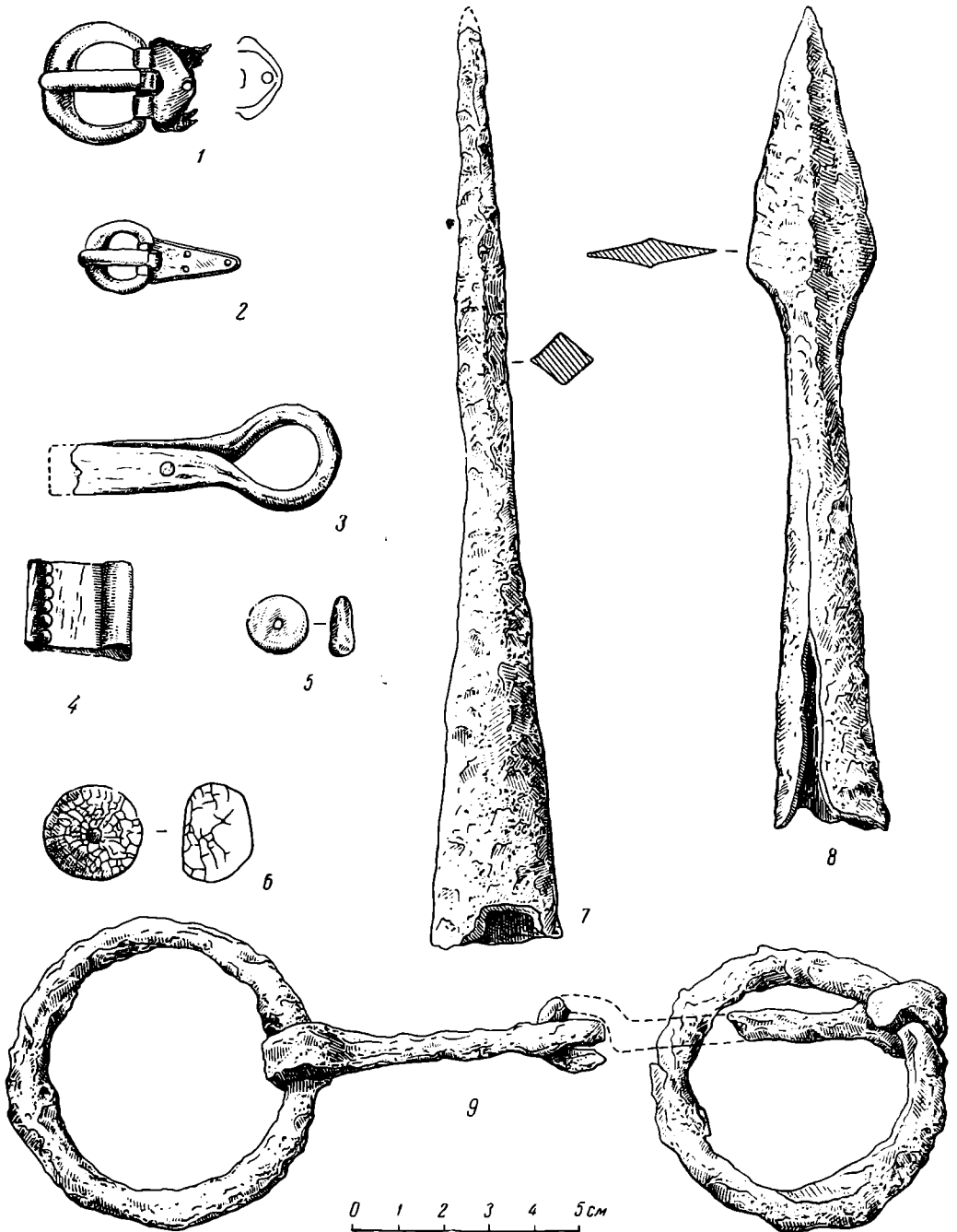

Рис. 42. Вещи из Бурковского курганного могильника:

1, 2 — медные пряжки; 3 — медный крючок от узда; 4 — серебряный наконечник ремня; 5, 6 — бусы; 7, 8 — железные наконечники копий; 9 — железные удила.

Время захоронений Бурковского могильника определяется по многим аналогиям с вещами из раскопок Качкинского¹ и Харинского² курганных могильников Прикамья. А. В. Шмидт датировал курганные захоронения

¹ А. В. Schmidt. Указ. соч.

² ОАК за 1900 г. СПб., 1902, стр. 87—88; за 1901 г. СПб., 1903, стр. 115.

Прикамья харинского облика на основании аналогий с вещами в керченских погребениях временем от III до начала V в. н. э. Вряд ли будет ошибкой считать, что предметы описанных типов употреблялись на севере в несколько более позднее время, чем на юге. Поэтому и следует датировать харинское время второй половиной IV и V вв.¹

Из поселений харинского времени раскопкам в 1951—1952 гг. подверглось Опутятское городище, в 3 км к северо-западу от Бурковского могильника. Городище занимает длинную, полого спускающуюся к востоку стрелку между двумя глубокими логами. С запада оно укреплено пятью рядами рвов и валов. С востока один из раздваивающихся концов стрелки также перерезан небольшим валом и рвом. Раскопками вскрыта площадь в 5552 м² и при исследовании укреплений проложено 74 траншеи. Рвы в древности были шириной до 2 м и глубиной до 1 м. Высота насыпи валов до 2,5 м. Наружный (I), внутренний (V) и восточный (VI) валы в древности были укреплены со стороны площадки городища деревянными стенами.

Рис. 43. Золотая серьга из погребения под курганом № 14. Бурковский могильник.

Культурный слой на большей части площадки не превышал 0,15—0,2 м и лишь в одном месте, там, где врезается небольшой лог, доходил до 0,8 м. На вскрытой площади обнаружено 46 больших и много мелких ям различной формы и остатки 16 кострищ-очагов. Ямы расположены в большинстве группами, по две-три, в сочетании с кострищами-очагами. Во многих крупных ямах на дне обнаружено сильно прокаленное пятно. Назначение многих ям пока не ясно. Некоторые из них, по аналогии с ямами-кладовыми на Зародятском селище (раскопки 1952 г.) и Родановом городище², следует увязывать с устройством жилищ, но это пока не удастся сделать, так как нет почти никаких остатков жилищ. Все ямы этого типа находятся на южной стороне городища.

На северной половине городища группируются остатки производственных сооружений, в частности трех кузниц, вокруг которых обнаружено очень много шлаков и железных криц. Здесь же найдены обломки тиглей, заготовки, кузнечные инструменты. Очень интересно устройство ям для выплавки железа. Яма № 9 была почти вся забита шлаком, углем, ошлакованной рудой и обожженными кусочками глины. Яма использовалась дважды, что видно по профилю (рис. 44): на дне ее и несколько выше зафиксированы по два чашеобразных углубления, куда собиралось выплавленное железо. Именно такую форму имели все найденные на городище крицы. Плавка проходила, вероятно, в одной половине ямы, где устанавливалась рама — ящик из досок, покрытых изнутри слоем глины. Дальнейшая обработка — проковка криц при помощи тяжелых каменных молотов проходила здесь же, после нагревания в наземных очагах-кострищах.

В материале из раскопок преобладает керамика. Много каменных пестов и шаров, есть плиты-зернотерки и плиты-куранты. В одной из ям-кладовых в 1952 г. найдены обугленные зерна злаков.

Из костяных поделок есть наконечники стрел (рис. 45 — 8-10), шилья, иглы. Украшения представлены проволочным браслетом, обломком бронзового конька (рис. 45 — 3) и бусами, круглыми краснопастовыми и в виде трубочки из разноцветной пасты (рис. 45 — 4, 5).

¹ А. W. Schmidt. Указ. соч., стр. 31.

² М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951.

Определить дату первоначального заселения городища очень трудно. В коллекции нет ярких датирующих вещей, да и сами городища харинского времени не были известны.

Железные ножи Опутятского городища (рис. 45—6, 7) однотипны с ножами из Бурковского и Качкинского могильников. Краснопастовые бусы сходны с такими же бусами из Бурковского могильника и Георгиевского клада. Медные ювелирные шипчики и пластинка из белого сплава (рис. 45—1, 2) имеют аналогию с такими же вещами из Харинского могильника¹. Глиняные пряслица таких же форм и орнаментации (рис. 45—11, 12) найдены на городищах Антоновцы², Вереинском³ и Гарамиха⁴. В Антоновцах найден наконечник копья⁵, аналогичный копью из Бурков-

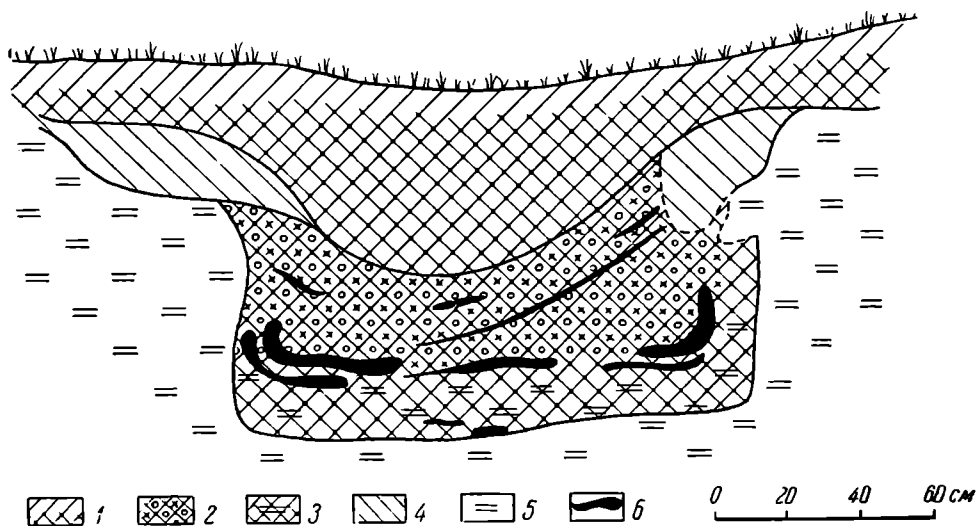

Рис. 44. Опутятское городище. Профиль ямы для выплавки железа:

1 — дерновый слой и чернозем; 2 — чернозем с галечником и углем; 3 — культурный слой, смешанный с глиной; 4 — суглинок; 5 — подстилающая красная глина; 6 — мелкий галечник с сильной примесью угля, песка, жевых костей и красно-коричневой глины.

ского могильника, а на Гарамихе большая бусина из такой же стекловидной оранжевой массы⁶, аналогичная большинству бус Бурковского могильника.

Таким образом, Опутятское городище можно определенно отнести к харинскому времени, на что указывает и весьма своеобразная керамика.

Решение вопроса о датировке Опутятского городища делает возможным более точно датировать многочисленные городища со сходным Опутятскому вещевым материалом и выделить из числа памятников ломоватовской культуры VI—IX вв. городища, которые, как теперь выясняется, должны быть отнесены к более раннему — харинскому времени. Как показали полевые исследования, все городища Прикамья IV—VIII вв. имеют очень незначительный культурный слой (20—25 см) с единичными находками, преимущественно мелких фрагментов керамики. А очень часто вообще не удается получить вещественного материала.

¹ Коллекция № 570 Государственного Эрмитажа.

² А. А. Спицын. Древности Камской Чуди. МАР, вып. 26. СПб., 1902, табл. XVIII, 18.

³ М. В. Талицкий. Обследования р. Чусовой. Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941, стр. 128, табл. XIX, 14, 23.

⁴ А. А. Спицын. Указ. соч., табл. XVIII, 19.

⁵ Там же, табл. XXVII, 14.

⁶ Там же, табл. XXIV, 30.

Важным моментом в определении времени существования городищ ломоватовского типа может служить их площадь. Опутятское городище имеет площадь около 18 тыс. м², Антоновцы — около 40 тыс., Гарамиха более 8 тыс. В этом же районе, на городищах Медведица и Морочатском (площадь каждого более 10 тыс. м²), найдены вещи харинского типа¹ и монеты Пируза (438—485 гг.) и Кавада (491—531 гг.)².

В бассейне р. Иньвы расположена большая группа городищ, отнесенных М. В. Талицким к ломоватовской культуре. Размеры площадей этих городищ — в пределах 700—3300 м². Просматривая довольно многочисленные случайные находки из этого района, нетрудно убедиться, что среди них нет находок, относящихся к харинскому времени, а имеется много вещей VI—VIII вв. Аналогичное явление можно проследить в среднем и верхнем течении р. Сылвы.

Все это приводит к заключению, что прикамские городища ломоватовского типа включают в себя городища IV—VIII вв., из которых городища с площадью более 7—8 тыс. м² следует отнести к харинскому времени (IV—V вв.), а с площадью до 3—4 тыс. м² — к неволинскому (VI—VIII вв.).

Более определенно можно датировать теперь и период харинского времени в Прикамье. Находки монет конца V и начала VI в. на Медведицком и Морочатском городищах свидетельствуют о том, что эти городища обитались, видимо, еще в первой половине VI в.

В 1952 г. было полностью раскопано Усть-Туйское костыще, находящееся в 2 км к востоку от Бурковского могильника, на берегу Камы. Расположение костных остатков здесь представляет в основном ту же картину, что и в Гляденовском костыще³, с той лишь разницей, что Усть-Туйское значительно меньше по площади (слой сырых костей занимает всего 210 м², а наибольшее скопление жженных костей 50 м²) и имеет менее мощный культурный слой (наибольшая толщина 0,5 м).

Основная масса вещевого материала концентрировалась в центре костыща, в слое скопления жженных костей, и по краям. Именно здесь найдены глиняные жертвенные чашечки, бронзовый идол, птичка и большая часть других вещей, кроме фрагментов бытовой керамики. В слое сырых костей изредка попадались наконечники стрел, бусы и бытовая керамика. За пределом этого слоя находки единичны; чаще всего встречаются лишь фрагменты бытовых сосудов.

Уловить какой-либо порядок в размещении отдельных вещей, отмеченный в одном случае на Гляденовском костыще⁴, здесь не удалось. К сожалению, полевые наблюдения не внесли почти ничего нового в освещение вопроса о назначении костыщ⁵.

Среди весьма немногочисленных (особенно по сравнению с Гляденовским) находок с Усть-Туйского костыща преобладают костяные наконечники стрел и бусы. Найдено несколько плоских железных наконечников стрел (рис. 46 — 9-11), миниатюрный железный кельт, железные ножи,

¹ А. А. Спицын. Указ. соч., табл. XXIV, 29; XXXVI, 26, кроме того, вещи из коллекции Теплоуховых в Молотовском областном музее.

² Ф. А. Теплоухов. Древности Пермской чуди из серебра и золота. Сб. «Пермский край», т. III. Пермь, 1895, стр. 271.

³ Н. Н. Новокрещенных. Гляденовское костыще. Тр. Перм. ученой архивной комиссии, вып. XI, 1914, стр. 30—32.

⁴ Там же, стр. 36.

⁵ В статье «К вопросу о гляденовской культуре» автор совместно с В. А. Обориным доказывал, что древние костыща Прикамья — это коллективные могильники с обрядом трупосожжения, существовавшим в гляденовское время. Авторы не касались вопроса датировки костыщ, ссылаясь на дату, предложенную А. В. Шмидтом. Изменение даты малых костыщ в связи с исследованием Усть-Туйского не противоречит выдвинутому положению, что костыща — это могильники с трупосожжением.

бронзовые идол, птичка (рис. 46—1, 2) и обломки крыльев от птицевидного идола. Из украшений — несколько медных бляшек и подвеска (рис. 46—3).

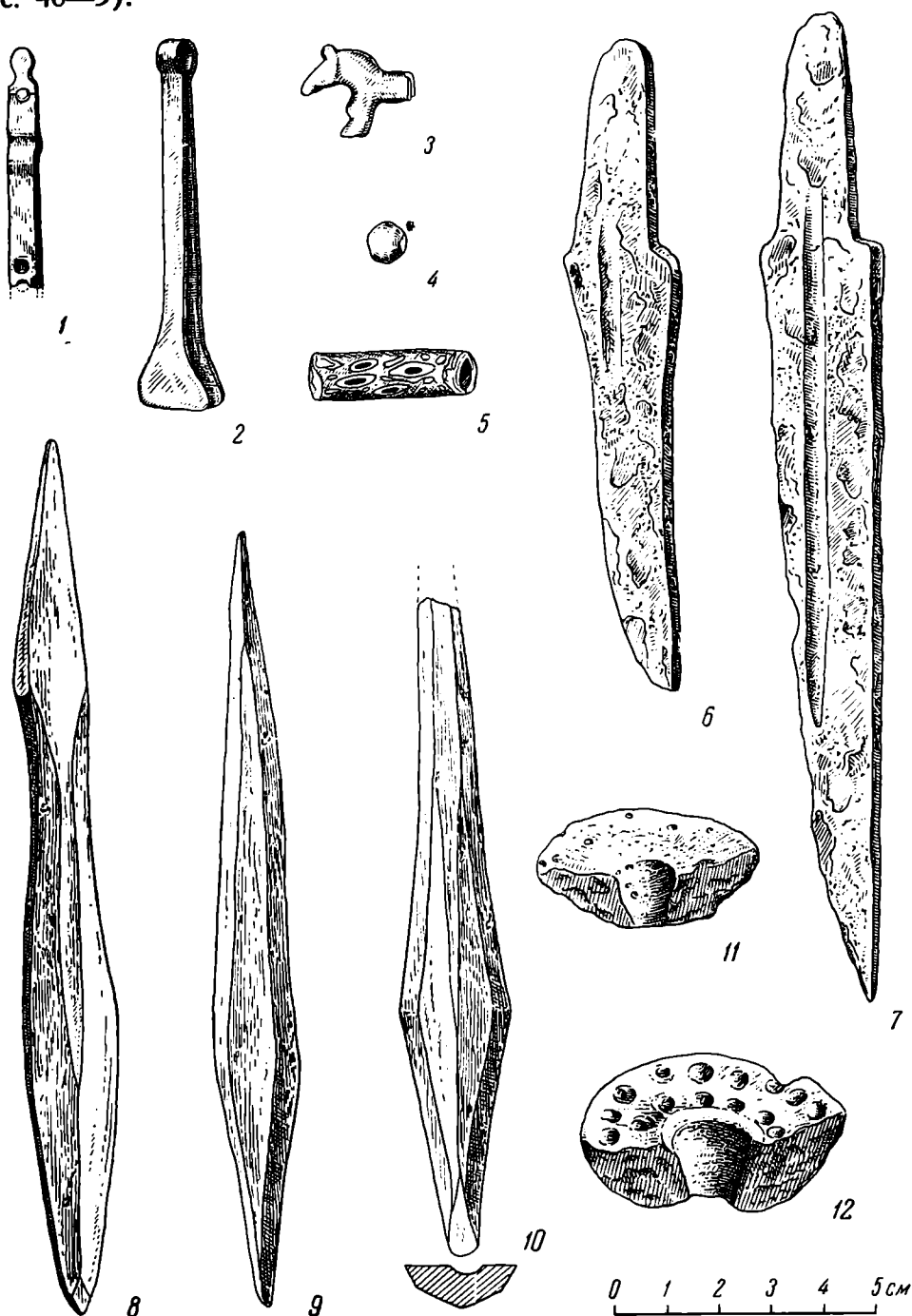

Рис. 45. Вещи с Опутятского городища:

1 — пластинка из белого сплава; 2 — ювелирные щипчики; 3 — обломок бронзового конька; 4 — бусина из красной пасты; 5 — многоцветная пастовая бусина; 6, 7 — железные ножи; 8, 9, 10 — костяные наконечники стрел; 11, 12 — гальчатые прясла.

Датирующим материалом могут служить бусина из красной пасты и железный нож, аналогичные находкам с Опутятского городища и Бурковского могильника.

При сравнении устьтуйского материала с материалом Гляденовского костяща можно увидеть довольно большую разницу в соотношении числа

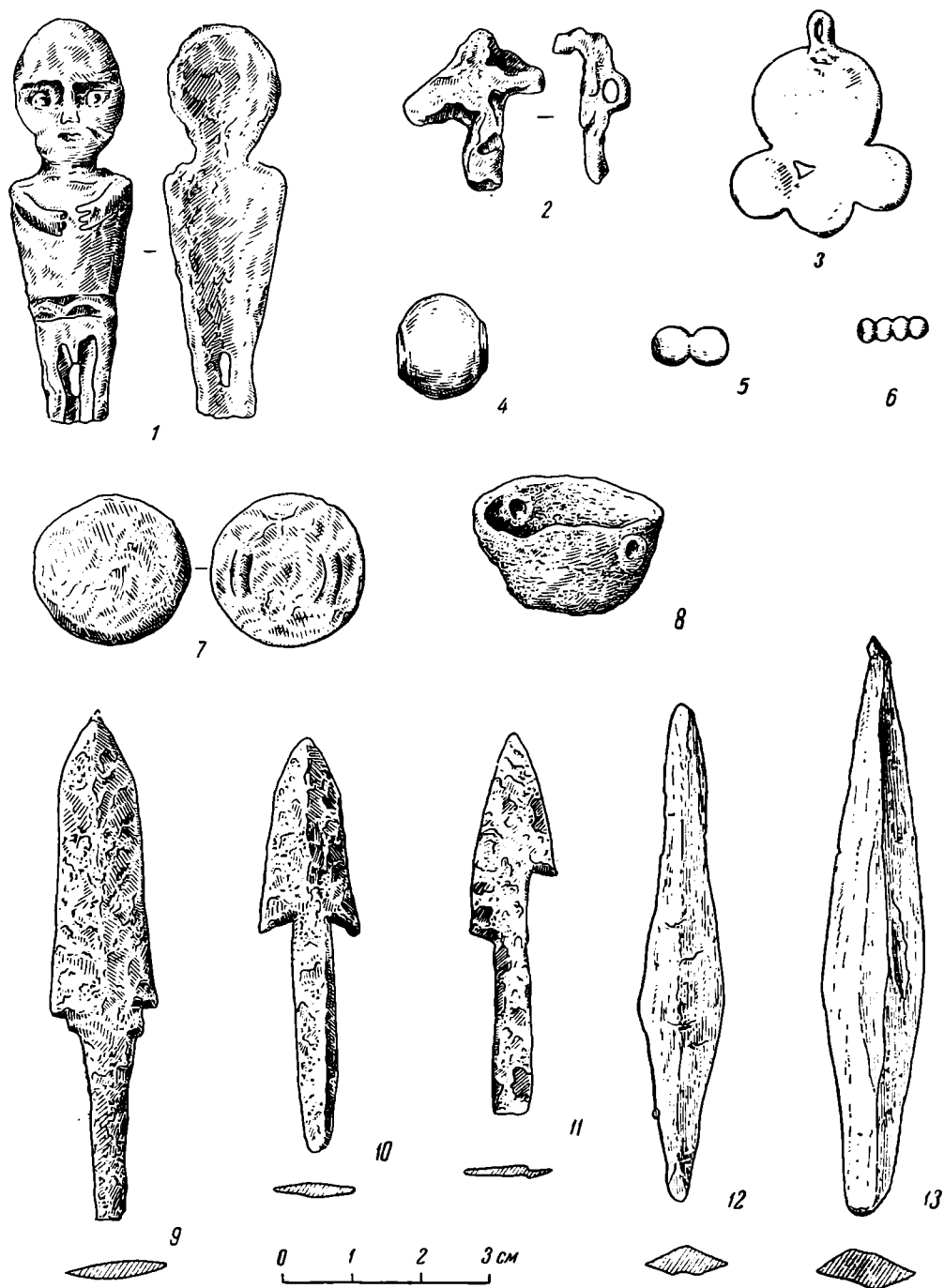

Рис. 46. Вещи из Усть-Туйского костяща:

1 — бронзовый идол; 2 — бронзовая птичка; 3 — подвеска из белого сплава; 4, 5, 6 — стеклянные золоченые бусы; 7 — бронзовая бляшка; 8 — глиняный жертвенный сосудик; 9, 10, 11 — железные наконечники стрел; 12, 13 — костяные наконечники стрел.

отдельных типов вещей, например наконечников стрел. В Гляденовском костяще значительный процент составляют небольшие трехгранные наконечники стрел.

нечники стрел¹, на Усть-Туйском же — трехгранные наконечники крупных размеров, составляют только 6% общего количества. На Усть-Туйском костыше не обнаружено ни медных, ни железных трехлопастных наконечников стрел, столь многочисленных на Гляденовском. Нет здесь и так называемых железных стержней².

В Гляденовском костыше найдено много мелких бронзовых бус (19%), на Усть-Туйском их всего 3 экземпляра.

Техника изготовления устьтуйского идола (рис. 46 — 1) — литье не характерно для большинства изделий Гляденовского костыша. Гляденовские птички с ушком сзади обычно хорошо уравниваются в горизонтальном положении. Устьтуйская птичка (рис. 46 — 2) сделана небрежно, равновесия нет, чувствуется упадок техники изготовления подобных предметов.

Перечисленные особенности в вещественном материале характерны не только для Усть-Туйского, но и для других малых костыш Прикамья (Гаревское, Ильинское, Панкрашинское). Наличие в них вещей, аналогичных вещам памятников харинского времени, заставляет датировать их именно этим временем, а не гляденовским.

За датировку малых костыш харинским временем может говорить и тот факт, что самые тщательные и неоднократные поиски следов поселений гляденовского времени в бассейнах рек Гаревой и Туя, где находятся три малых костыша (Усть-Туйское, Гаревское и Панкрашинское), не дали положительных результатов.

Таким образом, в результате двухлетних работ Добрянского отряда Камской археологической экспедиции круг памятников харинского времени в Верхнем и Среднем Прикамье все больше выясняется. К памятникам харинского времени относятся теперь не только курганные могильники, клады и случайные находки, но и многочисленные городища ломоватовского типа, площадью более 7—8 тыс. м², и костыша малого размера.

¹ А. А. Спицын. Гляденовское костыше. СПб., 1901, стр. 34.

² Там же, стр. 28—30.

вая находка черепа, по которому можно установить этническую принадлежность населения, оставившего могильник.

В 1951 г. на площади могильника обнаружено много раздробленных костей лося, часть которых со следами пребывания в огне, много угля и остатков печины, оранаментированная керамика, бусы из зеленого камня и стеклянные золоченые.

Весной 1951 г. учащимися Редикарской семилетней школы при посадке плодово-ягодных кустов на усадьбе школы обнаружены: бронзовый пластинчатый браслет, семь бус (две инкрустированных, одна из сердолика и четыре стеклянных, две из них синего цвета), железный нож с обломками деревянной рукоятки, два серебряных диргема с отверстиями, что указывает на их использование в качестве подвесок. Одна монета датируется временем царя Хосрова II (590—628 гг. н. э.), другая чеканена при Абдул-Малике (684—702 гг. н. э.).

Названные предметы были доставлены в Чердынский краеведческий музей им. Пушкина, что и побудило сотрудников музея провести археологическую разведку на приусадебном участке Редикарской школы.

В 1952 г. автором этих строк были открыты два новых мужских погребения, давших интересные находки.

Сначала была вскрыта площадка 2×3 м. Здесь в песчаном грунте, на глубине 60 см, найден железный топор и в 0,3 м от него железная пряжка. Длина топора 17 см, размер проушины $3,5 \times 3$ см. Пряжка — длиной 4,6 см, шириной 3,1 см.

В 15 м к западу от вскрытой площадки находилась межа, отделявшая школьный огород от колхозного. Наше предположение, что межа представляет собой неразрушенный участок древнего могильника, вполне оправдалось. Здесь вскрыто и исследовано погребение. Костяк был очень плохой сохранности. Удалось собрать несколько костей разрушенного черепа, часть локтевой и плечевой костей. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении с вытянутыми вдоль тела руками, головой на запад, на глубине 27 см в суглинистой с небольшой примесью щебня почве. Остатков гроба не обнаружено. Длину костяка установить не удалось. При погребенном обнаружены различные вещи: справа у височной кости черепа — бронзовая серьга (рис. 47—1), на правой стороне грудной клетки — тончайшая четырехугольная серебряная пластинка (24×19 см), которая от тяжелой земли сохранила отпечаток двух ребер. Назначение ее пока неясно. На кисти правой руки — бронзовый браслет, расплюснутые концы которого торчали вверх (рис. 47—2). Браслет из круглой проволоки-дрота сечением 7 мм. Ширина расплюснутых концов браслета 2,2 см. Сохранились украшения поясного ремня с остатками кожи (рис. 47—3), бронзовая пряжка (5×4 см) с орнаментом в виде косой насечки. Такая же насечка имеется и на язычке пряжки. Длина язычка 5,3 см. Вдоль ремня бронзовые накладки-бляшки без орнамента с небольшими отверстиями в середине. Хорошо сохранились две бляшки, третья деформирована. На обратной стороне бляшек по четыре шпенька, при помощи которых они приклепывались к ремню. Размер бляшек 32×29 мм, 30×29 мм, 29×25 мм, ширина сохранившегося пояса 3,5 см.

Справа у бедра — украшение в виде двух спаянных между собой шумящих подвесок; выпуклые стороны их украшены орнаментом. Расстояние между подвесками 12 мм. Спайка неправильная, в силу чего произошло смещение ушков (рис. 47—4). В верхней части получившегося «медальона» два ушка, в нижней — шесть ушков без цепочек и украшений на концах. На медальоне кусок кожи. Диаметр медальона 3,8 см.

С левой стороны скелета, у пояса, нож в кожаных ножнах. Клинок ножа расчленился на четыре ржавых куска железа. Сохранились обломки дерева от рукоятки, а остатки ножен заметны лишь в верхней части под

бронзовым ободком шириной 1,3 см. Ножны были украшены овальными бляшками с заостренными концами, остатки одной из бляшек сохранились на ножнах под ободком.

Среди погребального инвентаря особого внимания заслуживают молоток и клещи (рис. 47 — 5, 6) слева у бедра. Повидимому, они принадлежали погребенному здесь мастеру-ремесленнику. Орудия труда свидетельствуют о наличии кузнечного ремесла у древних жителей местного края.

Длина кузнечных клещей 28 см. Рабочая часть имеет длину около 7 см, причем один конец клещей загнут крючком. Длина молотка 8 см. Рабочая

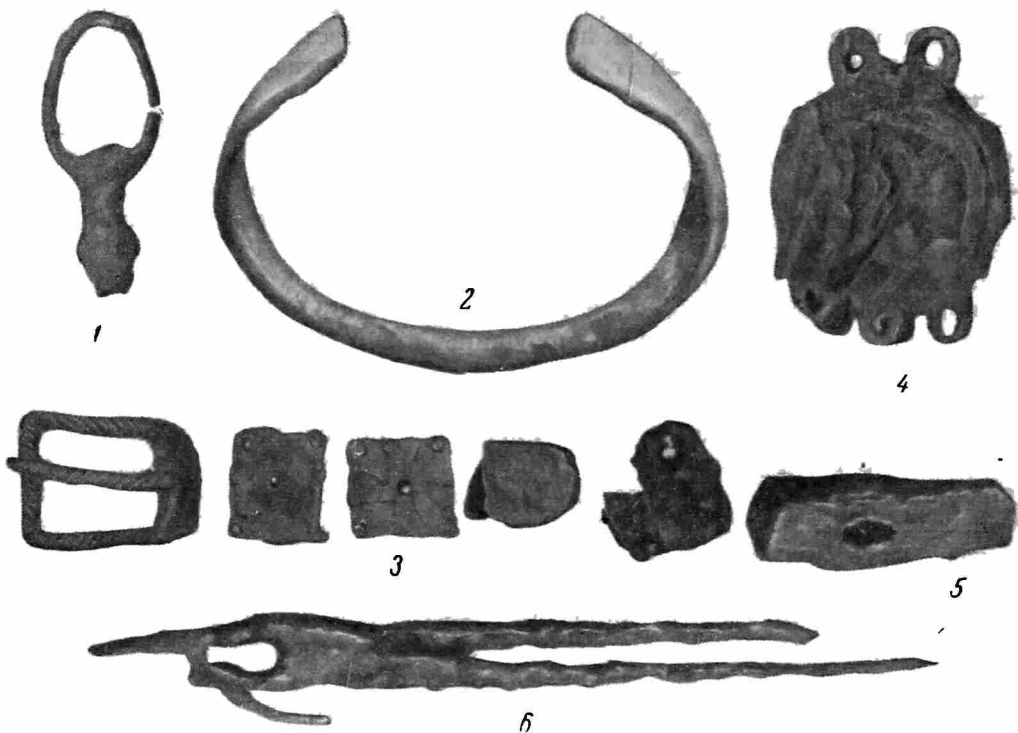

Рис. 47. Вещи из могильника в с. Редикар, обнаруженные в 1952 г.:

1 — серьга; 2 — браслет; 3 — пряжка и бляшки от пояса; 4 — медальон; 5 — молоток; 6 — клещи; (погребение мастера-ремесленника).

часть его круглая, диаметром 2,1 см. Отверстие для рукояти четырехугольной формы (16 × 7 мм). Верхняя часть молотка клинообразная. Рукоять не сохранилась.

Рядом с погребением мастера-ремесленника, на расстоянии 0,5 м, параллельно первому, на глубине 17 см обнаружено другое погребение без гроба, ориентированное на запад (погребение № 5). Погребенный лежал на спине с вытянутыми вдоль тела руками. Костяк очень плохой сохранности. В захоронении обнаружены бронзовые и железные предметы: слева у височной кости бронзовая серьга (рис. 48 — 1), на левой стороне грудной клетки серебряная пластинка (8 × 9 см), очень тонкая, наподобие бумажного листа. На обломках пластинки с нижней стороны сохранилась окись меди в виде мелкокапельных наростов. Сохранить пластинку в целости не удалось. Она рассыпалась на мелкие куски. У пояса найдено шесть шарообразных бронзовых пустотелых бус (рис. 48 — 2), диаметром 8 мм, нанизанных на тонкий ремешок; остатки его заметны в местах соприкосновения с бронзой, где образовались пятна окиси. Тут же найдены две бронзовые

бляшки от ремня-пояса с заклепками на обратной стороне для крепления. Остатков пояса не обнаружено. Одна бляшка в виде четырехугольника без орнамента ($1,7 \times 1,7$ см), другая тоже без орнамента, но иной формы: размер ее $1,5 \times 1$ см. Около левого бедра железный нож лезвием к ноге; длина его 18,5 см, длина черенка 5,2 см, ширина клинка около рукояти 1,8 см (рис. 48 — 3). Рядом с ножом бронзовый медальон, диаметром 4 см, в верхней части его два сложенных вместе ушка, в нижней части шесть ушков

Рис. 48. Вещи из погребения № 5 могильника в с. Редикар:

1 — серьга; 2 — бусы; 3 — нож; 4 — медальон и бронзовая провизка с бусинками; 5 — стремя; 6 — удила.

(рис. 48 — 4). Расстояние между двумя выпуклыми плоскостями медальона 1,3 см. На обеих плоскостях сохранился орнамент, в центре медальона с обеих сторон заметна стертость об одежду. Прикреплялся он на ремешке, частично сохранившемся. Ремешок проходил через верхнее двойное ушко. На одном конце ремешка нанизаны спирально завитая бронзовая провизка (длиной 4,5 см) и три бусы синего стекла (двойная и одинарная). На другом конце остатки бронзовой спиральки, большая часть которой разрушилась, оставив на глине в месте залегания предмета зеленую окись.

Справа от погребенного, у локтя, лежали железные удила и одно стремя (рис. 48—5, 6), аналогичное по форме стремянам из Борисовского могильника на Северном Кавказе. Железные удила с перегибом имеют с каждой стороны по два кольца различного диаметра: у большего 7,5 см, у меньшего 3,7 см.

Судя по инвентарю, можно заключить, что здесь был погребен мужчина-всадник.

Рассмотренный материал из погребений поступил в Чердынский краеведческий музей им. Пушкина. Сравнивая его с предметами материальной культуры из других мест, можно эти погребения отнести с большой долей вероятия к IX—X вв., чему, как будто, не противоречат находки арабских диргемов VII—VIII вв., хотя серьги могут быть отнесены и к более раннему времени.

Дальнейшее исследование этого интереснейшего могильника несомненно предоставит археологам ценнейший материал по истории материальной культуры древнего населения Северного Урала.

надлежало, повидимому, пожилой женщине, внучка которой его надписала. Только в этом смысле следует понимать слово в надписи «баба», так как

второе значение его «женщина» не отметило бы принадлежности предмета: все женщины древней Руси занимались прядением.

Эпиграфически надпись может быть отнесена к концу XI—началу XII в. К указанной дате заставляет отнести и общий характер надписи, буквы которой не особенно широки, и характерное написание «N», косая черта которого доходит до конца каждой вертикальной палочки, и буквы «д» и «р» характерной геометрической формы. В целом надпись, по свидетельству М. В. Щепкиной, несколько напоминает начертание букв «Изборника Святослава» 1073 г.

Пряслице № 2 — происходит из раскопок Зд. Дурчевского в Гродно. Затерянное во время Великой Отечественной войны, оно обнаружено автором заметки в 1948 г. при разборке коллекции Гродненского историко-археологического музея. Текст надписи публиковался четыре раза¹. Самая надпись же не публиковалась.

Пряслице выточено из розового шифера и имеет, если следовать указанной терминологии, зонную форму. Надпись располагается

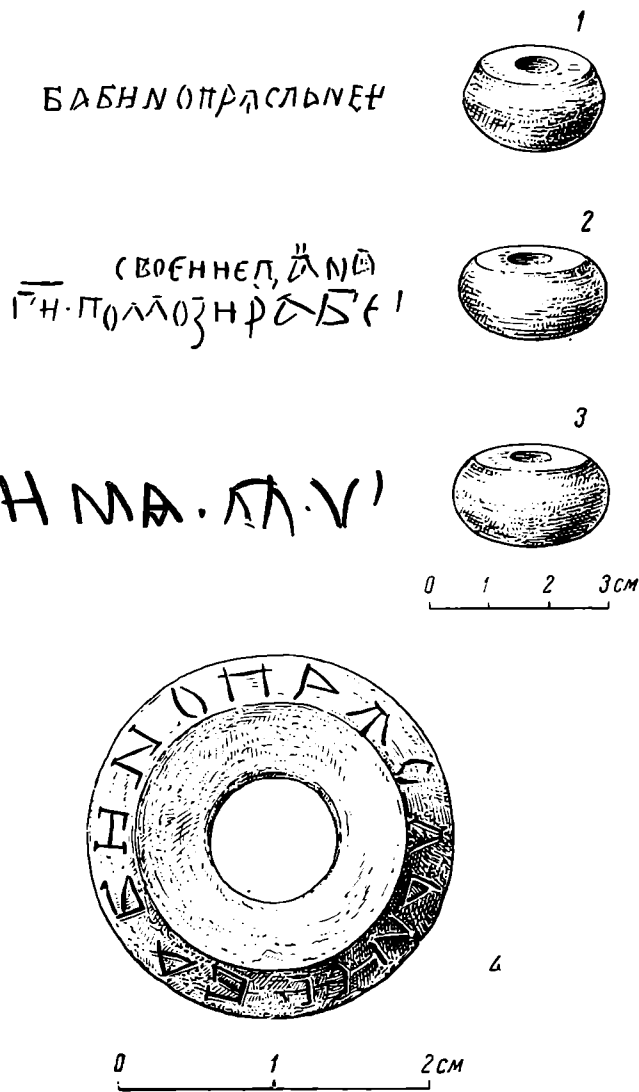

Рис. 49. Пряслица с надписями из Белоруссии:

1 — из Витебского музея; 4 — то же, прорисовка; 2, 3 — из Гродненского музея.

по боковой стороне в два ряда по кругу (рис. 49 — 2). Начало отделяется от конца первой строки черточкой, напоминающей апостроф. Первая строка помещена посредине боковой стороны пряслица и прочерчена крупными уверенными штрихами. После слова «рабе», писавшему нехватило

¹ Zd. Durgzewski. Stary zamek w Grodnie w swiecie wykopalisk, dokonanych w latach, 1937—1938; (оттиск из «Niemna», 1939, № 1, стр. 14).

Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 200.

Н. Н. Воронин. Раскопки в Гродно. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 142.

А. С. Орлов. Библиография русских надписей. М., 1952, стр. 228. В этом издании сообщается, что пряслице опубликовано в «Истории культуры древней Руси», т. 1, 1950, стр. 109—110; на самом деле этого нет.

места, и окончание надписи пришлось сделать в верхней части боковой стороны пряслица, значительно уменьшив буквы.

Начало второй строки приходится на промежуток между буквами «О» и «М» нижней. Кончается верхняя строка очень неясным знаком над последней буквой нижней строки. Больше всего он напоминает древнерусское «д», но большое число царапин в этом месте не позволяет выделить штрихи, сделанные древним писцом.

Бесспорная часть надписи читается так: «Ги (под титлом), помози рабе своей». Далее исследователи читают по-разному. Эд. Дурчевский¹, вслед за ним и Н. Н. Воронин² читали: «и не дай». Б. А. Рыбаков: «Ги, помози рабе своей и дай»³ (этому чтению следует и М. П. Сотникова⁴). Чтение Эд. Дурчевского вызывает сомнения, так как он добавляет лишнюю букву («N» — если считать букву, следующую за словом «своей», буквой «Н», «Н» — если считать эту букву «N»). Не точно, повидимому, и чтение Б. А. Рыбакова. В его чтении отсутствует буква «Е», которая, как видно из рисунка, стоит второй после слова «своей».

Надпись пряслица воспроизводит хорошо известную христианскую формулу «Господи, помози...», восходящую еще к византийской традиции, канон которой обычно требовал указания имени лица, обращающегося к богу. Таким образом, казалось бы, что все буквы, следующие за словом «своей», должны составлять имя хозяйки пряслица, повидимому христианское (о чем свидетельствует весь характер надписи); оно могло начинаться не с гласной «Н», а с согласной «N», и эта буква не удалась пишущему.

Однако следует отметить, что в древности существовал, повидимому, и другой, чрезвычайно редко употреблявшийся вариант этой формулы, в котором отсутствовало имя, а после притяжательного местоимения стоял следующий текст: «и не дай ему (ей) погибнуть в день судный». Единственная надпись этого рода процарапана на древней штукатурке стен Киевской Софии⁵. Не приходится сомневаться, что надпись гродненского пряслица должна была воспроизводить именно эту чрезвычайно редкую формулу, но не была дописана из-за нехватки места.

Сейчас надпись представляется в следующем виде: «Ги (под титлом), помози рабе своей и не дай (·)» и ее содержание, как справедливо указывает Б. А. Рыбаков, своим благочестивым тоном выпадает из общего ряда.

По эпиграфическим данным надписи пряслице может быть отнесено к XIII в. Это сказывается в отходе формы некоторых букв от геометрического характера начертания, свойственного уставным буквам XI—XII вв.⁶, которые мы наблюдали и на надписи Витебского пряслица. Таковы буквы: «Р» — с округлой петлей, «д» — широкое с характерным навершием, таким же, как и у «М», «д» и у неразобранного знака. В отличие от предыдущей надписи, «N» — более позднее: его перекидина уже не затрагивает концов вертикальных мачт, как в предыдущем случае. Характерна также и буква «z». Следует отметить, что начертание «М» с остроугольной серединой вместо наиболее часто употребляемой в древней Руси округлой⁷,

¹ Эд. Durgzewski. Указ. соч., стр. 14.

² Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 142.

³ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 201.

⁴ А. С. Орлов. Указ. соч., Дополнения, стр. 288.

⁵ Сведением об этой надписи я обязан Б. А. Рыбакову.

⁶ Н. С. Чаев, Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1947, стр. 138.

⁷ Там же, стр. 136. В общем, эпиграфические различия этого и предыдущего пряслиц те же, что и надписей знаменитых новгородских кратиров Братилы и Косты, датировка которых соответственно совпадает с датировкой каждого из наших пряслиц: сосуд Братилы — конец XI — начало XII в., сосуд Косты — конец XII — начало XIII в. См. Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 297—298.

повидимому, объясняется особенностью материала, на котором прочерчивалась надпись. На камне было трудно соблюсти все правила древней каллиграфии.

Пряслице найдено в слое № 7 (квадрат 77), который всеми исследователями признается древнерусским. В этом слое найдены почти все гродненские литейные формочки, одну из которых Н. Н. Воронин датирует по процарапанному на ней знаку Рюриковичей XII—XIII вв.¹ Здесь же найдено 19 шиферных пряслиц (больше пряслиц содержит только подстилающий слой № 6, где их найдено 23) и 111 обломков стеклянных браслетов (максимальное количество среди всех 12 слоев)². Пряслице, следовательно, обнаружено в слоях, отражающих максимальное развитие древнерусского Гродно.

Пряслице № 3. Происходит, как и предыдущее, из раскопок Эд. Дурчевского на Замковой горе в Гродно. Надпись на этом пряслице не была замечена археологами и обнаружена лишь в 1948 г. автором настоящей заметки.

Выточено пряслице из светлорозового шифера. Форма, как и предыдущего, зонная. Надпись по боковой стороне, в отличие от предыдущих, сделана очень небрежно, жирными большими штрихами с наклоном влево (рис. 49—3). Отчетливо читаются только три буквы: «имя». Далее, после точки идет знак, напоминающий букву «М» с покрывающей его чертой, затем снова точка в середине строки, после которой следует буква, напоминающая славянскую «Ѹ»; еще далее следует черточка в верхней части строки, напоминающая апостроф на предыдущем пряслице, по аналогии с которым и разделена данная надпись (идущая по кругу) на нашем рисунке.

Неясность прочерченных линий затруднила чтение надписи и для М. В. Щепкиной. Очень предположительно она допускает, что начертано нечто вроде «милуй мя», «помилуй мя», но настаивать на этом не решается. Любопытно, что мы снова встречаем надпись религиозного характера, как и на предыдущем, также гродненском пряслице. Датируется надпись в пределах XI—XV вв. (не точнее), так как вопрос датировки букв со столь неясным очертанием труден. Буква «Н», как кажется, по начертанию похожа на буквы XI—XII вв., когда ее переключина писалась горизонтально. В пользу этого же, вероятно, может свидетельствовать и употребление здесь юса малого³.

¹ Н. Н. Воронин. Раскопки в Гродно, стр. 142. Формочки опубликованы Эд. Дурчевским (указ. соч.).

² Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 141.

³ Н. С. Чаев, Л. В. Черепнин. Русская палеография, стр. 135—136.

В. А. ОБОРИН

КОСТЯНАЯ РУКОЯТКА ИЗ АНЮШКАРА (КЫЛАСОВО)

В 1952 г. при раскопках Камской археологической экспедиции городища Анюшкар (Кыласово) на р. Иньве Молотовской области в числе прочих многих находок обнаружена интересная костяная вещь с изображениями, вырезанными на ее поверхности (рис. 50).

Насколько нам известно, на памятниках, относящихся к родановской культуре IX—XV вв. н. э. и принадлежащих предкам коми-пермяцкого народа, до сих пор не было найдено вещей с изображениями, представляющими собой какую-нибудь связную композицию. М. В. Талицкий в своей сводной работе по этой культуре издает только костяные ложки (имевшие культовое назначение)¹, со стилизованным изображением отдельных животных.

Обнаруженный нами предмет представляет собой костяной цилиндр правильной формы, несколько сужающийся в нижней части. Он был выпилен из целого куска рога лося и очень хорошо обструган. В верхней части, отделанной более грубо, хорошо видны короткие срезы ножом. Стенки цилиндра отделаны более тщательно и зашлифованы. Цилиндр имеет сквозное отверстие, более широкое в нижней части и сужающееся кверху. Высота предмета 2,6 см, высота стенок, на которых нанесены изображения, 2 см.

Цилиндр служил костяным навершием деревянной рукоятки железного ножа, черешок которого проходил в сквозное отверстие, сужаясь кверху, и закреплялся расклепкой.

Изображения вырезаны на стенках цилиндра таким же ножом, каким он обрабатывался. Прорезы неровные, иногда заметно дрожание ножа при работе. Рисунок составлял, видимо, целостную композицию, в центре

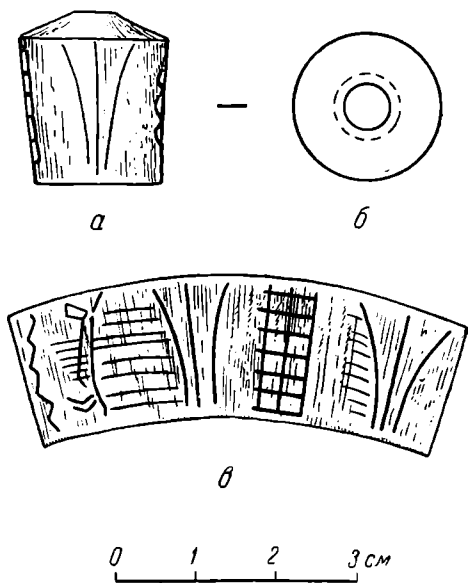

Рис. 50. Изображение на костяной рукоятке из Анюшкара:

а — вид спереди; б — вид сверху (пунктиром отмечено нижнее отверстие); в — развернутое изображение на поверхности навершия.

¹ М. В. Т а л и ц к и й. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, стр. 65.

которой находилось изображение животного, несомненно лошади с короткой гривой (рис. 50—в). Фигура животного несколько стилизована, но при сравнении с аналогичными изображениями лошадей на писаницах позднего железного века Восточной Сибири¹ ее можно определить именно как лошадь. Изображение коня часто встречается на шумящих подвесках, гребнях и в виде отдельных фигурок на памятниках родановской культуры.

Наиболее близка к описанному изображению фигурка коня, найденная там же, на р. Иньве, изданная А. А. Спициным и датированная IX—XI вв. н. э.²

Рядом с фигурой лошади проведена волнистая ломаная линия, очевидно изображающая реку. Именно так трактуется Вишера на наскальных рисунках Писаного Камня.

По обеим сторонам от фигурки располагаются пучки из трех линий, расходящихся кверху; они более всего напоминают стебли каких-то растений. К одному из них примыкает штриховка параллельными короткими линиями. Завершает композицию неправильный прямоугольник или трапеция, покрытая перекрестной штриховкой. Наиболее близкую аналогию мы видим в изображении на Боярской писанице³, которое С. В. Киселев считает возможным расшифровать как участок обработанной земли⁴.

Городище Анюшкар расположено на краю высокой надпойменной террасы р. Иньвы. К террасе примыкает широкая, местами заболоченная пойма с заливными лугами. За валом городища находится ровная площадка, используемая под пашню.

На городище найдено много вещей, свидетельствующих о сильном развитии земледелия у его обитателей⁵. В нижнем слое IX—XI вв. обнаружена железная мотыга и зерно (просо и пшеница), в верхнем слое XII—XIV вв. — пять железных ральников-сошников и пять крупных ручных жерновов. Костяное навершие с изображениями найдено в верхнем слое, т. е. относится к тому времени, когда обитатели городища были уже знакомы с плужным земледелием.

При раскопках на городище собрано много костей животных, в том числе и лошади. Результаты определения костей с Родановского городища, одновременного Анюшкару, позволили М. В. Талицкому прийти к выводу об использовании лошади в качестве тяговой силы, так как среди пищевых отходов встречаются кости только старых лошадей⁶.

Нам кажется возможным после этого расшифровать описанную выше композицию изображений как реалистическую картину, вырезанную на костяной рукоятке одним из обитателей Анюшкара, — пашня, слабо заболоченная пойма Иньвы с заливными лугами, на которых пасется лошадь, используемая для обработки пашни.

Независимо от трактовки этой интересной вещи, она представляет собой уникальный памятник реалистического искусства предков коми-пермяцкого народа.

¹ П. П. Хороших. Писаницы на горе Манхай. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 128, рис. 48—3; его же. Наскальные рисунки на горе Манхай II (Кудинские степи). КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 194, рис. 59—5.

² А. А. Спицин. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, вып. 26, 1902, т. XXXVI, рис. 15.

³ М. П. Грязнов. Боярская писаница. ПИМК, № 7—8, 1933.

⁴ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 148.

⁵ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 89.

⁶ М. В. Талицкий. Указ. соч., стр. 46.

полос положена сканная серебряная проволока. Диаметр ее тот же, что и проволоки в жгутах.

На обоих концах каждой орнаментальной полосы перед сканной проволокой напаяно по две треугольные пирамидки из серебряной зерни. Диаметр каждого шарика около 1,5 мм. Здесь же на концах находятся по два вертикальных ряда зерни, припаянной над сканной проволокой и плетеными жгутами. Эти ряды полностью не сохранились. Вплотную к ряду зерни примыкает квадратная в сечении полоска серебра. Она прикрывает стык загнутого для шарнирного соединения в трубку листа серебра. Полоска сохранилась только на одном конце, на другом же отломана вместе с трубками для шарнира.

Основной узор браслета — плетенка из двух парных линий в каждой орнаментальной полосе. Линии плетенки глубоко врезаны на фоне черной ленты. Поверхность под чернь покрыта шраффировкой для лучшего сцепления с массой. Сейчас чернь почти вся выпала. По краям черненой ленты глубоко врезана прямая линия и выбит ряд точек треугольной формы. Вся поверхность браслета внутри орнаментальных полос, не покрытая чернью, позолочена.

Шарнирных браслетов-запястий древнерусского типа известно всего до двух десятков¹, но браслет из Чеснокова значительно отличается от них. Они в большинстве литые, имеют 4—6 петель для шарнирного соединения. Браслетов со столь сложной напайкой узоров до сих пор, кажется, неизвестно.

Некоторую близость к публикуемому браслету имеет найденный в Прикамье на Кырдымском городище². Кырдымский браслет в общем той же формы и размеров. Поверхность его также покрыта чернью и позолочена, по краю припаяна проволока, имитирующая крупную зернь.

Орнамент браслета состоит из стилизованного растительного узора и трилистников древнерусского типа. Орнаментальное поле не расчленено. Браслет найден вместе с серебряными пронизками-бусами³. По стилю узора публикуемый браслет из Чеснокова может быть отнесен к группе так называемых владимирских⁴, для которых характерно членение орнаментального поля на две горизонтальные полосы и наличие плетенки в узоре.

По технике изготовления оба прикамских браслета составляют, очевидно, какую-то особую группу. Определить точно район их изготовления пока не представляется возможным. Но наиболее вероятно, что они были изготовлены либо в Северо-Восточной Руси, либо под русским влиянием в Волжской Болгарии, на что может указывать крупная грубая зернь.

Находки ценных серебряных предметов древнерусского происхождения в Верхнем Прикамье нередки. Укажем, например, на серебряный сосуд из д. Клепиковой⁵ б. Чердынского уезда. Сосуд по верхнему краю украшен орнаментом в виде плетенки, аналогичной плетенке на браслете из Чеснокова. Ручка сосуда близка по форме к ручкам знаменитых новгородских братин.

Находки подобных вещей в Верхнем Прикамье свидетельствуют об интенсивных связях, устанавливавшихся между Русью и Верхним Прикамьем, и о русском, в частности новгородском, влиянии при сложении местной культуры XII—XV вв.

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. 1948, стр. 265.

² А. А. Спицын. Древности Камской Чуди. МАР, вып. 26, 1902, табл. XV — 17.

³ Там же, табл. XXXI — 8.

⁴ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 266.

⁵ И. Я. Смирнов. Восточное серебро. 1909, табл. LXXXVI — 154.

IV. МЕТОДИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

С. А. СЕМЕНОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ТЕХНИКИ НАНЕСЕНИЯ ОРНАМЕНТА
НА ГЛИНЯНЫЕ СОСУДЫ*ШНУРОВОЙ И ЗУБЧАТЫЙ ОРНАМЕНТЫ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ
КАРЕЛИИ*

Керамика принадлежит к ряду важнейших археологических материалов и является предметом разносторонних исследований. Типологическое изучение сосудов по их форме, составу глины, характеру поливы, окраски, орнаменту, способу формовки ставит основной целью выделение особенностей материальной культуры древних племен, а также установление возраста археологических памятников. Изучение технологии древнего гончарного производства при помощи типологического подхода вряд ли может дать полноценные результаты. При помощи обычного осмотра и сопоставления различных серий керамических фрагментов можно с достоверностью отличить сосуд, сделанный ручным способом или на станке, реставрировать его по фрагментам, грубо определить состав глины и описать орнамент, отнести к типологической группе. Значительно больше трудностей возникает при таком подходе, когда требуется различать своеобразные способы формовки, технологию синтетического построения массы, типа и температуры обжига, приемы обработки поверхности тиснением, чернением и лощением, последовательность различных операций в производственном процессе, а также и хозяйственное назначение каждого типа сосудов в разных условиях жизни, у различных племен, способы варки пищи и т. д.

Немалый интерес представляют и сохранившиеся на поверхности сосудов всевозможные отпечатки: пальцев, формовочных инструментов, тканей, плетенок, штампов, печатей, растительного и животного волокна, зерен и т. п. Отпечатки хлебных зерен на керамических изделиях нередко служили для археологов документальным свидетельством существования определенного вида земледелия некоторых стоянок и целых областей. Однако изучение отпечатков на древних керамических изделиях носило случайный характер, производилось оно к тому же очень немногими археологами и без каких-либо методических предпосылок. Примером такого случайного исследования может служить статья А. С. Сидорова «О витье волокнистых веществ»¹, в которой автор пытался показать технику витья веревок по отпечаткам на керамике северо-востока Европы. Дело фактически свелось

¹ Изв. ГАИМК, т. VI, в. V, Л., 1930.

к весьма скупым описаниям двух типов витя (справа налево и слева направо), существовавших с неолитического времени.

Значительный интерес представляет работа М. В. Воеводского «К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР»¹. В работе, построенной на этнографическом и археологическом материале, древнее производство керамики рассмотрено всесторонне. Правильно освещены способы обработки поверхности, отмечено, например, что пучок травы, тряпка или кожа и зубчатый гладильник широко применялись в качестве инструментов. Удачно сделано автором сопоставление орнамента на сосудах с оттисками на пластине зубчатых штампов, найденных на стоянках.

Следы на керамических изделиях представляют несомненно более обширный источник знаний, чем до сих пор было принято думать. Для использования его необходим функционально-аналитический подход к материалу.

Исследование многочисленных отпечатков — оттисков на древних глиняных сосудах позволяет нам изучить способы формовки, обработки поверхности сосудов и восстановить вид орудий, служивших для этой цели.

Необходимо указать, что применение микроскопического анализа к изучению отпечатков на изделиях из глины весьма ограничено. Относительно грубая, пористая структура керамики допускает небольшие увеличения, лежащие в пределах возможностей бинокулярной лупы. Лишь определение состава глиняной массы, когда ведется наблюдение по шлифам, требует более крупных увеличений. Когда дело касается исследования отпечатков или пустот, образовавшихся от животных или растительных волокон, возникает надобность и в бинокулярном микроскопе. Нередко, впрочем, такие оттиски бывают достаточно велики, хорошо выражены и при изучении их можно обойтись без применения оптики.

Изучение техники обработки поверхности и нанесения орнамента производилось нами на материалах различных эпох и областей.

Первая работа в этом направлении была проведена над фрагментами глиняной посуды из раскопанной Н. Н. Гуриной в 1949 г. неолитической стоянки Курмойла на Сямозере в Карелии. Это была типичная для севера Восточной Европы керамика с текстильным и ямочно-гребенчатым орнаментом, достаточно грубая по качеству и составу теста. Однако оттиски веревочного и зубчатого штампов на поверхности создавали впечатление нарядности. Орнамент, по сочетанию элементов — ямок, оттисков веревки, гребенки, — был разнообразен, и казалось, что здесь мы имеем дело с относительно сложной техникой украшения сосудов. Задача заключалась в выяснении конкретных технических средств, которыми был нанесен орнамент.

Наблюдение велось при помощи бинокулярной лупы (12,5 × 1,3). Затем были сделаны пластилиновые слепки с основных орнаментальных деталей, которые показали очень простые приемы работы веревочным и зубчатым штампами. На основе наблюдений и слепков было нетрудно воссоздать эти штампы и при их помощи воспроизвести аналогичные узоры на пластине.

Наиболее простым штампом служил обрывок шнура, толщиной в 3—4 мм, которым надавливали на наружную поверхность сосуда. Мы приводим изображение фрагмента сосуда с орнаментом из круглых ямок, выдавленных деревянной палочкой на венчике, а под ним горизонтальные оттиски двухрядного шнура в несколько рядов (рис. 52—1). Шнурок был свит из двух прядей растительного волокна движением пальцев слева

¹ СА, т. I, 1936, стр. 51—77.

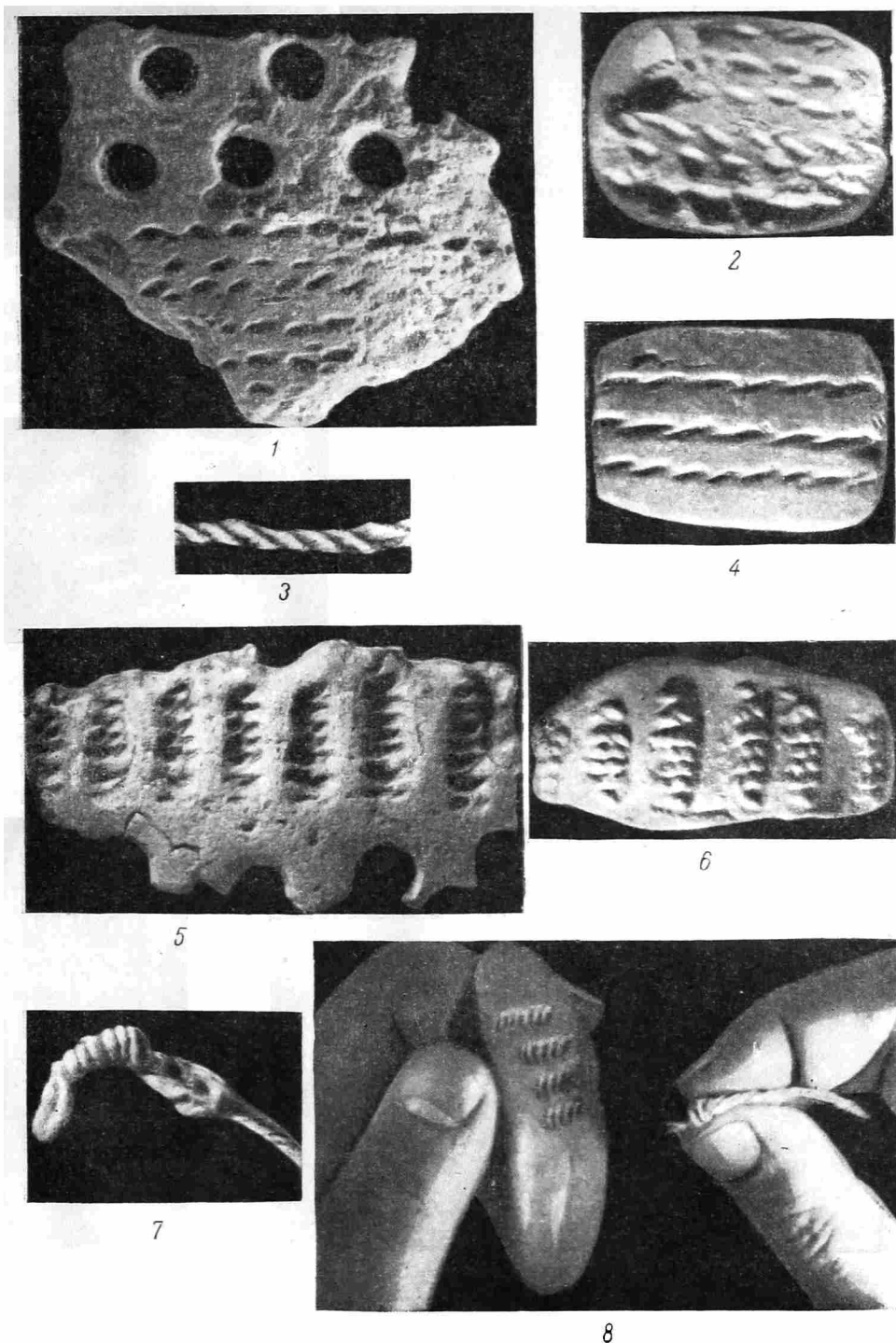

Рис. 52. Техника нанесения шнурового орнамента:

1 — фрагмент сосуда ямочно-шнуровой керамики (неолит Карелия); 2 — пластилиновый слепок со шнурового орнамента; 3 — шнурок из пеньки в две пряди; 4 — оттиск шнурка на пластине; 5 — фрагмент сосуда ямочно-шнуровой керамики; 6 — пластилиновый слепок с орнамента; 7 — штамп в форме жгутка, свитого из шнурка; 8 — способ нанесения орнамента жгутовым штампом.

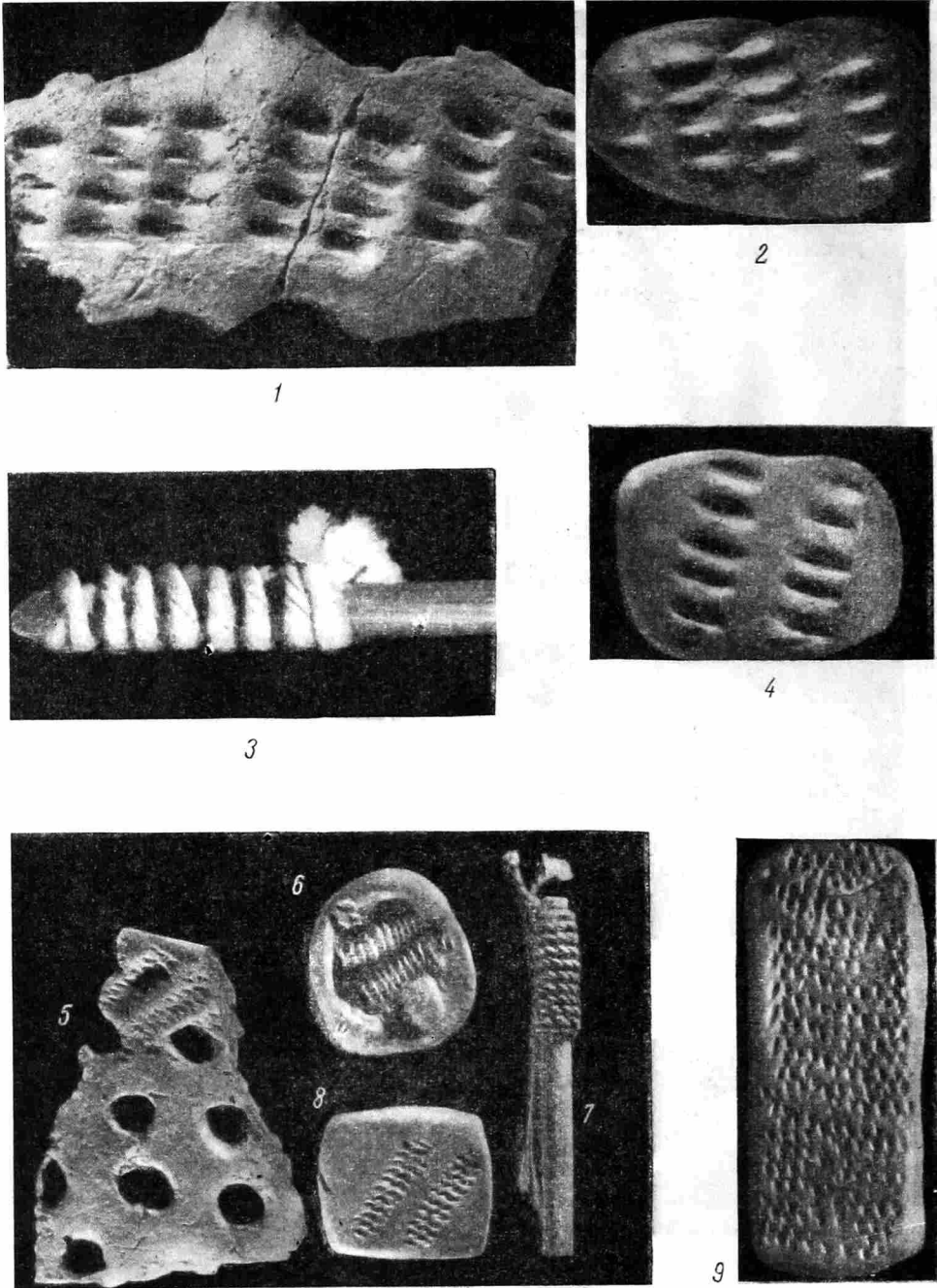

Рис. 53. Техника нанесения орнамента:

1 — фрагмент сосуда с орнаментом, напоминающим плетенку; 2 — пластилиновый слепок с орнамента; 3 — штамп в виде палочки, обмотанной шнурком из хлопкового волокна; 4 — оттиск штампа на пластилине; 5 — фрагмент сосуда, украшенного орнаментом; 6 — пластилиновый слепок со шнурового орнамента; 7 — штамп из шнурка, намотанного на палочку; 8 — оттиск шнурового штампа на пластилине; 9 — имитация «текстильного» орнамента на пластилине при помощи шнурового штампа.

направо. Скручен он сравнительно слабо, так как отпечатки витков не смыкались друг с другом (рис. 52—3).

Вторым типом шнурового штампа служил жгутик, сделанный из шнура. Несколько плотнее скрученная прядь волокон была намотана на тот же шнурок, в результате чего получился жгутик с семью витками. Зажимая жгутик пальцами, гончар надавливал этим несложным штампом на сырую поверхность сосуда (рис. 52—8). Доказательством того, что шнурок не был намотан на палочку, а употреблялся в виде мягкого жгутика, может служить пластилиновый слепок с этого типа орнамента (рис. 52—6). По слепку можно видеть, во-первых, что крайние витки здесь плохо отпечатались, — а это может быть лишь в том случае, если ось штампа изогнута дугообразно; во-вторых, витки смялись и слегка разрознлись от надавливания, чего не получилось бы, если бы шнурок был намотан на палочку.

Третьим типом веревочного штампа, имеющим ряд вариантов, является шнурок, намотанный на круглую в сечении палочку. Отпечатки витков, нанесенные таким штампом, располагаются в ряд в виде углублений, форма которых зависит от характера шнура и способа намотки. В некоторых случаях на палочку наматывается слегка скрученная прядь волокон с малым или большим интервалом между витками. Если расстояния между витками значительны, то оттиски на сосуде иногда создают ложное впечатление следов от «корзинки» (рис. 53—2). Нередко оттиски этого типа сочетаются с рядами ямок. Штампы из туго скрученного в две пряди шнура, с витками, тесно расположенными друг возле друга на палочке (рис. 53—3), дают оттиски более сложного рисунка, напоминающие орнамент, нанесенный «жгутиком», но более четкой и более правильной формы. Число витков, намотанных на палочку, бывает от 4 до 10. Этот тип штампа интересен тем, что при его помощи очень легко создать видимость оттиска грубой ткани путем равномерного надавливания штампом в ряд с таким расчетом, чтобы между каждым оттиском не оставалось интервала. Для сравнения приводим снимок «текстильной» фактуры от оттиска нашего веревочного штампа на пластилине (рис. 53—9). Весьма вероятно, что многие образцы неолитической керамики северо-востока Европы, на которых до сих пор археологи усматривали отпечатки тканей, носят на себе оттиски веревочного штампа, полученного указанным способом.

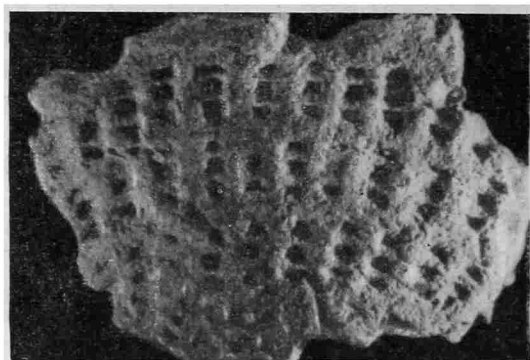
Таким образом, изучение веревочного орнамента на глиняных сосудах позволяет, помимо точного восстановления техники нанесения, дать некоторое освещение такому важному вопросу, как происхождение ткачества. Когда и как оно возникает на севере Европы? Ведь факт прядения ниток, витья шнуров и веревок, о котором мы с достоверностью говорим, еще не означает существования хотя бы даже зачатков ткацкого дела. Не следует ткачество смешивать с плетением, которое возникло очень рано, возможно еще в палеолите.

Простейшее веревочное производство вполне оправдывается на севере рыболовческим хозяйством, потребностью в сетях, в лесках для удочек и т. д. Но население этой области в эпоху неолита и даже позже продолжало в массе одеваться в звериные шкуры, в кожаные и плетеные изделия.

Заслуживает внимания и тот факт, что витье ниток, шнурков и веревок, если судить по оттискам исследованной керамики, производилось из волокна не животного, а, вероятнее, растительного происхождения. Отпечатки крупных волокон, прядей и витков показывают, что волокно не было упругим, витки легко сминались и сдвигались, принимали разрозненный вид. Такие признаки особенно характерны для растительных волокон, впитавших в себя влагу.

Нанесение на сосуды зубчатых орнаментов (ямочно-гребенчатого) было делом весьма элементарным, может быть более простым, чем украшение посуды при помощи шнурового штампа.

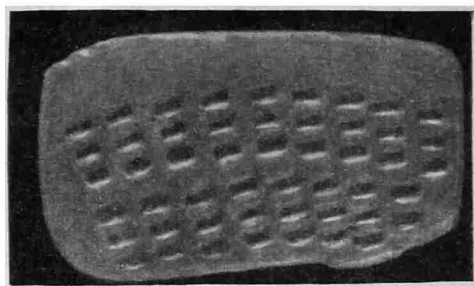
При беглом взгляде на ямочно-гребенчатую керамику кажется многое непонятным, так как инструменты (штампы) отражены здесь в негативной форме. Кроме того, некоторая симметрия расположения орнаментальных деталей на поверхности сосуда создает впечатление сложной работы. Но

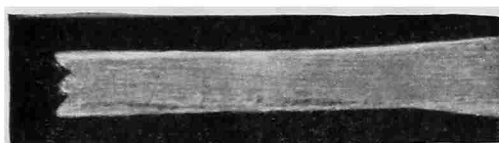
1

2

3

4

Рис. 54. Техника нанесения орнамента:

1 — фрагмент сосуда, украшенного гребенчатым орнаментом; 2 — пластилиновый оттиск с этого орнамента; 3 — оттиск штампа на пластине; 4 — трехзубчатый штамп из дерева.

после того как с вдавленного орнамента были сняты пластилиновые слепки, очень четко выступила форма штампа, по крайней мере его рабочей части, которая для нас и имеет наибольшее значение. На некоторых примерах (рис. 54) можно видеть, что для получения зубчатых изображений не требуется даже костяного или каменного штампа, подобного тем, которые представлены в работе М. В. Воеводского. Кусочек дерева, щепка с легкими надпилами или надрезами по торцу (что может быть делом одной-двух минут) легко превращаются в штамп, дающий очень ясные и четкие оттиски на пластическом материале. Нет сомнения в том, что деревянные штампы применялись широко, но сохранились только каменные и костяные, по которым мы и составляем суждение о технике нанесения орнамента.

**РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗУБЧАТОГО ИНСТРУМЕНТА ДЛЯ ВЫГЛАЖИВАНИЯ ПОВЕРХНОСТЕЙ
И НАНЕСЕНИЯ ОРНАМЕНТА НА СОСУДАХ ИЗ ИЛУРАТА И ОЛЬВИИ**

Очень часто при изготовлении простых сосудов охотники и рыболовы неолита и гончары относительно развитых обществ, далеко ушедших вперед от неолитической стадии, производили обработку поверхности сосудов

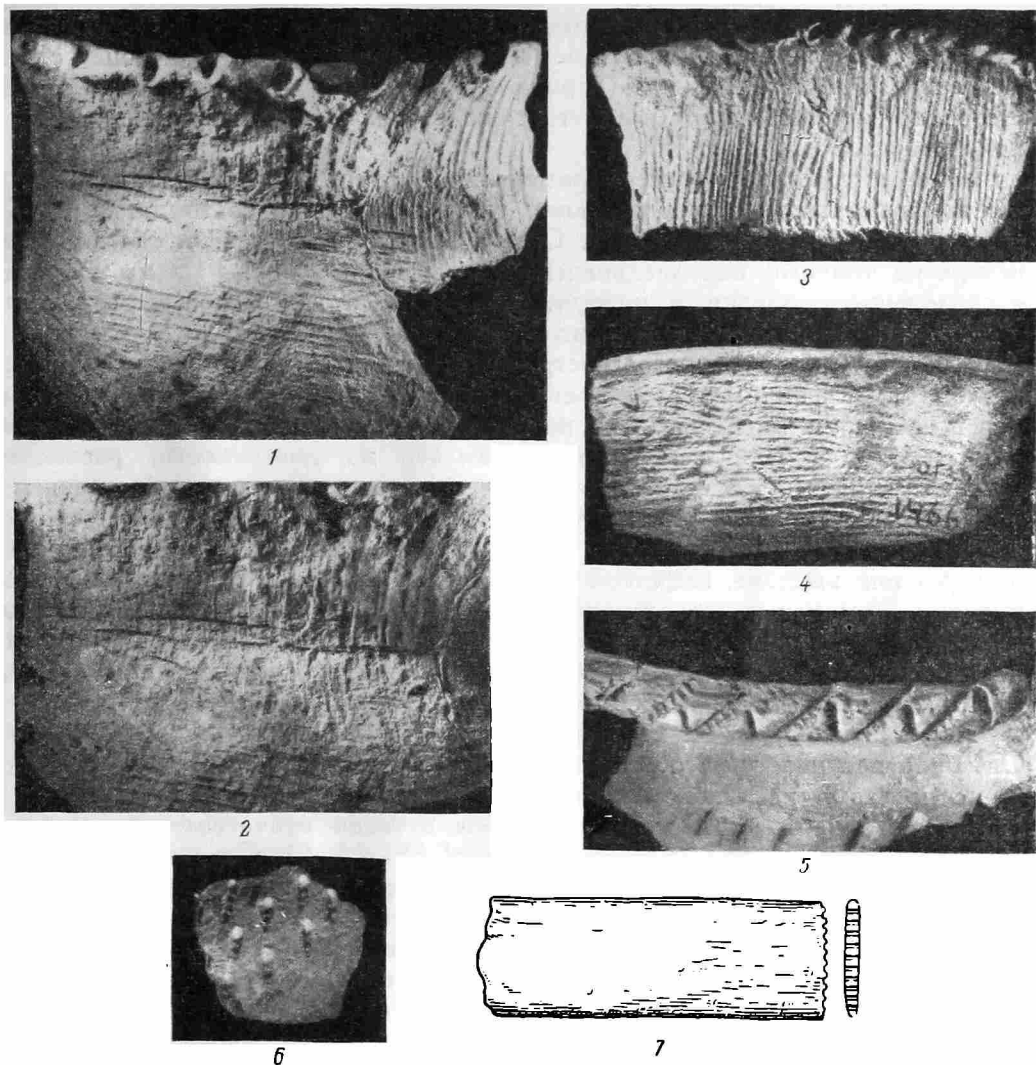

Рис. 55. Техника нанесения орнамента:

1 — наружная поверхность сосуда из Ольвии, обработанная мелкозубчатым шпателем, служившим одновременно штампом; 2 — та же поверхность при увеличении; 3 — следы обработки на венчике сосуда с наружной стороны (вертикальные); 4 — то же с внутренней стороны (горизонтальные); 5 — оттиски по краю венчика торцовым и угловым давлением мелкозубчатого штампа; 6 — оттиск на тулове сосуда угловым давлением того же штампа; 7 — реконструкция формы шпателя по следам работы.

и наносили орнамент лишь одним инструментом. Гладильник в их руках служил одновременно и штампом, что при обычном наблюдении ускользает от внимания археолога, который считает, что в данном случае могли быть применены два или даже несколько инструментов.

Такие примеры весьма многочисленны. Мы ограничимся рассмотрением сначала наиболее простого случая, пользуясь керамикой из неолитического поселения, открытого Н. Н. Гуриной возле г. Нарвы в 1951 г. Здесь обнаружены фрагменты сосудов, покрытых частыми мелкими ямками с наружной стороны и изборозжденные столь же частыми канавками с внутренней. Вначале кажется, что наружная поверхность несет следы грубой ткани

или плетения. Но при внимательном изучении можно убедиться, что она просто «натыкана» пучком коротких прутиков, при помощи которых производилось выглаживание внутренней поверхности сосуда. Ширина следов борозд и диаметр ямок (оттиск прутиков в торце) вполне совпадают, как совпадают и очертания всего пучка, форма которого здесь изображена под разными углами зрения. Пучок тонких прутиков был вполне годен в качестве гладилки или шпателя, представляя собой гибкий инструмент, очень удобный для обработки поверхности. При нажиме его рабочий конец слегка раздвигался в стороны и не продавливал мягких стенок сырого сосуда. Особенно целесообразно было его использование при обработке внутренней поверхности.

Более интересный пример применения зубчатого шпателя и в качестве штампа дают материалы из Ольвии, доставленные в лабораторию С. И. Капошиной из раскопок в 1951 г. Серо-буроватая поверхность сосудов была исчерчена тонкими параллельными бороздками около 1—1,5 мм ширины; расположены бороздки в известном порядке, это — следы выравнивания поверхности зубчатым инструментом (рис. 55—1).

Употребление зубчатого инструмента не было случайным. Шпатель с зубчатым краем имел свои преимущества: при выравнивании стенок сырая полужидкая масса глины на поверхности не захватывалась краем инструмента, а равномерно распределялась по поверхности, растекаясь между зубчиками. Здесь происходило то же, что можно наблюдать при работе пучком прутиков: прутики не снимают глину с сосуда, не скребут ее, а лишь перегоняют с места на место. Это особенно было существенно при ручной выделке глиняной посуды. Следовательно, работа зубчатым инструментом или пучком прутиков или растительных стеблей еще не была окончательной отделкой сосудов, а лишь завершающей стадией формовки, после которой могло последовать выглаживание и даже лощение. Последнее, очевидно, производилось после сушки.

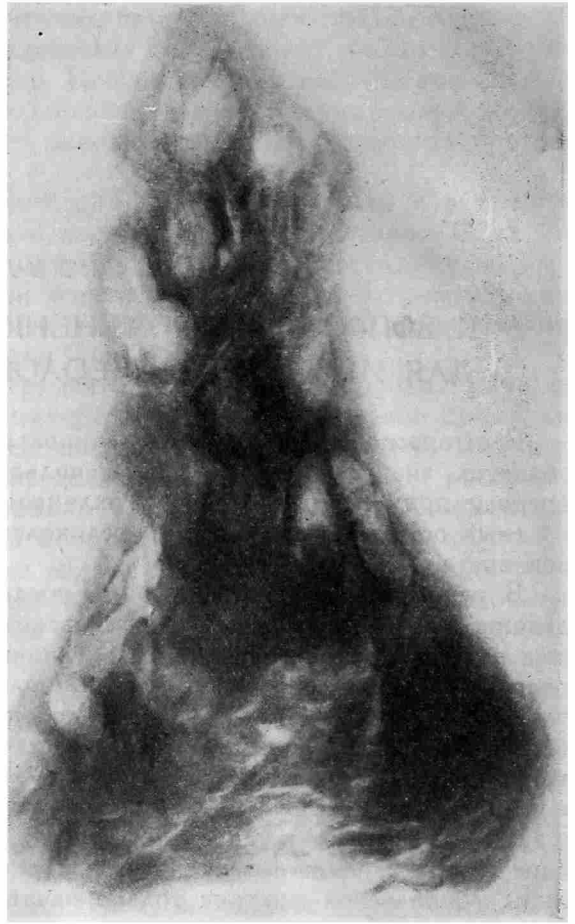
Нередко глиняные изделия не подвергались выглаживанию и лощению. Они шли в сушку и на обжиг с такой исцарапанной поверхностью. В случае с сосудами из Ольвии зубчатый инструмент был использован и для нанесения орнамента. Им были сделаны оттиски зубчатым концом (торцом) по венчику и в других местах (рис. 55—5, 6). Оттиски наносились углом инструмента и всем зубчатым краем, но во всех случаях в глубине оттисков очень отчетливо видны следы зубчиков, форма и размеры которых были одинаковыми. Величина зубчиков соответствовала ширине бороздок на всей поверхности. Ширина рабочей части инструмента тоже могла быть определена по оттискам; в некоторых местах (рис. 55—2) она составляла около 20 мм. Судя по торцовым отпечаткам, толщина инструмента не превышала 1,5 мм.

Таким образом, зубчатый инструмент представлял собой небольшую пластинку, слегка желобчатую, на прямоугольном конце которой были нанесены в ряд легкие пропилы, образующие мелкие и очень низкие зубчики. Материалом для этого инструмента, повидимому, служила трубчатая кость животных или кусок раковины. Длина инструмента невелика, иначе им было бы трудно работать внутри сосудов. Параллельные горизонтальные бороздки видны на внешней и на внутренней поверхности сосудов, главным образом в верхней части, в горловине. Реконструкция инструмента, установленного по следам работы, по оттискам, изображена на рис. 55—7.

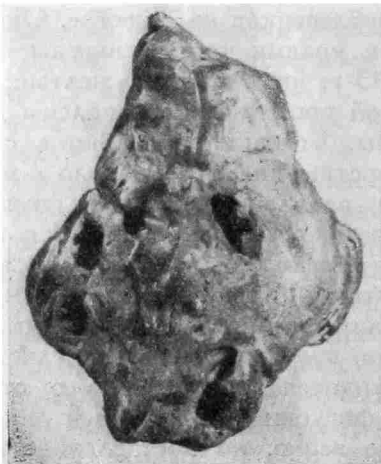
Описанный способ обработки поверхности глиняных сосудов по всей вероятности был широко распространен на юге СССР в первых веках до нашей эры. Аналогичные следы на керамике были обнаружены и среди материалов Илурата (Крым) на участке, раскопанном В. Ф. Гайдукевичем в 1951 г.

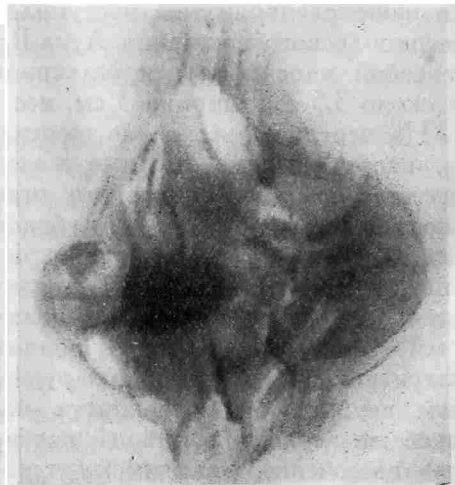
1

2

3

4

Рис. 56. Фотографические и рентгеновские снимки статуэток с отисками зерен.

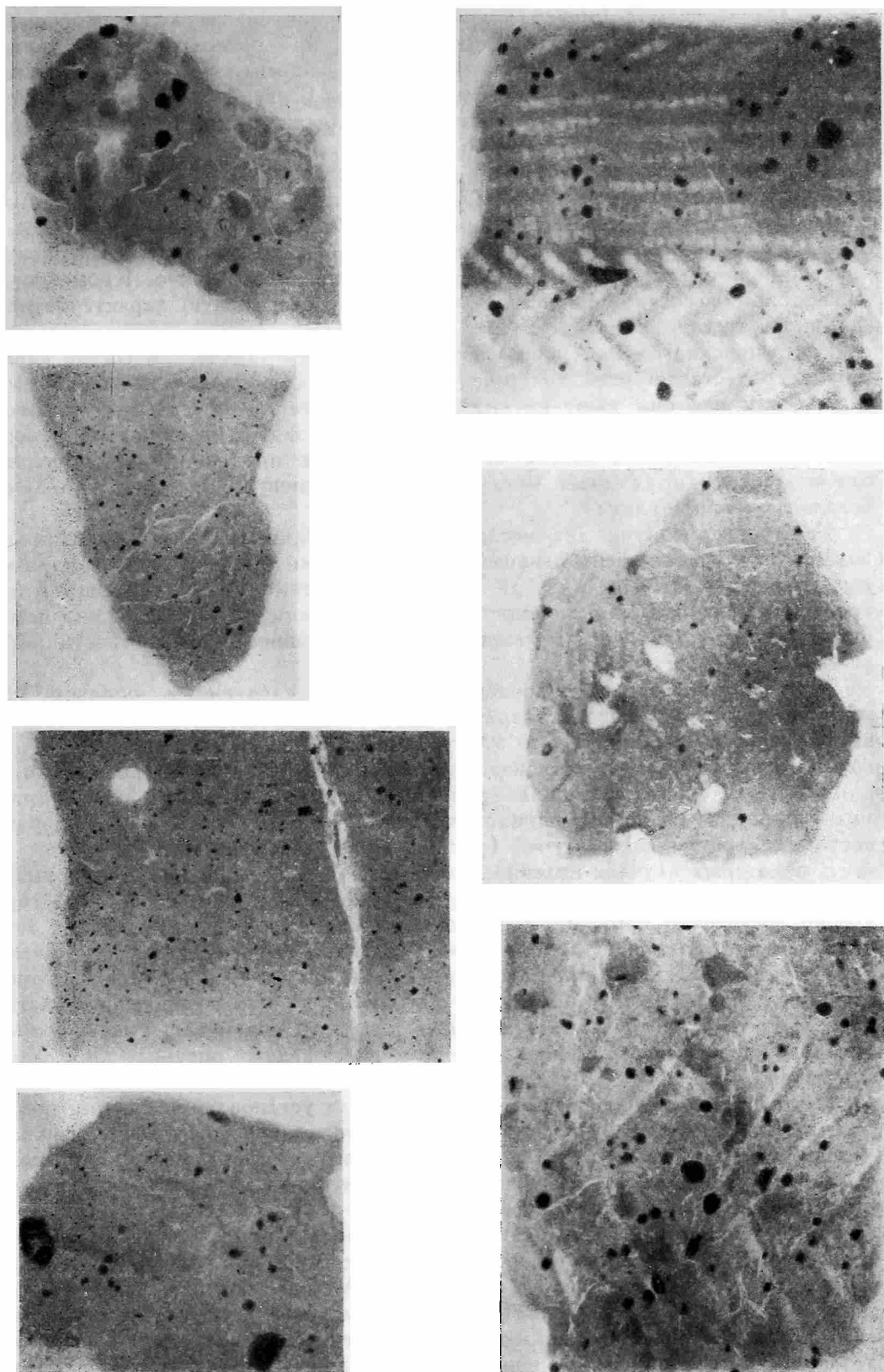

Рис. 57. Рентгеновские снимки образцов древней керамики.

Исследование под бинокулярной лупой и макрофотография позволили объяснить происхождение мелких впадин на поверхности, а также и нежную мелкозернистость рентгеновского снимка. Это — следы выгоревшей при обжиге муки грубого помола. Фигурка была вылеплена из глины, замешанной с мукой, зерна же были вдавлены уже в готовую фигурку.

Известно, какое больше место в археологии отводится изучению глиняной посуды. Основные приемы исследования керамики строятся на наблюдениях над составом теста, характером обжига и на химических исследованиях. Однако, если сосуды сохранились в целом виде, исследовать внутреннюю структуру глиняного теста не всегда возможно. Кроме того, даже обломки сосудов не всегда могут дать объективную характеристику глиняного теста.

Рентгеновские снимки позволяют определять механический состав керамического теста по всей толщине стенок сосуда и различные включения в него, так как они дают на снимках или более плотные тени (пустоты, органические частицы и т. д., то-есть участки, задерживающие рентгеновские лучи слабее, чем общая масса), или более прозрачные (включения, содержащие соли тяжелых металлов, задерживающие рентгеновские лучи больше, чем сама глина).

Рентгеновские лучи для исследования керамики должны быть использованы археологами в не меньшей мере, чем химические анализы, визуальные, изучение шлифов и т. д. Техника получения снимков проста и не требует ни значительной мощности аппарата (достаточно напряжения всего около 50 киловольт), ни больших затрат, а главное — дает объективный, всегда сравнимый документ.

Можно рекомендовать проведение съемки следующим образом. На рентгенопленке большого размера (например, 24 × 30 см) делается общий снимок 15—20 черепков. По этому снимку можно распределить их по группам, выбрать наиболее показательные и сделать или небольшие снимки с одиночных фрагментов, или групповые, подбирая образцы по тем или иным признакам; при этом надо учитывать и толщину их, т. е. прозрачность для рентгеновских лучей (рис. 57).

В некоторых случаях полезно делать отпечатки с небольшим (например, в три-четыре раза) увеличением. При съемке целого сосуда, если его горлышко достаточно широко, чтобы можно было ввести внутрь пленку, техника так же проста, как и при съемке черепков. Если же горлышко очень узко, можно воспользоваться приемом, положенным в основу способа томографии, т. е. во время экспозиции трубку приводить в движение, благодаря чему тень от стенки, прилегающей к пленке, получится четкой, а противоположная стенка либо не даст вообще никакого рисунка, либо даст смазанную тень.

Некоторые перспективы открываются и для установления степени пористости глиняного теста, из которого изготовлялись сосуды. Погружая черепки в растворы солей тяжелых металлов, например свинца, и затем просвечивая пропитанный черепок, можно установить своего рода шкалу впитываемости, т. е. пористость.

В последнее время удалось получить удовлетворительные результаты стереоскопических рентгеновских снимков. Особенно наглядные данные получены при съемке фигурок с зёрнами. Можно полагать, что стереорентгеноскопия может оказаться бесполезной для археологических исследований. Область применения рентгеновских лучей для изучения археологических объектов, конечно, не должна ограничиваться только изучением керамики. Например, нам были доставлены древние сложные железные замки; сохранность их была такова, что не позволяла без разрушений изучить их устройство. Рентгеноскопические снимки дали харак-

теристику внутреннего устройства и установили применение меди для спаек и украшений.

Хорошие результаты получены при съемке внутреннего крепления рукояток у различных инструментов в тех случаях, когда нельзя отделить рукоятку от самого инструмента.

До последнего времени рентгеновский кабинет Эрмитажа занимался главным образом исследованием картин. Спрос на исследования археологического материала возник совсем недавно. Если со стороны археологов будет проявлен дальнейший интерес к методу рентгеноскопии и будут поступать от них указания, какие объекты исследования наиболее важны, будет совершенствоваться и техника исследований

:

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР
КАЭ — Камская археологическая экспедиция Молотовского государственного университета
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МГПИ — Московский государственный педагогический институт
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТМНО — Труды Московского нумизматического общества
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

	Стр.
<i>А. В. Кирьянов.</i> К вопросу о земледелии волжских болгар	3
<i>М. М. Якубцинер.</i> О составе зерновых культур из Старой Ладogi	17
<i>Э. А. Сымонович.</i> О датировке поселений первых веков нашей эры в Луке-Врублевцевкой	23
<i>Ю. В. Кухаренко.</i> Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья	33
<i>В. Л. Янин.</i> Древнейшая русская печать X века	39
<i>В. Р. Тарасенко.</i> Из материалов раскопок минского Замчища	47
<i>П. А. Раппопорт.</i> Города Болоховской земли	52
<i>Л. П. Семенов.</i> Шлемы из Северной Осетии	60

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>А. Ф. Дубынин.</i> Работы Московской экспедиции	69
<i>М. Г. Рабинович.</i> Великий посад Москвы (По раскопкам 1951 года)	78
<i>Э. А. Рикман.</i> Результаты археологических наблюдений в Зарядье (По раскопкам 1949—1951 гг.)	83
<i>М. А. Тиханова.</i> Из материалов Дубоссарского отряда Молдавской экспедиции (Памятники культуры полей погребений)	92
<i>С. А. Тараканова.</i> Археологическая разведка по Неману	100
<i>Б. А. Тимошук.</i> Древнерусские поселения Северной Буковины	109
<i>В. Ф. Генинг.</i> Памятники харинского времени в Прикамье	115
<i>И. А. Лунетов.</i> Редикарский могильник	124

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

<i>Л. В. Алексеев.</i> Три пряслица с надписями из Белоруссии	129
<i>В. А. Оборин.</i> Костяная рукоятка из Анюшкара (Кыласово)	133
<i>В. Ф. Генинг.</i> Серебряный браслет из Верхнего Прикамья	135

IV. МЕТОДИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>С. А. Семенов.</i> К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды	137
<i>Т. Н. Сильченко.</i> К вопросу о применении рентгеноскопии для изучения археологических объектов	145
Список сокращений	150

*Утверждено к печати
Институтом материальной культуры
Академией Наук СССР*

*

*Редактор издательства М. Г. Воробьева
Технический редактор Е. Д. Грахова
Корректор В. Б. Несвижский*

*

РИСО АН СССР 73 — № 49Р. Т-01561 Издат. № 593.
Тип. заказ № 1308. Подп. к печ. 15/II 1955 г.
Форм. бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,75 + вклейки.
Печ. л. 13,07+2 вклейки. Уч.-издат. л. 13,1+2 вкл.
(02 уч.-издат. л.). Тираж 2000. Цена 8 р.

1-я тип. Издательства Акад. Наук СССР
Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12